ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ИЩЕНКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

АФГАНИСТАН ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III (1881-1894 гг.)

Специальность 5.6.2 Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Юрий Павлович Лалетин

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ В 1884-1894 ГГ. 27

1.1 Российско-афганские связи к началу 1880-х гг. Характер отношений Афганистана с Россией и Великобританией при Абдуррахман-хане 27

1.2 Деятельность российских дипломатов по исследованию Афганистана 45

1.3 Изучение Афганистана российскими военными 54

1.4 Привлечение афганских эмигрантов и агентов в качестве информаторов 72

ГЛАВА 2. УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АФГАНИСТАНОМ 85

2.1 Политические основы афганского разграничения 85

2.2 Боестолкновение у р. Кушк и его последствия в международной политике 103

2.3 Работа русско-английской разграничительной комиссии 116

2.4 Российско-афганское разграничение на Памире 128

ГЛАВА 3. АФГАНИСТАН В РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 144

3.1 Невмешательство во внутриафганские дела 144

3.2 «Афганский вопрос» в российской консервативной прессе 177

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 194

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 204

Приложение 222

ВВЕДЕНИЕ

Во время правления Александра III Россия столкнулась с новым опытом взаимодействия с Афганистаном, который проявился в осуществлении таких шагов, как активизация всестороннего изучения Афганистана, определение российско-афганской границы, учреждение дипломатических представительств на границах с Афганистаном, вооруженное противодействие афганским отрядам и получение приглашения к участию во внутриафганских политических распрях. Изучение этих аспектов самих по себе позволит точнее осмыслить генезис ряда современных проблем, с которыми сталкивается Афганистан, страны региона и мира, так или иначе вовлеченные в решение проблем на Среднем Востоке.

Рассматривая упомянутые выше вопросы, исследователь сталкивается с обширным корпусом российских текстов, состоящим из официальных документов (депеш, докладов, резолюций должностных лиц различных уровней и др.) и публицистических материалов. Все они формируют дискурсивное поле Российской империи, в котором «афганский вопрос» также нашел свое отражение.

Актуальность исследования. В настоящее время Афганистан привлекает внимание всего мира. Происходящие там процессы во многом уходят своими корнями в XIX в., когда формировались границы этого государства. Этим предопределяется актуальность темы исследования.

Афганистан, занимающий важное геополитическое положение в центре Евразии, стал рубежом распространения границ Российской и Британской империй в XIX в. Один из результатов русско-британского соперничества 1880-1890-х гг. – установление государственных границ Афганистана – сегодня в немалой степени определяет политическую, экономическую и социальную жизнь

Афганистана и окружающих его стран, а также их положение в сфере безопасности.

Актуальность изучения внешнеполитического дискурса определяется такой важной функцией как защита национальных интересов, а также его социальной значимостью.

Хронологические рамки соответствуют времени правления императора Александра III – 1881-1894 гг., поскольку этот период можно считать одним из наиболее значимых этапов в истории российско-афганских отношений. Окончательное оформление общей границы с Афганистаном и связанные с этим процессом события исследуемого периода предопределили начало более систематического и всестороннего изучения Афганистана.

Территориальные рамки обусловлены целью и задачами исследования и охватывают все приграничные области между современными Афганистаном и государствами Центральной Азии.

Объектом исследования являются российско-афганские отношения в годы правления Александра III.

Предметом настоящего исследования являются официальная политика российского правительства по отношению к афганским делам в 1881-1894 гг., инициативы, осуществлявшиеся в обход заданных в Петербурге задач, прежде всего военным ведомством, а также оценки «афганской политики» властей в российском общественном сознании.

Цель работы заключается в определении положения, которое занял Афганистан в дискурсивном поле Российской империи, сформированном различными группами, в той или иной степени принимавшими участие в конструировании системы внешней политики страны на этом направлении: дипломатов, военных, разведки, ученых, публицистов и правительства. Для этого исследуются ключевые аспекты российско-афганских отношений в годы царствования Александра III: определяются основные векторы российской

политики и выявляются особенности в подходах к проблеме соперничества с Англией в «афганском вопросе» различных социально-политических групп и степени их влияния на принятие решений императором.

В настоящей работе сознательно не уделяется внимания военному аспекту афганской политики России, поскольку этот вопрос можно считать достаточно хорошо изученным. Вместо этого делается акцент на рассмотрении исследовательской и политико-дипломатической деятельности российского правительства на афганском направлении.

Задачи исследования.

1. Рассмотреть процесс изучения Афганистана российскими дипломатами и военными. Определить причины активизации исследовательской деятельности и проанализировать ее результаты.
2. Охарактеризовать подход российских властей к вопросу установления российско-афганской границы, проследить этапы демаркации и выделить основные последствия окончательного определения рубежа.
3. Выявить особенность подхода афганских властей к вопросу государственной принадлежности спорных территорий на границе с российским Туркестаном.
4. Дать оценку линии российского правительства на невмешательство во внутриафганские политические распри.
5. Сопоставить подходы военного и дипломатического ведомств Российской Империи по отношению к политике на афганском направлении.
6. Дать характеристику концептуальному направлению общественной мысли Российской империи в «афганском вопросе» на примере публикаций идейно близких царю консервативных авторов.

7. Определить степень влияния представителей военного и внешнеполитического ведомств, а также общественных кругов на решения Александра III по «афганскому вопросу».

Методологическая основа исследования.

В процессе написания диссертационной работы автор руководствовался основными положениями, принципами и методами исторического исследования, главными из которых являются объективность, всесторонность и конкретность, историзм, научность и доказательность выдвигаемых положений.

Использован нарративный метод изложения исследуемых событий, историко-типологический метод в классификации способов получения информации об Афганистане, а также ретроспективный метод в рассмотрении изменений, происходивших в афганском обществе в процессе развития российско-афганских отношений в 1880-1890-е гг.

Двигаясь в рамках имагологического исследования, в диссертационной работе уделяется значительное внимание формированию образа России в глазах афганцев и народов, проживающих к югу от Гиндукуша. Исследование этой проблемы находится на пересечении различных дисциплин и наук, в частности истории, культурологии, филологии, лингвистики, антропологии и др. Представление о русских, складывавшееся у афганцев по мере осуществления Россией тех или иных шагов в российско-афганских отношениях, хорошо осознавалось российскими политическими деятелями и оказывало большое влияние на принятие политических решений. Для изучения этого вопроса применялся имагологический метод.

Для настоящего исследования определяется понятие дискурса в качестве интеллектуального, социально-политического и текстуального пространства, объединяющего разные группы государственных и общественных деятелей по принципу их вовлеченности в обсуждение данного интеллектуального поля. В рамки дискурсивного поля в данном случае входят документальные, научно-

исследовательские и литературные тексты. Все они так или иначе рассматривают Афганистан, включенным в систему внешней политики Российской империи. Таким образом, в настоящей диссертационной работе оправдано говорить о «внешнеполитическом дискурсе». Границы дискурсивного поля определяются проблематикой российской политики в отношении Афганистана. Интерпретация исследуемых в данном контексте источников производится при помощи дискурс-анализа.

Широко использовались и общенаучные методы исследования: проблемный, аналитический, метод исторической аналогии, а также проблемно-хронологический подход к изложению материала, к периодизации, к описанию и сопоставлению дипломатических и военных документов, а также российских и афганских источников. В диссертации также применялся метод архивного востоковедения. В основу структуры разделов положен хронологический принцип.

Научная новизна.

Настоящая работа является первым в историографии целостным исследованием развития «афганского вопроса» во внешней политике Российской империи в годы правления Александра III.

Кроме того, посредством диссертационного исследования вводится в научный оборот ряд архивных материалов по проблеме российско-британского соперничества в регионе. Научная новизна также заключается в проведенном анализе афганских оценок российско-афганских отношений и российско-британского противостояния с опорой на дари-язычные источники, а также исследования дари- и пушту-язычных авторов, с их последующим сопоставлением с российскими архивными документами.

В настоящей работе впервые дается анализ российского внешнеполитического дискурса в отношении российской политики на афганском направлении в годы правления Александра III.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Обострение российско-британских противоречий в Средней Азии в 1880-е гг. послужило ключевым фактором развития российских исследований Афганистана, прежде всего его северных областей.
2. Российское правительство не стремилось к территориальным приобретениям в южном направлении как таковым. Теоретическое обоснование очерчивания безопасной границы с Афганистаном базировалось на соблюдении «этнографического принципа» там, где отсутствовали естественные преграды.
3. Власти Афганистана имели основания претендовать на южные туркменские земли. Стремление афганцев обосновать свои исторические права на них послужили поводом для формулирования британцами «политического принципа» разграничения в противовес российскому принципу.
4. Российская политика невмешательства во внутриафганские дела при сохранении контактов с местными властями в 1880-х гг. продемонстрировала свою эффективность как один из инструментов поддержания стабильности в Афганистане и Средней Азии.
5. Российские военные и дипломаты разделяли соответственно более жесткий и более осторожный подходы в отношении Афганистана.
6. Влиятельные консервативные публицисты выступали за продвижение к югу от российско-афганской границы и более активное противодействие британцам в регионе.
7. Решения Александра III по всем аспектам афганской политики соответствовали рекомендациям МИД. Российский император не

поддержал идеи военных и консервативных публицистов о территориальных приобретениях к югу от Амударьи и активном участии во внутриполитических распрях в Афганистане.

Характеристика источников.

Источниковую базу настоящего исследования составляют материалы российских архивов, прежде всего Архива внешней политики российской империи, на русском, английском, французском и персидском языках, а также 3-й том дари-язычного труда «Сирадж ат-Таварих» («Светоч истории»), автор которого – историк при дворе афганского эмира Хабибуллы-хана (1901-1919) мулла Файз Мохаммад Катиб Хазара – был современником рассматриваемых событий.

Использованные в диссертации источники можно разделить на несколько групп.

I. Архивные документы: 1) официальные отчеты МИД, представителей туркестанской администрации и российских военных; 2) всеподданнейшие доклады; 3) переписка министра иностранных дел с послами и консулами в Иране и европейских странах.

II. Ключевым источником информации, использованным в настоящем исследовании, является 3-й том «Сирадж ат-Таварих», который подробно освещает все аспекты политической жизни афганского государства в исследуемый период, в том числе российско-афганские отношения. Его ценность заключается в том, что афганский хронист при составлении этого труда использовал подлинные документы, относящиеся к времени правления Абдуррахман-хана: фирманы эмира, переписку кабульского правителя со своими гражданскими и военными служащими, а также иностранными представителями. Многие из этих документов приводятся в «Сирадж ат-Таварих» в полном или сокращенном виде. Изучение «Сирадж ат-Таварих» дает представление о том образе России, который складывался при дворе афганского правителя.

III. Периодические издания Российской империи, отражающие взгляд на афганскую проблематику общественно-политических кругов Российской империи: журналы «Гражданин», «Московские ведомости» и «Русь», газеты «Правительственный вестник», «Русский инвалид» и «Голос Москвы». Кроме того, в газетах и журналах обнаружены редкие факты, не фиксировавшиеся прежде в исторических исследованиях.

К сожалению, многочисленные попытки автора добиться от афганских властей (как республиканских, так и талибских) разрешения исследовать документы, хранящиеся в архивах Афганистана – в Национальном архиве и Архиве Арга (Президентского дворца) – не увенчались успехом. Единственный оригинальный документ, относящийся к рассматриваемому периоду и использованный в настоящей диссертации, был обнаружен в частной коллекции одного из лидеров суфийского ордена Кадерия, проживающего в Кабуле, Саеда Исхака Гилани – послание эмира Абдуррахман-хана вице-королю Индии маркизу Лансдауну[1] (1888-1894) от февраля-марта 1889 г.

Среди опубликованных источников на русском языке необходимо назвать «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872-1885 гг.». В нем приводятся документы, относящиеся к определению российско-афганской границы. Также в работе использованы опубликованные отчеты и воспоминания российских военных и гражданских служащих, непосредственно участвовавших в рассматриваемых в настоящей работе событиях: М. Алиханова-Аварского, Н.А. Арандаренко, Н.И. Гродекова, Б.Л. Громбчевского, Д.Л. Иванова, П.М. Лессара, Д.Н. Логофета, Н.О. Розенбаха, Н.В. Чарыкова.

Британской историографии в настоящей работе сознательно не уделяется много внимания в связи с тем, что работы английских авторов (в отличие от

[1] Генри Чарльз Кит Петти-Фицморис, лорд Нэрн, 5-й маркиз Лансдаун (1845-1927) также занимал должность генерал-губернатора Канады (1883-1888), военного министра (1895-1900) и министра иностранных дел (1900-1905) Великобритании.

источников и литературы на восточных языках) очень хорошо изучены. Их анализ, в частности, приведен в ряде диссертационных работ отечественных исследователей, таких как А.Г. Данкова «Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.)»[2], А.В Сальниковой «Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX — начале XX века»[3] и др.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием воспоминания британских дипломатов и путешественников, чья деятельность непосредственно связана с темой настоящего исследования: Ч.Э. Иэта, Р. Кеннеди и Ч. Макгрегора. Кроме того, важным источником на английском языке является биография Абдуррахман-хана, составленная государственным секретарем («мир-мунши») эмира по имени Султан Мохаммад-хан. Считается, что первые 11 глав книги, содержащие описание ранних лет жизни кабульского правителя (в том числе о времени его пребывания в российском Туркестане), он написал сам, остальные главы С. Мохаммад-хан записал под диктовку эмира и в 1900 г. издал мемуары в Лондоне на английском языке. Нужно отметить, что авторство Абдуррахман-хана и верность изложенных в работе фактов подвергается сомнению некоторыми исследователями. В частности, А.А. Семенов в 1910 г. на основании архивных данных издал работу «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан», в которой подчеркивал, что изложенные в его монографии факты во многом расходятся с написанным в автобиографии эмира. По мнению А.А. Семенова, изучившего письменные документы афганского правителя, Абдуррахман-хан писал по-персидски «очень безграмотно и непонятно в смысле изложения мыслей», а кроме того, «…покойный эмир, едва ли ведший дневник

---

[2] Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.): специальность: 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. А.Г. Тимошенко; Томский государственный университет. Томск. 2008.

[3] Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX — начале XX века: специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. Д.А. Макеев; Владимирский государственный гуманитарный университет. Владимир. 2009 г.

своей бурной и богатой опытом жизни, многое мог позабыть, многое мог не досказать…».[4] Несмотря на это, упомянутый источник признается подлинным в научной среде, многие отечественные и зарубежные авторы ссылаются на него в своих исследованиях.

Корпус неопубликованных источников, использованных в диссертации, составляют материалы, хранящиеся в фондах трех российских архивов. Основной упор был сделан на документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва). При раскрытии политических аспектов действий России по отношению к Афганистану наиболее содержательным оказался фонд 147 «Среднеазиатский стол». Обстоятельное изучение дел этого фонда дало широкое представление о ключевых событиях в российско-британском противостоянии в Средней Азии, а также о позиции по «афганскому вопросу» не только российского правительства, но и гражданских и военных чиновников, служивших на афганских границах. Фонды 1 «Канцелярия министра» и «Секретный архив министра» содержат всеподданнейшие доклады главы внешнеполитического ведомства, а также переписку министра иностранных дел с российскими послами. Ряд материалов АВПРИ вводятся в научный оборот впервые.

При изучении документов фонда 445 «Афганистан» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва) обнаружены содержательные материалы о военной разведке Афганистана, произведенной русскими офицерами в середине 1880-х гг., донесения о положении дел на Памире, а также сведения о лидерах афганской оппозиции, проживавших в Иране.

Некоторые важные данные по вопросу о российско-афганском разграничении обнаружены в фонде 932, а сведения по вопросу о финансировании некоторых афганцев, бежавших на российскую территорию – в

[4] Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. М. 1910. С. 27.

фонде 565 Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург).

Следующим весьма информативным и объемным является комплекс публицистических текстов. Поставленная задача по выявлению реакции общественности на афганскую политику России потребовала изучения как официозной российской периодики, так и статей и материалов наиболее значительных публицистов своего времени. Наибольший резонанс в обществе вызвали события на афганской границе в середине 1880-х гг.: Пандждехский кризис и установление российско-афганской границы. В этой связи рассмотрены выпуски газет «Правительственный вестник» и «Русский инвалид» за 1885 г., «Русь» за 1885 и 1886 гг. Кроме того, использованы материалы из «Собрания передовых статей Московских ведомостей» М.Н. Каткова 1884 и 1885 гг., изданных его супругой С.П. Катковой в 1898 г., а также сборника «Письма к императору Александру III» издателя журнала «Гражданин» П.М. Мещерского. Последняя работа, вышедшая в свет в 2018 г., содержит письма князя П.М. Мещерского к царю и выдержки из упомянутого журнала, относящиеся к «афганскому вопросу». Автор диссертации также изучил письма к императору одного из наиболее влиятельных царских вельмож, обер-прокурора Святейшего синода и воспитателя царя К.П. Победоносцева, опубликованные в 1926 г. в 2-х томах сборника «Письма Победоносцева к Александру III», однако никаких оценок политики на афганском направлении в нем обнаружено не было.

Степень изученности темы.

В отечественной и зарубежной историографии нет специальных изысканий, посвященных политике России на афганском направлении в годы царствования Александра III. Однако некоторые аспекты «афганского вопроса» во внешней политике Российской империи, в том числе в рассматриваемый период, находят отражение в трудах отечественных авторов дореволюционного,

советского периодов, в работах современных исследователей, а также зарубежных, в том числе, афганских историков.

Как отмечалось выше, появление «афганского вопроса» в российском политическом дискурсе во многом связано с российско-британским противостоянием в регионе. Концепции такого взаимодействия формулировались российскими востоковедами накануне 1880-х гг. В частности, этой проблеме посвятили свои работы Ф.Ф. Мартенс и М.А. Терентьев. Если первый искал точки соприкосновения с Лондоном, отмечая, что Россия и Англия должны вместе выступить с позиции европейских цивилизаторов Средней Азии: «…их [русских и англичан] истинные и действительные интересы советуют им протянуть друг другу руку на вершинах Гиндукуша и мужественно защищать свои завоевания, совершенные во имя цивилизации и человечества…»[5], то последний придерживался более жестких позиций в отношении власти британцев в Индии и их стремления распространить свое влияние на территории Средней Азии: «Ост-индская компания есть ни что иное, как болезненный нарост на прекрасном теле Индии – паразит, питающийся лучшими соками плодороднейшей страны в мире. Нарост этот может быть удален только хирургическою операциею. Индусы пробовали в 1857 г. произвести эту операцию сами, но оказались недостаточно искусными. Теперь они ждут хирурга с севера, торопят его своими просьбами, проповедуют о нем в своих храмах».[6] Здесь обнаруживается различие в подходах дипломатической (Ф.Ф. Мартенс) и военной (Ф.Ф. Терентьев) школ к среднеазиатскому и афганскому вопросу, которое прослеживается нами и в настоящем исследовании.

Первые оценки событиям, происходившим на афганских границах в конце XIX в., дали сами их участники. Необходимо отметить, что одной из важных особенностей этой литературы является описательный, некритический характер

[5] Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. 1880. С. 8.
[6] Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. С. 273-274.

повествования. Так, М. Алиханов-Аварский оставил исчерпывающие воспоминания о битве у р. Кушки, Н.А. Арандаренко описал время своей службы в Туркестане, в частности период возвращения Абдуррахман-хана из Средней Азии в Афганистан. Работа Н.И. Гродекова интересна тем, что он лично побывал на севере Афганистана накануне прихода к власти Абдуррахман-хана и, имея возможность непосредственного общения с местными жителями, убедился в расположении узбекского населения этого государства к России. Многочисленные данные о Памире и событиях, происходивших в этой области в контексте борьбы за контроль над ней, приводятся в трудах Б.Л. Громбчевского и Д.Л. Иванова. Отчеты П.М. Лессара рисуют картину исследований туркменских степей к северо-западу от Афганистана и вЕратской провинции. Д.Н. Логофет в своих произведениях дает характеристику не только военно-политическим событиям на российско-афганской границе, но и приводит различные сведения об истории, культуре и этнографии местного населения. Политико-дипломатический аспект «афганского вопроса» в исследуемый период отражен в воспоминаниях Н.О. Розенбаха и Н.В. Чарыкова. Кроме того, в 1885 г. в Петербурге была опубликована работа С.Н. Южакова «Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк», составленная на основании исследований русских и иностранных путешественников-востоковедов, в которой автор ставил задачу показать актуальную картину политической и социальной жизни афганского государства.

Более глубокий анализ борьбы двух европейских держав у границ Афганистана был произведен на рубеже XIX-XX вв. Среди наиболее значимых авторов этого периода отметим А.Е. Снесарева. Он рассматривает продвижение России в Средней Азии с политической точки зрения, подчеркивая, что в этом регионе «…изучением стран и народов руководила, главным образом, политика…»[7], а в качестве основной причины участия России в азиатских

[7] Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб. 1906. С. 4.

завоеваниях он называл ее естественное «стремление к власти».[8] А.Е. Снесарев писал о невыгодном положении России в Средней Азии после окончания разграничений с Афганистаном, что подводит читателя к мысли о необходимости занятия больших территорий в этой стране. Еще более прямой подход в этом вопросе имел В.Т. Лебедев, заявлявший: «Занятие Герата, затем Кандагара и Кабула и, наконец, включение всего Афганистана в сферу нашего влияния – вот дальнейшие наши шаги в Средней Азии; этого требует выгода России, и от нее не следует отказываться».[9] Противоположного мнения держался М.В. Грулев, чьи взгляды «…стояли в боевом противоречии с прочно установившимися у нас взглядами, что Туркестан должен служить плацдармом для похода в Индию».[10] Так или иначе, исследователи на рубеже веков объясняли столкновение Российской и Британской империй в Средней Азии в привязке к геополитическим интересам этих стран, представляли читателю глубинные причины распространения влияния русских и англичан в регионе, смело высказывали свое мнение относительно дальнейшего образа действий России на этом направлении.

После 1917 г. в отечественной науке утвердилась марксистская историческая школа, главным выразителем идей которой стал М.Н. Покровский. Резкой критике подвергались работы дореволюционных авторов, а внешняя политика России в Азии представлялась крайне агрессивной формой «колониального капитализма», нацеленной, прежде всего, на получение экономической выгоды от вновь приобретенных земель в интересах буржуазии. При этом, по словам М.Н. Покровского, захват рынков «…нигде, даже в британской Индии, … не выступает со столь резкими чертами, в столь обнаженном виде, как в русско-азиатской политике».[11]

---

[8] Там же. С 13.
[9] Лебедев В.Т. В Индию. Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. СПб. 1898. С. 13.
[10] Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб. 1909. С. VIII.
[11] Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923. С. 321.

В советский период в отечественном востоковедении активно развивалось афганское направление. Большое значение в этом вопросе имело восстановление независимости Афганистана в 1919 г. Советская Россия первой официально признала новый статус своего южного соседа, за этим последовало установление дипломатических связей. Как представляется, дружеский характер этих контактов влиял на идейное наполнение исследований. Так, советские востоковеды активно опровергали тезис о «русской угрозе» Индии и, напротив, подчеркивали агрессивность британской политики в Средней Азии.[12] Что касается обострений на российско-афганских границах в 1880-1890-х гг., то вся вина за это возлагалась только на англичан, в то время как действия Абдурахман-хана представлялись исключительно миротворческими. В значительной степени эти оценки можно считать справедливыми, поскольку британцы действительно предпринимали все усилия, чтобы склонить эмира к необходимым для них шагам, что удавалось далеко не всегда. Однако без внимания оставались чаяния афганских властей и лично кабульского правителя, которые, в некоторых вопросах, как мы увидим в настоящем исследовании, порой вовсе не шли в разрез с задачами британцев. Одним из основателей отечественной афганистики можно считать И.М. Рейснера, служившего в посольстве РСФСР в Афганистане в 1919-1921 гг. Уже в 1929 г. он издал работу «Афганистан: с картами и схемами».[13]

Большой вклад в изучение роли Афганистана в системе российско-британского противостояния внес Н.А. Халфин. Ученый, руководивший Центральным государственным историческим архивом УзССР (1945-1956), обогатил историографию массой архивных данных. Интерес Н.А. Халфина привлекал вопрос российского присоединения Средней Азии. В качестве основной причины завоевания Туркестана он указывал на «серьезные экономические сдвиги» в Российской империи, «которые придавали особое

[12] Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М. 1959.
[13] Рейснер И.М. Афганистан: с картами и схемами. М. 1929.

значение борьбе за рынки сбыта и источники сырья».[14] При этом исследователь подвергал резкой критике выводы М.Н. Покровского о «сверхагрессивности России» на Востоке, называя его взгляды «антимарксистскими и антиисторическими».[15]

В.М. Массон и В.А. Ромодин стали авторами первой в российской историографии обобщенной монографии, посвященной истории Афганистана с древнейших времен. Во 2-м томе «Истории Афганистана» приводятся сведения об интересующем нас периоде.[16] Во многом основу этого исследования составляют данные, почерпнутые из 3-го тома дари-язычного труда «Сирадж ат-Таварих». Одним из первых отечественных исследователей этого памятника был В.А. Ромодин, посвятивший ему ряд своих работ[17]. История Афганистана в заданные нами хронологические рамки рассматривается в монографиях В.А. Ромодина[18] и, хотя и в довольно общем виде, Ю.В. Ганковского.[19] Проблемы русско-афганских отношений, в том числе в годы правления Александра III, исследованы также в работах Г.А. Ахмеджанова[20] и П.С. Котляра[21].

Вопросы российской политики в Афганистане в 1880-1890-е гг. нашли широкое отражение в отечественном востоковедении в 1990-х и 2000-х гг. В работах М.Р. Аруновой и О.М. Шумилова[22], а также З.А. Джандосовой[23]

---

[14] Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М. 1960. С. 150.
[15] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 107.
[16] Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. В 2 т. Т. 2. М. 1965.
[17] Ромодин В. А. «Сирадж ат-таварих» (т. III) как источник // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Ленинград. 1968. С. 42-45.
[18] Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. Официальная история и историография. М. 1990.
[19] Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М. 1982.
Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана (1747-1977). М. 1985.
[20] Ахмеджанов Г.А. К русско-афганским отношениям на рубеже XIX - XX веков. // Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII - начале XX века. Ташкент. 1963. С. 231-243.
[21] Котляр П.С. Русско-афганские отношения в середине XIX - начале XX века и англо-русское соперничество на Среднем Востоке. // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. Т. 33. Вып. 2. 1962. С. 57-249.
[22] Арунова М.Р. Граница России с Афганистаном. М. 1998.
[23] Джандосова З.А. Запад наступает с юга и севера // Родина. 1999. № 2. С. 6-13.

рассмотрена проблема установления российско-афганских границ. Исследования А.А. Колесникова[24], Г.С. Харатишвили[25] и С.Е. Григорьева[26] дают анализ истории политических, экономических и культурных связей России и Афганистана, а также изучению этой страны русскими путешественниками. Ряд научных изысканий последних лет посвящены изучению биографий и отдельных этапов службы активных участников рассматриваемых нами событий. Так, жизнь и профессиональная деятельности П.М. Лессара, Д.Н. Логофета, Д.Н. Иванова и Н.В. Чарыкова обстоятельно исследованы М.Е. Сорокой[27], В.С. Соловьевым[28], Д.Н. Худоназаровым[29] и О.А. Черновым[30]. О некоторых афганцах-эмигрантах на русской службе мы узнаем из работы А.А. Михайлова[31]. А.Ю. Рудницкий рассмотрел вопрос участия Б.Л. Громбчевского в подготовке восстания Исхак-хана в 1888 г.[32] Автор строит свое исследование на утверждении Б.Л. Громбчевского о его ключевой роли в упомянутом событии, высказанном российским путешественником в своих мемуарах. В свою очередь, утверждения эти по ряду причин, о которых сказано ниже, представляются весьма сомнительными, что делает вывод А.Ю. Рудницкого о том, что российские власти «провалили» акцию, инициированную военным ведомством, маловероятным.

---

[24] Колесников А.А. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб. 2011.
[25] Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Торгово-экономические и культурные контакты // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. 2011. С. 97-117.
[26] Григорьев С.Е. Россия и Афганистан. История политических связей // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. 2011.
[27] Сорока М.Е. Портрет российского дипломата: Павел Михайлович Лессар (1851-1905) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 123-126.
[28] Соловьев В.С. Д. Н. Логофет – исследователь Восточной Бухары // История: факты и символы. 2015. Вып. 3 (№ 4). С. 67-74.
[29] Худоназаров Д.Н. Дмитрий Иванов – первый русский исследователь Памира // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 216-227.
[30] Чернов О.А. Н.В. Чарыков о влиянии ислама на развитие Средней Азии во второй половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 219-221.
[31] Михайлов А.А. Первый бросок на юг. СПб. 2003.
[32] Рудницкий А.Ю. «Большая игра» в центре Азии (Б.Л. Громбчевский и восстание Исхак-хана 1888 г.) // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2014. № 8. С. 560-573.

Проблема разграничения на Памире детально изучена в работе А.В. Постникова[33]. На основе материалов российских, центральноазиатских и европейских архивов автор наиболее полно представил историю борьбы за Памир во второй половине XIX в. Отметим также исследование А.К. Алексеева, посвященное походу генерала М.Е. Ионова в Западный Памир, опубликованное к 115-летию этой экспедиции.[34]

Вопрос геополитического противостояния России и Великобритании в XIX в. в последние десятилетия привлек значительный интерес исследователей. Широкий взгляд на эту проблему дается в монографиях Е.Ю. Сергеева[35] и В.Г. Коргуна[36]. Также необходимо отметить ряд работ Н.Н. Лисициной, посвященных, в том числе, взаимодействию российских и афганских властей в рассматриваемый нами период.[37] Исследования этого автора содержат много редких сведений из документов российских архивов и освещают прежде всего военный аспект российско-британского соперничества.

Российская общественная мысль и публицистика, а также биографии и идеи ее наиболее ярких представителей в годы правления Александра III обстоятельно изучены в многочисленных работах российских ученых, в

---

[33] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001.

[34] Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: востоковедение и африканистика. 2009. № 3. С. 76-90.

[35] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. 2012.

[36] Коргун В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М. 2009.

[37] Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдуррахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Восточный архив. 2008. № 17. С. 28-32. Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г. // Восточный архив. 2015. №1. С. 19-22. Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е-1907 гг.): специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. В.И. Шеремет; Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. М. 2016.

частности, Д.А. Бадалян[38], А.В. Кайля[39], А.Э. Котова[40], О.С. Кругликовой[41], Э.А. Попова, И.В. Велигоновой[42] и др. Хотя в рассмотренных исследованиях не анализируются оценки российских публицистов на «афганскую» политику России, эти труды дают возможность охарактеризовать степень влияния тех или иных авторов второй половины XIX в. на мнение царя.

Немалое количество исследований, в которых так или иначе затрагивается проблема российско-британского соперничества в Средней Азии, насчитывает и зарубежная историография. Среди известных западных исследований можно назвать таких востоковедов, как Л. Адамек[43] и П. Сайкс[44]. Кроме того, информация о представителях российского военного ведомства в Туркестане представлена в монографии А. Маршала[45], а работа П. Френча[46] посвящена выдающемуся британскому участнику «Большой игры» Ф. Янгхасбенду.

Однако для настоящей диссертации значительно больший интерес представляет взгляд афганских историков на вопрос российско-афганских отношений. Наиболее обстоятельной работой, в которой рассматриваются интересующие нас проблемы, можно считать монографию М.Х. Какара[47] о политико-дипломатической истории Афганистана второй половины XIX в. Сильной стороной этого исследования является использование обширного массива документального материала британских и индийских архивов. В отличие от многих афганских ученых М.Х. Какар не ограничивается пересказом оценок,

---

[38] Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб. 2016.
[39] Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П.Мещерского // Известия Саратовского университета, сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8-15.
[40] Котов А.Э. М.Н.Катков о модернизации русского флота в 1860-1880-х гг. // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19. № 4. С. 1604-1608.
[41] Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н.Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып. 2. С. 252-264.
[42] Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н.Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке вопроса) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 31-36.
[43] Адамек Л. Тарих-е Равабет-е Сияси-е Афганестан аз Заман-е Амир Абдуррахман-хан та Эстеклаль. Кабул. 1971.
[44] Sykes P. A. History of Afghanistan: in 2 vol. Vol 2. London. 1940.
[45] Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860-1917. London. 2006.
[46] French P. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London.и2004.
[47] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006.

данных в «Сирадж ат-Таварих», хотя по многим острым вопросам придерживается характерной для упомянутого источника «оправдательной» позиции в отношении участия Афганистана во внешнеполитических спорах. Вместе с тем М.Х. Какар старался дать объективный взгляд на ряд важных проблем, в частности, российское участие в восстании Исхак-хана.

Среди других серьезных исторических трудов необходимо упомянуть работу М.Г.М. Губара[48] «Афганистан на пути истории», во 2-м томе которой рассматриваются российско-афганские отношения в интересующий нас период, базой для исследования которых является упомянутый нами «Сирадж ат-Таварих». Обобщенные работы по истории Афганистана, в которых лишь вкратце отражаются интересующие нас проблемы, принадлежат таким авторам как А. Муниб[49] («Современная история Афганистана»), С.К. Риштия[50] («Афганистан в XIX веке»), С.М. Фаррох[51] («Политическая история Афганистана»), М.М.С. Фарханг[52] («Афганистан в последние пять веков»). Обзор истории Бухары, Коканда и Кашгара, представленный в дари-язычном исследовании М.Ш. Бухараи[53] («История Бухары, Коканда и Кашгара»), рисует картину политической жизни североафганских провинций накануне и после их окончательного подчинения пуштунами, подтверждает осознание местными жителями своей этно-культурной и в какой-то степени политической близости с узбекским населением российского Туркестана. Особый характер носят изыскания пушту-язычных авторов, таких как Г.В. Вардак[54] («Расселение пуштунов в северных провинциях Афганистана») и Б.З. Какахейль[55] («Пуштуны в свете истории»). Эти исследователи прежде всего стремятся

[48] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015.
[49] Муниб А. Тарих-е Моасер-е Афганистан: учебное пособие. Кабул. 2015.
[50] Риштия С.К. Афганистан в XIX веке. М. 1958.
[51] Фаррох С.М. Тарих-е Сияси-е Афганистан: в 2 т. Т. 2. Кум. 2003.
[52] Фарханг М.М.С. Афганинистан дар Пандж Карн-е Ахир. Кабул. 2013.
[53] Бухараи М.Ш. Тарих-е Бухара, Хоканд ва Кашгар. Тегеран. 1998.
[54] Вардак Г.В. Дэ Афганистан пэ Шомали Велайято ке дэ Пахтано Остогандзи. Лахор. 1994.
[55] Какахейль Б.З. Пахтанэ дэ Тарих пэ Рана. Лахор. 2009.

продемонстрировать преимущество и высокую эффективность пуштунской политической и административной инициатив, в том числе в годы правления Абдуррахман-хана.

В целом афганские авторы были единодушны в оценках спорных вопросов на российско-афганских границах в 1880-1890- е гг. Афганистан представлялся полем геополитического противостояния России и Англии. Действия русских властей в туркменских степях и на Памире характеризовались как агрессивные. Исследователи подчеркивали законность с их точки зрения прав афганцев на земли полунезависимых туркмен (вплоть до Серахса и Мерва) и Бадахшан. Многие исследователи явно преувеличивали значение афганских властей в урегулировании приграничных конфликтов.

Таким образом, историографический обзор, анализ отечественной и зарубежной, прежде всего афганской, научной литературы по вопросу противоборства России и Великобритании в Средней Азии, а также по истории Афганистана в заданные нами хронологические рамки, подтверждает отсутствие детальных исследований по теме настоящей диссертации.

Практическая значимость исследования.

Представленные в диссертации материалы и выводы могут быть использованы как база для дальнейших исследований российской политики на афганском направлении в более широком контексте геополитической борьбы между европейскими державами на Востоке, а также истории Афганистана и государств Центральной Азии. Эти знания дают необходимый фундамент для понимания корней афганской политической культуры, ее специфики во взаимодействии с иностранными государствами и, как следствие, выработки решений по актуальным проблемам на афганском направлении.

Анализ текстов по афганской проблематике, составленных российскими государственными деятелями различных уровней, в том числе отражающих официальные подходы к важнейшим аспектам отношений с Афганистаном, а

также их сопоставление с оценками упомянутой проблематики в общественно-политическом мнении империи в рассматриваемый период демонстрирует процесс формирования российского внешнеполитического дискурса по данному вопросу.

Структура работы подчинена общей логике исследования и последовательно решает поставленные задачи.

Работа состоит из введения, трех глав, которые в свою очередь разделены на параграфы, заключения, приложения и списка использованных источников и литературы.

Во введении диссертации обоснована актуальность представленного исследования, освещены степень разработанности проблемы, теоретическая и методологическая основы работы, дана характеристика использованных источников, сформулированы цель и задачи исследования.

В первой главе «Разведывательная и исследовательсткая деятельность России в Афганистане в 1881-1894 гг.» поименно названы российские гражданские и военные служащие, действовавшие на афганском направлении, проанализирован их вклад в исследование Афганистана и различных аспектов жизни афганцев в контексте российско-британского соперничества в регионе. Исследовательские и аналитические работы, отчеты и доклады (открытые и секретные) отечественных дипломатов и офицеров, служивших на афганской границе, составляют ядро дискурсивного поля, которое становится интеллектуальной базой для публицистов и официальных лиц государства.

Во второй главе «Установление границы между Россией и Афганистаном» дана характеристика основным направлениям деятельности российских властей в отношении определения российско-афганской государственной границы. Пограничное урегулирование можно считать ключевым аспектом политики на афганском направлении в исследуемый период, т.е. основным предметом дискурса.

В третьей главе «Афганистан в российском внешнеполитическом дискурсе» уделено внимание анализу позиции официального Петербурга по невмешательству во внутриафганские политические распри, а также реакции представителей российской общественно-политической мысли, прежде всего выразителей наиболее близких императору консервативных кругов, на российскую политику в афганском вопросе в целом. В свою очередь, процесс выработки российским правительством решения об отказе от вмешательства во внутренний конфликт в Афганистане хорошо задокументирован. Здесь исследователь имеет дело с комплексом текстов, отражающих внешнеполитический дискурс на высшем государственном уровне.

В заключении диссертации обобщены результаты проведенного исследования, сформулированы основные выводы и рекомендации.

Апробация результатов исследования осуществлялась путем публикаций статей в российских научных журналах «Восток/ Oriens» («Участие Н.А. Нотовича в англо-русском соперничестве в Афганистане в середине 1880-х гг.»[56], «Открытие российского Генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект»[57], «Афганские оценки государственной принадлежности южных туркменских земель в ходе российско-афганского разграничения 1884-1888 гг.»[58]), «Новая и новейшая история» («Битва при Кушке (1885 года) в переписке Александра III»[59], «Афганский вопрос» в российской консервативной

[56] Ищенко Н.С. Участие Н.А. Нотовича в англо-русском соперничестве в Афганистане в середине 1880-х гг. // Восток (Oriens). 2020. № 6, с. 78-84.
[57] Ищенко Н.С. Открытие российского Генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект. // Восток (Oriens). 2021. № 6, с. 168-178.
[58] Ищенко Н.С. Афганские оценки государственной принадлежности южных туркменских земель в ходе российско-афганского разграничения 1884-1888 гг. // Восток (Oriens). 2023. № 2, с. 153-164.
[59] Ищенко Н.С. Битва при Кушке (1885 года) в переписке Александра III. //Новая и новейшая история. 2020 г., № 5, с. 219-223.

публицистике в середине 1880-х гг.»[60]) и «Международная жизнь» («Российская политика невмешательства в афганские дела в конце 1880-х годов»)[61].

[60] Ищенко Н.С. «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х гг. // Новая и новейшая история. 2022 г., № 4, с. 72-81.

[61] Ищенко Н.С. Российская политика невмешательства в афганские дела в конце 1880-х годов. //Международная жизнь. 2018 г., Специальный выпуск, с. 21-42.

ГЛАВА I. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ В 1884-1894 ГГ.

1.1 Российско-афганские связи к началу 1880-х гг. Характер отношений Афганистана с Россией и Великобританией при Абдуррахман-хане

Завоевания России в Средней Азии в XIX в. вызывали крайнюю обеспокоенность англичан, видевших в каждом шаге русского солдата в южном направлении посягательство на Индию – «жемчужину британской короны». Встреча двух европейских держав на границах Афганистана зародила противостояние, которое стало известно в широких кругах под названием «Большая игра»[62].

Русские купцы в поисках торговых путей в богатые Индию и Иран оказались в пределах современного Афганистана еще в середине XV вв. В 1464-1465 гг. в Герат – один из важнейших городов Империи Тимуридов (1370-1507) – прибыло первое официальное русское посольство.[63] С этого времени вплоть до начала 1880-х гг. подданные русского царя время от времени посещали эту страну. В этой связи можно вспомнить, в частности, посольства Бориса Андреевича Пазухина (1669), Мохаммада Юсуфа Касимова (1675), купца Саферова (1750), Богдасара Асланяна, известного также как Богдан Асланов (1764), Кульмаметия Мамедиярова (1813), Яна Виткевича (1837) и Николая Григорьевича Столетова (1878). Последние две миссии своими успешными переговорами с кабульскими правителями вызвали недовольство англичан, что повлияло на решение о вводе британских войск в Афганистан в 1838 и 1878 гг.

---

[62] Название «Большая игра» дано английским офицером А. Конолли, погибшим в 1842 г. в бухарском плену. Широкую известность термин приобрел благодаря роману Р. Киплинга «Ким».

[63] Базиленко И.В. Очерки истории российско-иранских отношений. СПб. 2017. С. 10.

В годы правления и по инициативе Петра I в России был начат систематический сбор сведений об афганцах.[64] Продвижение русских войск в Средней Азии в XIX в. предваряли экспедиции, целью которых был сбор данных о среднеазиатских ханствах, включая Афганистан. Так, в Хиву и Бухару направилась миссия Николая Павловича Игнатьева; в Восточный Туркестан – поручика Чокана Чингисовича Валиханова. В Гератское княжество и во владения Дост Мохаммад-хана была отправлена экспедиция Николая Владимировича Ханыкова, получившая название «Хорасанской». Чтобы не вызвать тревоги Англии и не нарушить обязательств Дост Мохаммад-хана (1834-1863) перед британцами не иметь сношений с другими государствами без одобрения Великобритании, задачей миссии было объявлено проведение научных исследований в Восточном Иране и Западном Афганистане. Истинные ее цели заключались в установлении контактов с правителями Герата и Кабула, а также проведении военной и политической разведки. В сентябре 1858 г. экспедиция прибыла в Герат, где была тепло принята правителем Герата султан Ахмад-ханом. Дост Мохаммад-хан отказал Н.В.Ханыкову в праве прибыть к своему двору, несмотря на заверения последнего в чисто научном характере его деятельности, однако за два месяца пребывания в Герате члены русской миссии подробнейшим образом изучили город и его окрестности.

С расширением своих владений на Индостане к началу XIX в. Великобритания вплотную подошла к границам владений афганцев, лишь недавно – в 1747 г. – образовавших независимое государство. Его правители обеспечивали устойчивость центральной власти во многом за счет грабительских походов в соседние страны, прежде всего Индию. Раздачей награбленного, в том

[64] Ромодин В.А. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России // Очерки по истории русского востоковедения. М. 1953 г. С. 151.

числе земельных наделов, правитель завоевывал лояльность местной знати – ханов многочисленных пуштунских племен[65].

Опасаясь возможных экономических убытков Ост-Индской компании[66], а также для противодействия усилению Афганистана, британцы различными способами начали вмешиваться во внутренние дела своего нового соседа. В результате в 1801 г. шах Заман (1795-1801), внук первого афганского правителя Ахмад-шаха Дуррани (1747-1772), был убит, в стране началась смута, ожесточенная борьба за власть, в которой Англия играла не последнюю роль, смена правящего клана, всевозрастающее давление на Афганистан со стороны Англии и как итог – Первая (1838-1842), а затем Вторая (1878-1880) англо-афганские войны, окончившиеся поражением британцев, но приведшие к установлению в Афганистане протектората Великобритании. Значительная часть британской политической элиты считала установление контроля за Афганистаном важной задачей Англии. Так, участник Второй англо-афганской войны Г. Беллью в 1880 г. отмечал следующее: «Он [афганец] имеет свои достоинства и недостатки, и на наш взгляд, второе сильно преобладает над первым. Он не способен управлять ни самим собой, ни другими и, к сожалению, нуждается в хозяине. Если мы не возьмем эту роль на себя, это сделает Россия».[67]

После того, как Российская империя распространила свою власть на Бухарский эмират (1868 г.), Хивинское (1873 г.) и Кокандское (1876 г.) ханства, а также после окончательного усмирения туркменских племен взятием Мерва (1884), русские и афганцы стали соседями, а Афганистан – страной, разделившей две империи.

---

[65] Российский исследователь национального вопроса в Афганистане Ю.П. Лалетин отмечает, что сохранение афганским государством черт союза племен послужило предпосылкой воздействию племенной структуры на государство, что повлияло в свою очередь на политическую фрагментацию Афганистана. Лалетин Ю.В. Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М. 2008. С. 82-83.

[66] Основанная в 1600 г. Британская Ост-Индская компания была упразднена в 1874 г.

[67] Bellew H.W. The Races of Afghanistan, being a brief account of the principal nations inhabiting that country. Calcutta. 1880. C. 55.

Активность России в Средней Азии приводила к появлению в Англии массы литературы, посвященной «русской угрозе» британским владениям в Индии, которая использовалась правящими кругами Великобритании для влияния на массовое сознание. Многие выдающиеся английские дипломаты, государственные деятели, журналисты и путешественники приложили усилия к разработке данной проблематики. Отметим, что подобная риторика рождалась не на пустом месте. В середине XIX в. в России был создан ряд проектов разного рода военных демонстраций в Средней Азии, авторами которых стали Петр Александрович Чихачев, Федор Федорович Торнау, Иван Федорович Бларамберг, Степан Александрович Хрулев и др. Эти планы предусматривали, в том числе, осуществление военного похода в Индию с первоначальным занятием Герата и Кандагара. Наиболее разработанный проект индийского похода был предложен генералом Михаилом Дмитриевичем Скобелевым в 1878 г., включавший в себя, между прочим, занятие Афганистана.[68] Полагалось целесообразным использовать среднеазиатский плацдарм для давления на Англию в случае ее антироссийских выпадов на европейском театре. «Опасение за колонии, – писал в 1875 г. М.А. Терентьев – эта та струна, на которой мы всегда можем разыгрывать всевозможные вопросы».[69]

Окончание Второй англо-афганской войны совпало с обновлением политического руководства в России, Великобритании и Афганистане в начале 80-х гг. XIX в.: в 1881 г. в России на престол взошел Александр III (1881-1894), британский кабинет в 1880 г. возглавил лидер либеральной партии Уильям Гладстон (1868-1874; 1880-1885; 1886; 1892-1894), а к власти в Кабуле в 1880 г. пришел эмир Абдуррахман-хан.

Александр III уделял внешней политике значительное внимание, являясь источником всех решений по внешнеполитическим вопросам. Его помощником

[68] Krausse A.S. Russia in Asia: a record and study, 1558-1899. London, 1900. C. 152.
[69] Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1875 г. С. 278.

в этом деле был министр иностранных дел Николай Карлович Гирс (1882-1895), сменивший на этом посту Александра Михайловича Горчакова (1956-1882). Красноречивое описание русского правителя приводит исследователь О.А. Гоков: «Прямой, по-рыцарски благородный, уверенный в себе монарх сочетал в своих взглядах прагматизм с идеализмом и излишней прямолинейностью в международных вопросах. Его задевала неблагодарность болгар, возмущало двуличие шаха, но при этом Александр III старался жёстко отстаивать интересы своего государства, своего владения, как сильный, уверенный в своих силах человек, который никогда не ударит первым, но всегда готов дать отпор агрессору».[70] Если военное ведомство не редко удостаивалось похвалы императора за твердость и решительность, то министерство иностранных дел – за осторожность и взвешенность. Эти качества Александр III ценил в Н.К. Гирсе и берег его от нападок недоброжелателей (см. главу III).

Внешнеполитический курс русского царя сочетал желание расширить влияние в Азии со стремлением избегать конфликтов с европейскими державами. Важно при этом, что Александр III справедливо оценивал роль Великобритании в азиатских делах и, при всех миротворческих установках своего внешнеполитического курса, не боялся быть до известной степени жестким в отношениях с Англией там, где это было необходимо.

В среднеазиатских делах значительную роль в выработке политических решений играли специалисты, многие годы проведшие на службе на южных российских рубежах и в сопредельных странах. Царь прислушивался к их мнению, хотя и оставлял за собой право принимать окончательное решение. Важным деятелем, формировавшим политику России в Азии, был директор Азиатского департамента МИД Иван Алексеевич Зиновьев (1883-1891). По указанию Александра III он входил в состав Особых совещаний по

[70] Гоков О.А. Русская политика в Иране в 1880-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 1 (13). С. 41.

среднеазиатским делам и в целом исполнял роль «связующего звена» между императором и азиатским внешнеполитическим курсом.[71] Кроме того, афганские дела входили в ведение российского посланника в Тегеране, должность которого исполняли Александр Александрович Мельников (1883-1886), Николай Сергеевич Долгоруков (1886-1889) и Евгений Карлович Бюцов (1889-1897). В годы правления Александра III были открыты и другие российские учреждения у границ Афганистана, в задачи которых входил, в том числе сбор информации о событиях в этой стране. О них и об их руководителях подробно сказано ниже.

То обстоятельство, что большую часть рассматриваемого нами периода во главе британского правительства стоял представитель либеральной партии У. Гладстон, как представляется, сыграло важную роль в готовности англичан к мирному урегулированию противоречий в отношениях с Россией в Средней Азии. Русский политический агент в Бухаре Н.В. Чарыков описывает последствия смены власти в Великобритании в начале 1880-х гг. следующим образом: «Либералы, как известно, круто отказались от «spirited policy», то есть активной внешней политики предшествовавшего консервативного кабинета. Вместо того, чтобы продолжать наступление в сторону Туркестана, устанавливать в ущерб афганцам «научную границу» и присоединять Кандагар, министерство Гладстона, напротив, решило вернуться к системе мира и дружбы в Азии и распорядилось безотлагательно вывести английские войска из Афганистана».[72]

Таким образом, в начале 1880-х гг. открылась новая страница в истории Афганистана и «афганского вопроса» в российской внешней политике. Ключевым фактором здесь выступала борьба с Англией за влияние в регионе. Следуя периодизации этого процесса, приведенной в одной из работ

---

[71] Гоков, О.А. Русская политика в Иране в 1880-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 1 (13). С. 43.

[72] Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва (из воспоминаний о походе генерала А.В.Комарова 1885 г.) // Исторический вестник. № 11. 1914. С. 512.

отечественного историка Е.Ю. Сергеева, царствование Александра III можно рассматривать как пограничный период между двумя центральными этапами англо-российского противостояния в Азии, а именно: «…наиболее конфронтационный – с 1874 до 1885 г., когда расширение пространства взаимного соперничества, несмотря на отдельные попытки достижения компромиссов, привело Россию и Великобританию на грань открытого вооруженного конфликта» и «тупиковый – с 1885 по 1905 г., когда продолжение соперничества потеряло смысл, а сотрудничество только набирало силу».[73]

Афганское направление в российской внешней политике XIX в. существовало в контексте противостояния с Великобританией в Азии. Появление «афганского вопроса» связано с территориальными приобретениями Российской и Британской империй к северу и юго-востоку от афганских границ соответственно. Этот процесс был завершен в годы правления Александра III, когда окончательно определились государственные границы афганского государства.

В рассматриваемый период в военном и гражданском востоковедении, а также российской дипломатии афганское направление получило дополнительное развитие. Внимание российского правительства к Афганистану в значительной степени было вызвано англо-российским соперничеством.

Важное геополитическое положение Афганистана обуславливало стремление русских и англичан получать подробные географические данные, а также сведения о положении дел в политической и экономической жизни этой страны. Для России эта задача осложнялась отсутствием возможности иметь официальные дипломатические сношения с Афганистаном, поставившим в 1880 г. свою внешнюю политику под контроль Великобритании.

---

[73] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. 2012. С. 20, 21.

Российско-британское противостояние в регионе, с одной стороны, препятствовало развитию афганского государства, оказавшегося в полузависимом положении от Англии, с другой – способствовало развитию исследовательской работы обеих держав на афганском направлении, которая в условиях острой геополитической борьбы во многом носила разведывательный характер.

Информацию об Афганистане в исследуемый период русским властям предоставляли, прежде всего, военные и гражданские чиновники. Кроме того, на русской службе состояли агенты-афганцы. Важные сведения сообщали и выходцы из Афганистана, которые бежали в российские владения, как правило из-за преследований со стороны кабульской власти. В это время в Афганистане побывали также и русскоподданные торговцы, в частности, в 1889-1890 гг. купец Засыпкин посетил почти все города Северного Афганистана.[74] Однако каких-либо сведений об афганском государстве, добытых торговыми людьми, в архивах и исследовательских работах, использованных в настоящей работе, обнаружено не было.

Для того, чтобы понять особенности российско-афганских контактов в рассматриваемый период, необходимо дать характеристику политической системе эмирата, отношению местных властей к России. Важной особенностью взаимодействия России и Афганистана в годы правления современника Александра III эмира Абдуррахман-хана (1880-1901) было то, что собственно российско-афганские контакты оказались встроены в систему отношений Россия-Афганистан-Великобритания. Стремление русских властей решать некоторые вопросы напрямую с Кабулом пресекались Лондоном. В то же время и Петербург при урегулировании острых споров, в частности, пограничных, апеллировал к

[74] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. Т. 3: Бухарско-Афганская граница. СПб. 1909. С. 17.

Англии как к государству, взявшему на себя ответственность за судьбу Афганистана.

После смерти эмира Дост Мохаммад-хана в стране разгорелась вооруженная борьба между сыновьями покойного правителя, окончившаяся в 1869 г. победой Шер Али-хана (1869-1879). Оказавшийся на стороне проигравших племянник нового эмира Абдуррахман-хан был вынужден покинуть Афганистан. Убежище опальный принц нашел в российском Туркестане. С самого начала русские власти опасались, что присутствие Абдуррахман-хана вблизи афганской границы может вызвать волнения в Афганистане. Так, в 1870 г. директор Азиатского департамента МИД Петр Николаевич Стремоухов даже предлагал выслать будущего эмира вглубь России «во избежание всяких затруднений».[75]

Наибольшие «затруднения» возникли в ходе Второй англо-афганской войны 1878-1880 гг. После смерти эмира Шер Али-хана в 1879 г. англичане посадили на кабульский престол сына покойного правителя Мохаммада Якуб-хана. В мае того же года был подписан Гандамакский мирный договор, по которому Афганистан оказался в зависимом от Великобритании положении, лишился части своей территории и согласился допустить в Кабул английского резидента. Однако уже осенью афганские войска в столице восстали и перебили английский гарнизон. Якуб-хан отрекся от власти и бежал в Индию. Вторая фаза войны открыла Абдуррахман-хану возможность побороться за власть в Афганистане, для чего ему было необходимо покинуть российские пределы. Развитие такого сценария противоречило внешнеполитическим установкам Российской империи, курс политики которой в это время был направлен на упрочение «худого мира» с Англией.

Кроме того, пребывание в Туркестане афганского принца стремился использовать в своих интересах бухарский эмир. Среднеазиатский правитель не

[75] Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1875. С. 181.

терял надежду вернуть под свой контроль узбекские ханства Северного Афганистана, принадлежавшие некогда Бухаре. Еще при Шер Али-хане правитель Афганского Туркестана Гулям Хайдар-хан Вардак хотел создать на левом берегу Амударьи независимое от Кабула государство. Вряд ли Гулям Хайдар-хан мог рассчитывать на полную самостоятельность Южного Туркестана, поэтому покровительство Бухары, за которой стояла Россия, вполне его устраивало.[76] В конце 1875 г. бухарский эмир обратился к временно исполняющему обязанности генерал-губернатора Туркестана генералу Герасиму Алексеевичу Колпаковскому с просьбой позволить Абдуррахману съездить в Афганистан, на что получил отказ. По докладу министра иностранных дел А.М.Горчакова царю, Александр II (1855-1881) выразил желание, чтобы Абдуррахман-хану не только не было дозволено вмешиваться в дела между Бухарой и Афганистаном, но чтобы были приняты меры к удалению его от границ Афганистана, т.е. из Самарканда, например, в Ташкент или другой пункт.[77]

В разгар англо-афганской войны российские власти получили сведения о том, что британцы, завязшие в афганском конфликте, решили содействовать возвращению Абдуррахман-хана с тем, чтобы усилить в стране междоусобную борьбу и тем самым ослабить сопротивление местных жителей. Для этих целей англичане сумели использовать расположение некоторых русских дипломатов к британским властям. Так, под влиянием Великобритании посол России в Лондоне Петр Андреевич Шувалов (1874-1979), «который, – как пишет Н.А. Халфин, – был известен под кличкой «друг Англии», поручил начальнику Генерального штаба направить генерал-губернатору Туркестана Константину Петровичу фон Кауфману (1867-1882) депешу «с намеком на целесообразность отправки Абдуррахман-хана на родину».[78] К.П. Кауфман отклонил это

[76] Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб. 1889. С. 19.
[77] Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. М. 1910. С. 2, 3.
[78] Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М. 1959. С. 55.

предложение, сославшись на то, что в Афганистане еще продолжается борьба с англичанами. В это время, как отмечал А.А. Семенов, «среди всех таких смут, окутавших афганскую землю, мысль сердаря[79] Абдур-Рахман-Хана … неотступно витала над его дикой и горной родиной».[80]

В марте 1879 г. Абдуррахман-хан, по приказу туркестанских властей, был вынужден перебраться из Самарканда в Ташкент, где он непродолжительное время находился под строгим надзором. В апреле того же года 53 человека из свиты афганского принца, проживавшие в Самарканде, изъявили желание уехать в Афганистан, став, таким образом, предвестниками возвращения на родину и своего господина. К.П. Кауфман приказал выдать людям Абдуррахман-хана «за два месяца содержание и раздать по прилагаемому списку, составленному сердарем; деньги 544 рубля ассигновать из посольской суммы и присмотреть, чтобы люди эти выехали из Самарканда».[81] Затем будущий кабульский эмир направил на разведку в Мешхед двоих своих доверенных лиц якобы для того, чтобы узнать о положении матери, жены и сына, сведения о которых, по словам Абдуррахмана, он не получал уже 14 лет.

В конце 1879 г., когда Якуб-хан отправился в Индию, русские власти сочли возможным позволить Абдуррахман-хану «сбежать» из-под своей опеки и возвратиться домой, предварительно взяв с него устные заверения в том, что по прибытии в Афганистан он признает зависимость от России.[82] Много позже генерал Алексей Николаевич Куропаткин[83] признавал, что Абдуррахман-хан

---

[79] Сардар – в Афганистане представитель высшей знати, принц.
[80] Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. М. 1910. С. 2.
[81] Там же. С. 8.
[82] Григорьев С.Е. Россия и Афганистан. История политических связей // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. С.90.
[83] А.Н. Куропаткин участвовал в военном походе против Бухары 1867-1868 гг., французской экспедиции в Сахару 1874 г., Кокандском походе 1875-1876 гг. В 1876 г. возглавил российское посольство в Кашгар для установления границы с Ферганской областью. В 1878 г. – заведующий Азиатской частью Главного штаба. Участник русско-турецкой войны 1977-1878 гг. и Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881 гг. В 1898-1904 гг. – военный министр. В 1904-1905 гг. – главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии. В 1916 г. – командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями Северного фронта. В 1916-1917 гг. – Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

овладел кабульским престолом не только при помощи англичан, но «и отчасти нашей».[84] Расчет был сделан на то, что в условиях политической анархии и иностранной оккупации Абдуррахман-хан сумеет утвердиться в качестве лояльного к России правителя Северного Афганистана. При этом российское правительство опасалось обвинений со стороны Англии во вмешательстве в афганские дела, признанные Петербургом сферой интересов Великобритании, поэтому серьезной и открытой помощи будущему эмиру оказано не было.

В ноябре 1879 г. Абдуррахман-хан получил от русских властей 37 тыс. рублей и 30 числа покинул Ташкент.[85] В Самарканде, куда афганский принц прибыл в начале декабря, его уже ждали сардары Мохаммад Исхак-хан и Мохаммад Сарвар-хан, сделавшие все приготовления к дальнему походу. К.П. Кауфман направил Бухарскому эмиру письмо: «Афганский сердарь Абдур-Рахман Хан скрылся, а также и родственники его, проживавшие в Самарканде. Прошу ваше высокостепенство[86] не задерживать Абдур-Рахман Хана и его родственников в ваших владениях, предоставив его воле Божией. Если они раз ушли, то Бог с ними, пусть идут куда хотят, вреда от этого ни вам, ни нам никакого не будет. Дело до нас с вами не касается. Не оставьте сделать распоряжение, чтобы и беки[87] ваши пропустили, не делая им никаких препятствий».[88] 11 декабря Абдуррахман-хан выехал из Самарканда, а 14 декабря между Петербургом, Ташкентом и Самаркандом началась замаскированная переписка о мнимых «поисках» сардара, единственной целью которой было скрыть истинные намерения русских властей.

Афганский историк М.Х. Какар в одной из своих работ ссылается на исследованное им письмо Абдуррахман-хана Сарвар-хану, направленное в

---

[84] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись 485. 32. Дело № 3385. Записки: генерала А.Н. Куропаткина «Наши задачи в Афганистане» и ген. ад. Скобелева «О походе на Индию». – 1897. Л. 13б.
Далее ссылки на архивные материалы приводятся с сохранением оригинальной пунктуации и орфографии.
[85] Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. М. 1910. С. 11.
[86] Высокостепенство – почетный титул бухарского эмира.
[87] Бек – дворянский титул, распространенный среди тюркских народов Средней Азии.
[88] Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. М. 1910. С. 12.

1880 г. из Кундуза. Согласно этому документу, секретарь К.П. Кауфмана якобы побуждал будущего эмира изгнать правителя Афганского Туркестана и занять его место. Кроме того, по словам М.Х. Какара, по приезде в Бадахшан Абдуррахман-хан заявлял, что Россия направила его завоевать Туркестан, так как она пришла к соглашению с Британией разделить Афганистан, сделав Гиндукуш границей между двумя империями. Афганский исследователь отмечал, что во время переговоров с англичанами эмир вел контакты с Россией, но их содержание неизвестно. Глава британской делегации, направленной в это время в Афганистан, Мохаммад Афзаль-хан пришел к выводу, что Россия снабдила Абдуррахман-хана деньгами и оружием. Дипломатический чиновник английской администрации в Индии Лепель Гриффин также считал, что Абдуррахман-хан был русским ставленником.[89] Так или иначе, по всей видимости, сам будущий эмир должен был стать, в некотором смысле, русским агентом, в задачи которого входило бы не позволить англичанам распространить свое влияние на Северный Афганистан. Однако сам Абдуррахман-хан имел более широкие амбиции.[90] По окончании Второй англо-афганской войны он с одобрения англичан получил власть в Кабуле, признав условия Гандамакского договора в обмен на получение ежегодной субсидии от британского правительства.

За время проживания в Средней Азии эмир познакомился с особенностями российского управления, законами, обычаями, политической культурой. При этом исследователи по-разному оценивали отношение кабульского правителя к России. Так, по словам Л. Адамека, Абдуррахман-хан «считал, что Россия хочет правдами и неправдами, дружбой или враждой, миром или войной стереть с карты мира мусульманские государства. Хочет проглотить Иран, Турцию и Афганистан или дружбой привлечь их к себе, а если не получится, то постараться поднять народы этих стран против Англии и вместе с

[89] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 197.
[90] Подробное описание возвращения Абдуррахман-хана в Афганистан и его восшествия на престол см. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб. 1889. С. 511-537.

этим предложить Англии помощь с тем, чтобы разделить с британцами эти территории. Из общения с русскими военными он решил, что Россия планирует напасть на Индию».[91] Своим приказом он обязал афганских пограничников не пропускать русских на территорию Афганистана, «а если у них есть письмо, то самих посыльных останавливать на границе, а письмо пересылать в Кабул».[92]

М. Губар отмечал, что Абдуррахман-хан избегал вражды с Россией, будучи уверен в ее нейтралитете по отношению к своему государству, поручил офицерам избегать любых столкновений с русскими. Много позже, когда в 1895 г. средний сын афганского правителя Насрулла-хан отправился в Лондон, эмир написал для него руководство, состоявшее из 33 пунктов. В п.15 было сказано: «Если зайдет речь о том, что русские враги, или спросят о предпочтении – русские враги или друзья Афганистана – дайте краткий, немногословный, но многозначительный ответ: «Если Россия не желает нашего уничтожения, мы также не намерены занимать противоположную сторону нашей границы». В п.18 говорилось: «В случае встречи с русским царем или его представителем/посланником скажите так: «Защитники границы нашего государства сообщают, что довольны защитниками границы вашего государства, а по сему я также доволен правительством Его Величества Императора и желаю ему многих лет жизни».[93]

Отношение эмира к Великобритании в 1885 г. С.Н. Южаков описывал следующим образом: «Относительно Англии он держится традиционной политики деда и дяди. Заключил союз, получает субсидию, обязался не сноситься с Россией, все, как и при Дост-Магомете и Шир-Али, но подобно им не соглашается на английскую миссию в Кабуле и не пускает английские войска для защиты Афганистана».[94]

---

[91] Адамек Л. Тарих-е Равабет-е Сияси-е Афганестан аз Заман-е Амир Абдуррахман-хан та Эстеклаль. Кабул. 1971. С. 32.
[92] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С.878.
[93] Там же. С. 878, 879.
[94] Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. СПб. 1885. С. 187.

В Кабуле и Лондоне по-разному оценивали природу англо-афганских отношений. В отчете российского генконсульства в Хорасане 1889 г. об этом отмечалось: «Уплачивая ежегодно эмиру весьма крупную субсидию, Англия считает себя вправе требовать в замен таковой его к себе повиновения и влиять на ход не одних лишь внешних, но также и внутренних событий в Афганистане.

Совершенно иначе, по-видимому, смотрит на свои обязательства к Англии Абдуррахман Хан: за получаемую субсидию он считает себя обязанным, да и то лишь условно, если то не нарушает его собственных интересов, служить оплотом Англии против наступательных движений Русских на Индию и никаких других обязательств признавать не хочет».[95]

Со временем Абдуррахман-хан все больше стремился к обретению самостоятельности во внешнеполитических вопросах. В частности, в начале 1891 г. он выступил с речью перед собранием афганской знати, военачальников и духовенства, в которой подчеркнул, что «Афганистан должен находиться в дружбе не с одними лишь англичанами, но и с другими соседями его, как то: русскими и персиянами, чем даст понять всем, что желает выйти из под опеки Англии и стать вполне самостоятельным правителем». В связи с тем, что вскоре после этого эмир отдал приказ о воспрещении вывоза хлеба, других продуктов питания и рогатого скота из Кандагара на индийскую территорию, то местное население объясняло эту меру «желанием эмира отдалиться от Англии и сблизиться с Россией».[96]

После решения вопроса о северо-западной российско-афганской границе в конце 1880-х г., внимание эмира переключилось на восточные рубежи с Британской Индией. Абдуррахман-хан проявил стремление распространить свое

---

[95] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 29.

[96] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 3065. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1892. Л. 66.

влияние на пуштунские территории, формально считавшиеся подконтрольными англичанам, но не отличавшиеся лояльностью к последним. Эти действия привели к нарастанию напряженности между Афганистаном и Великобританией.

Британцам не удалось добиться разрешения эмира на прокладку железных дорог из Индии в Афганистан и снижение пошлин на английские товары. Кроме того, в 1890 г. они выразили неудовольствие по поводу жестоких мер, предпринятых эмиром для подавления мятежей на севере страны. В этом «Абдуррахман-хан усмотрел попытки умалить прерогативы его власти через подчинение его действий английскому контролю и вмешаться в его внутренние дела».[97] В ответ Абдуррахман-хан отказался от участия во встрече, организованной англичанами в конце 1890 г. в Индии. В мероприятии приняли участие раджи и князья Индии, «собранные для обсуждения мер по вопросу о взаимной обороне последней».[98]

Российские дипломаты в начале 1890-х гг. описывали афгано-британские отношения следующим образом: «…после весьма оскорбительного для самолюбия Англии отказа Эмира прибыть, по приглашению Вице-Короля Индии, для свидания с ним на блестящий дурбар[99] раджей, собранный с целью обсудить совместное принятие оборонительных мер на случай чужеземного вторжения в Афганистан и Индию и вслед за не менее оскорбительной лично для лорда Лансдоуна попыткой Абдуррахман-хана апеллировать непосредственно к справедливости Британской Королевы на непомерные требования, придирки и притеснения индобританского Правительства, Эмир, укрывшийся в горы[100] под предлогом появления холерной эпидемии в Кабуле и время от времени менявший лагерные стоянки, чтобы иметь основание скрывать свое местопребывание от

[97] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 3065. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1892. Л. 72.
[98] Там же.
[99] Дурбар – перс. «царский двор», «резиденция монарха», «зал для приемов».
[100] В качестве загородной дачи (ییلاق) Абдуррахман-хан использовал свое поместье в горной местности Пагман (в «Сирадж ат-Таварих» можно встретить устаревший вариант названия Памган) неподалеку от Кабула.

посланцев Вице-Короля Индии и оттягивать ответы на письма его, предпринимает ряд мер явно враждебных политике Англии, по своей неожиданности поставивших ее вначале в большое недоумение».[101] Среди таких «враждебных мер» Абдуррахман-хана – введение запрета на ввоз индийских товаров, заключение под стражу индийцев-подданных Англии по подозрению в шпионаже и, что было наиболее чувствительно для британцев, активная военно-пропагандистская работа на приграничных территориях, населенных полунезависимыми пуштунскими племенами, с целью привлечения последних на свою сторону и дальнейшего включения их земель в состав Афганистана.

К 1892 г. напряженность в отношениях с Великобританией возросла еще больше. Русские дипломаты сообщали с афганской границы: «Проявившаяся два года тому назад между индобританским Правительством и субсидируемым им афганским Эмиром вражда… еще более обострилась в течение минувшего года, приняв характер почти открытый с немаскируемым уже желанием с обеих сторон вредить друг другу, где то представлялось возможным, действовать агрессивно, выказывать свое взаимное недоверие репрессиями».[102] В добавок ко всему в 1892 г. Абдуррахман-хан отказался принять у себя миссию английского военачальника лорда Фредерика Слея Робертса.

Некоторая разрядка в отношениях эмира с Англией произошла после подписания в 1893 г. в Кабуле договора об определении афгано-индийской границы – т.н. «линии Дюранда». Документ был подписан Абдуррахман-ханом и секретарем индийской администрации Мортимером Дюрандом. Договор закрепил принадлежность восточных пуштунских территорий за Великобританией. Взамен эмиру была передана узкая полоса Ваханского

[101] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 3066. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1893. Л. 26.
[102] Там же. Л. 25.

коридора, ставшая буфером между русскими и английскими владениями на Памире.

Таким образом, можно согласиться со словами Л. Адамека, писавшем, что «эмир был до некоторой степени порождением двух соперничавших империй».[103] Эту точку зрения разделяли и отечественные исследователи, в частности, В.Г. Коргун, отмечавший, что Абдуррахман-хан «не питал к России ни открытой вражды, ни дружелюбия как в силу своего личного опыта общения с русскими властями во время пребывания в Средней Азии, так и учитывая предшествующую политику России в отношении Афганистана».[104] Эмир в целом придерживался той же политики лавирования между Россией и Великобританией, что и его предшественники в XIX в. Он стремился добиться от Англии как можно большей независимости и укрепить центральную власть внутри Афганистана.

Решение последнего вопроса занимало почти все время правления Абдуррахман-хана. Сам он так описывал положение доставшейся ему страны: «Слабость афганского королевства была такова, что, когда эмир отъезжал от столицы на несколько миль, по возвращении он обнаруживал эмиром кого-то другого, и единственное, что ему оставалось – бежать».[105] Мятежи против власти Кабула непрерывно вспыхивали в разных частях страны и среди различных этнических групп. Крупнейшими из них были восстания пуштунских племен гильзаев[106] (1886-1887) и шинвари[107] (1888), а также хазарейцев (1891-1893). Наиболее опасным стал выход из повиновения двоюродного брата эмира и правителя Северного Афганистана Мохаммада Исхак-хана в 1888 г.

---

[103] Адамек Л. Тарих-е Равабет-е Сияси-е Афганестан аз Заман-е Амир Абдуррахман-хан та Эстеклаль. Кабул. 1971. С. 18.
[104] Коргун В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М. 2009. С. 78.
[105] Sultan Mahomed Khan, M.M. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. London. 1900. С. 227.
[106] Гильзаи на ряду с дуррани – одно из крупнейших объединений пуштунских племен.
[107] Шинвари – восточно-пуштунское племя.

После признания протектората Великобритании эмир лишился возможности вести независимую внешнюю политику, а значит, и официально принимать в столице иностранные дипломатические миссии. В конце концов он вынужден был согласиться на присутствие при своем дворе английского представителя, но с условием, что это будет индиец-мусульманин. Для России же основным способом получения сведений о событиях в Афганистане стала исследовательская и разведывательная работа.

1.2 Деятельность российских дипломатов по исследованию Афганистана

Значительную работу по изучению Афганистана в первой половине 1880-х гг. провел инженер Павел Михайлович Лессар (1851-1905), сделавший впоследствии блестящую карьеру дипломата.[108] В 1882 г. он совершил путешествие в северо-западные афганские районы Кохсан и Гуриян, исследовал западный путь к Герату, а в 1884 г. – местность между реками Герируд и Мургаб.[109] Кроме того, результатом первой экспедиции стало, по оценкам современников, «географическое открытие исторической важности»[110]: П.М. Лессар развеял общепринятое на тот момент мнение, что Герат отделяется от Закаспийской степи высоким горным хребтом. Он доказал, что перевал между афганской провинцией и Закаспийской областью имеет высоту не более 1100 м над уровнем моря и не более 300 м над окружающей местностью[111], а значит,

[108] В дальнейшем занимал должности политического агента в Бухаре (1890-1895), политического агента по азиатским делам в Лондоне (1895-1801), чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине (1901-1905).
[109] Лессар П.М. Юго-западная Туркмения 1884 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XIII. СПб. 1884. С. 4-138.
[110] Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. № 11. 1914. С. 491.
[111] Сорока М.Е. Портрет российского дипломата: Павел Михайлович Лессар (1851-1905) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 124.

попасть в Герат – «ключ к Индии» – представляется делом не столь затруднительным. Эта новость усилила беспокойство англичан возможностью завоевания города русскими войсками и подтолкнула британское правительство к переговорам об определении северо-западной границы Афганистана, в которых активное участие принял и сам П.М. Лессар, окончательно перешедший в 1885 г. на дипломатическую службу.

К этому времени его исследования нашли отражение в таких работах как «Пути из Асхабада к Герату» (1883), «Депеша от посла ее величества в Санкт-Петербурге, с приложением переводов опубликованных докладов о путешествии г-на Лессара в Средней Азии» (1883), «Юго-западная Туркмения: земли сарыков и салоров» (1885), «Заметки о Закаспии и прилегающих областях» (1885), «Карта юго-западной Туркмении (согласно исследованиям г-на Лессара)» (1885). Кроме того, в 1888 г. была опубликована статья П.М. Лессара, основанная на английских источниках и содержавшая сведения о Кафиристане[112] (современная афганская провинция Нуристан) на северо-востоке Афганистана и ее жителях.[113] В своих отчетах П.М. Лессар представляет не только географические, но также политические и этнографические данные об исследуемом регионе.[114]

Появление П.М. Лессара в окрестностях Герата в 1882 г. не осталось незамеченным при дворе эмира Абдуррахман-хана. В «Сирадж ат-Таварих» описана встреча русского исследователя, «шпионски» прибывшего в Гуриан, с афганским чиновником, ответственным за этот участок границы по имени Низамуддин-хан Ахундзада (сам П.М. Лессар упоминает о встрече с помощником правителя Герата сардаром Абдулькудус-ханом). Последний показал русскому путешественнику проход к г. Хафу на западном рубеже

---

[112] Кафиристан (от араб. «кафир» (كافر) – «неверный») – экзотопоним области центрального Гиндукуша, населенной народами дардской языковой группы. После завоевания этого района Абдуррахман-ханом в 1896 г. и обращения местных жителей в ислам провинция была переименована в Нуристан (от араб. «нур» (نور) – «свет»).
[113] Лессар П.М. Сведения о Кафиристане // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб. 1888. С. 1-39.
[114] Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Торгово-экономические и культурные // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. 2011. С. 112.

Афганистана, сказав при этом: «Вся страна Ваша, куда прикажете, туда и проведут».[115] Эта новость разгневала Абдуррахман-хана и привела к отставке Низамуддин-хана. В своем письме чиновнику эмир писал: «Вы допустили большую ошибку, что без Нашего разрешения позволили чужестранцу пересечь границу! Мы неоднократно предупреждали Вас не давать прохода через границу Афганистана никому, кроме имеющих при себе письма от хана Хорезма[116], правителя Хорасана[117] и эмира Каина[118], удостоверяющие их в качестве посланников».[119] Это событие также повлияло на последовавшее в том же году отстранение от должности правителя Герата сардара Абдулькудус-хана.[120]

Первое задание П.М. Лессара на дипломатическом поприще – российско-афганское пограничное урегулирование, переговоры о котором проходили в 1885 г. в Лондоне – были высоко оценены английским журналистом Уильямом Томасом Стэдом[121]. «Было бы не справедливо, – пишет У.Т. Стед в одной из своей книг – … не упомянуть о высоких заслугах Лессара в деле умиротворения. Он был очень молодой и малоизвестный инженер, когда был послан в Лондон в 1885 году, чтобы установить основные правила, по которым проведены были бы границы. Он плохо говорил по-английски, но его искусство, его прямота, его совершенное знание предмета и прекрасный характер делали его идеальным орудием вполне успешно проводимых им переговоров. Он знал факты. Он осмотрел каждый вершок оспариваемой земли. Он никогда не терял голову и не

---

[115] Лессар П.М. Пути из Асхабада к Герату 1882 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VI. СПб. 1883. С. 25.
[116] Хорезм – самоназвание Хивинского ханства.
[117] Хорасан – северо-восточная область Ирана.
[118] Каин – один из городов современной иранской провинции Южный Хорасан.
[119] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 66.
[120] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 878.
[121] У.Т.Стэд (1849-1912) – британский журналист, публицист и общественный деятель. Был близким другом проживавшей в Лондоне русской писательницы О.В. Новиковой, лично знакомой с премьер-министром Великобритании, представителем либеральной партии У. Гладстоном. По рекомендации О.В. Новиковой в мае 1888 г. в Гатчине У. Стэд был принят Александром III. Рукописная запись беседы, переданная автором в 1899 г. Николаю II, хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Частично ее содержание отражено в книге У.Т. Стеда «Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой» в переводе Е.С. Мосоловой (с. 92-93). Кроме того, России посвящены работы У.Т. Стеда «Правда о России» (1888) и «Александр III, царь всех русских» в журнале «The Review of Reviews» (июнь-июль 1892).

оставлял вас без ответа на какой-нибудь факт или довод. Он пожимал плечами над тем, что ему казалось невообразимой глупостью, но в общем он всегда был в хорошем настроении и довел дело до подписи Англо-Русского протокола 10 сентября 1885 года; обеспечившего с тех пор непрерывный мир по всей границе».[122]

Над сбором сведений об Афганистане успешно работал дипломат Николай Валерьевич Чарыков (1855-1930)[123]. В октябре 1883 г. он был назначен чиновником по дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторе Николае Оттоновиче Розенбахе (1884-1889). В 1884 г. Н.В. Чарыков в составе отряда генерала Александра Виссарионовича Комарова участвовал в присоединении Мерва. Во время мервской кампании дипломат занимался допросом попавших в русский плен туркменского вождя Каджар-хана, мусульманского проповедника Сиях-пуша (перс. «носящий черное») и афганца по имени Ахмад-шах, подстрекавших местных жителей к борьбе с русскими. Вопреки распространенному среди современников мнению о том, что упомянутые лица были английскими агентами[124], Н.В. Чарыков пришел к выводу, что Сиях-пуш действовал в интересах главного соперника афганского эмира Абдуррахман-хана в борьбе за престол – его двоюродного брата Айюб-хана (при этом не исключено, что за Айюб-ханом в этом эпизоде стояли англичане), который после воцарения Абдуррахмана бежал в Иран, но не оставил намерения добиться власти в Афганистане. При помощи авторитетного мусульманского лидера Сиях-пуша, объявившего себя имамом Махди[125], Айюб-

[122] У.Т. Стед. Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой. Пер. Е.С. Мосоловой. Петроград. 1915. С. 124.

[123] Впоследствии Н.В. Чарыков занимал должности дипломатического агента в Болгарии (1896-1897), советника российского посольства в Берлине (1897), министра-резидента при Святейшем Престоле (1897-1890), чрезвычайного посланника и полномочного министра в Сербии (1900-1905), чрезвычайного и полномочного посла в Голландии (1905-1908), товарища министра иностранных дел (1908-1909), чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе (1909-1912).

[124] Чарыков Н.В. Описание поездки по берегам Теджена-Герируда 1884 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XIII. СПб. 1884. С. 56.

[125] Махди – «скрытый» имам. В некоторых течениях ислама понимается как миссия, который однажды должен явиться на землю как поборник справедливости для всех правоверных. Неоднократно объявление себя Махди тем

хан планировал утвердиться среди туркмен, используя лозунг «священной войны», а затем распространить свое влияние на Афганистан. Однако, как отмечал Н.В. Чарыков, «вместо Айюб-хана явился в Мервский оазис генерал Комаров, а Айюб-хан, примерно в то же время, был арестован в Мешхеде, на пути в Мерв».[126]

В том же году Н.В. Чарыков проехал вдоль р. Теджен-Герируд вглубь Афганистана на 10 верст, побывав на западной окраине Гератской долины, а затем переправился в Иран у впадения р. Джам в р. Герируд.[127] По итогам путешествия дипломат опубликовал «Описания поездки по берегам р. Теджена-Герируда».

По завершении военной фазы русского продвижения в Средней Азии была учреждена должность политического агента России в Бухаре, на которую 1 января 1886 г. был назначен Н.В. Чарыков. На этом посту он проработал до 1890 г., когда его сменил П.М. Лессар, служивший политическим агентом в Бухаре до 1895 г. Русских дипломатов занимали не только проблемы внутреннего устройства жизни в Бухаре, но и события по другую сторону Амударьи. В Петербург регулярно направлялись донесения «О положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также в Афганистане и Индии». Информация эта во многом основывалась на донесениях разведчиков-афганцев.

Кроме того, Н.В. Чарыкову удавалось выявлять деятельность шпионов из числа местных жителей, работавших в интересах Англии. Так, однажды возле мусульманской святыни в Мерве ему повстречался дервиш, спросивший у сопровождавших русского чиновника туркмен о пути его следования. В шутку конечным пунктом был назван Герат. По прошествии некоторого времени, читая

или иным лицом приводило к началу волнений против притеснений властей, в частности, в колониях западных держав. Так, в 1881 г. вспыхнуло восстание «махдистов» в Египте и Судане.

[126] Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. № 11. 1914. С. 511.

[127] Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Торгово-экономические и культурные // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. 2011. С. 112.

перехваченное донесение местного руководителя британской разведки, он обнаружил в нём информацию, что российские военные были замечены едущими к Герату.[128] Благодаря сообщениям Н.В. Чарыкова российским властям было известно о деятельности в Афганистане агента-англичанина, известного среди местных жителей под именем Сим-Джин (вероятно, St.John), а также об английском шпионе по имени Мирза Таки-хан, проживавшем в Герате, который, используя 13 лазутчиков из туркмен-сарыков, добывал в Мерве сведения, а затем передавал их Сим-Джину.[129] Два шпиона Абдуррахман-хана были замечены Н.В. Чарыковым в Бухаре.[130]

В рассматриваемый период Россия продолжала расширять сеть дипломатических представительств.[131] Важным шагом для продвижения работы по сбору информации об Афганистане стало открытие в 1889 г. Генерального консульства России в Мешхеде. В своем донесении Александру III министр иностранных дел Н.К.Гирс, доказывая необходимость такого шага, писал: «…Мешхед, благодаря своему географическому положению, представляется наиболее удобным пунктом для наблюдения за ходом событий не только в Персии, но и в сопредельных с нею странах Средней Азии и, между прочим, в Афганистане, который в настоящее время представляется одним из наиболее важных факторов в вопросах, касающихся как нашего положения в Средней Азии, так и наших политических отношений к Англии».[132]

Дипломаты подчеркивали важность Хорасана для укрепления позиций в регионе: «Соприкасаясь своими северными границами на протяжении 600 верст с пределами Российской империи, а восточными, на еще большем протяжении, с

---

[128] Чернов О.А. Н.В.Чарыков о влиянии ислама на развитие Средней Азии во второй половине XIX века. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 220.
[129] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело № 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л. 8.
[130] Там же. Л. 12.
[131] Лебедева О.В. О.В. История дипломатической службы России. М. 2020. С. 120.
[132] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело 3054. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве. – 1888. Л. 17.

пределами Афганистана и Белуджистана – находящимися ныне в сфере английского влияния, Хорасан, в силу такого географического положения, призван играть выдающуюся роль во всей дальнейшей политической жизни Персии, ибо не может оставаться лишь равнодушным зрителем, не принимая сам активного участия в будущей борьбе за преобладание влияния в Средней Азии».[133]

Российский посланник в Иране князь Н.С. Долгоруков отмечал следующее: «Получаемые из Афганистана сведения могут иметь для нас значение лишь в том случае, если они будут давать нам верное понятие о ходе событий в этом крае. Достоверность этих сведений настолько же необходима Императорскому Правительству по отношению к афганским делам, насколько желательна для вверенной мне миссии ввиду того влияния, которое имеют на состояние умов в Тегеране доходящие сюда из Афганистана слухи».[134]

Еще в 1879 г. был учрежден пост нештатного торгового агента России в Мешхеде, который занял выходец с Кавказа коллежский асессор Карим-хан Насирбеков. Кроме того, на службе у русских властей находились агенты в приграничных с Закаспийской областью городах Хорасана: Буджнурде, Дерегезе и Кучане. Посол в Тегеране и министр иностранных дел отмечали старательность и энергичность К. Насирбекова, «чья деятельность принесла в свое время известную пользу».[135] Вместе с тем, ввиду укрепления позиций России в Средней Азии высказывалось мнение о необходимости назначения в Мешхед опытного дипломатического чиновника и упразднении должности торгового агента.

---

[133] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело 1610. Статистические сведения о некоторых округах Хорасана, доставленные генеральным консулом в Мешхеде ст. сов. Власовым. – 1894. Л. 4.

[134] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело 1306. По поводу командирования консула в Гиляне кол. сов. Власова в Мешхед для ознакомления с положением дел в Хорасане и для изучения способов получения сведений из Афганистана. – 1887. Л. 1.

[135] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело 3054. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве. – 1888. Л. 17.

В 1887 г. было принято решение временно командировать в Хорасан русского консула в Гиляне Петра Михайловича Власова. Целью поездки должно было стать изучение на месте положения дел в Хорасане, определение путей улучшения работы торгового агента по доставлению сведений из Герата, а также ознакомление с деятельностью британского агента – полковника Маклина, к тому моменту уже год проживавшего в Мешхеде.

Иранское правительство некоторое время противилось устройству российского Генконсульства, по некоторым сообщениям, «по наущению пребывающей здесь английской миссии».[136] Официально иранцы объясняли свою обеспокоенность тем, что появление консула-христианина в таком важном религиозном центре как Мешхед[137], могло вызвать волнения среди местного населения. В действительности же, как отмечал П.М. Власов, в Тегеране опасались, «что появление Русского официального агента на северо-восточных окраинах Персии может отразиться невыгодно на авторитете шахской власти и без того слабой там».[138]

Возможность распространения русского влияния на границе с Афганистаном (тем более вблизи Герата) не могла не вызвать настороженность английского правительства, которое, как отмечал русский генконсул, распоряжалось, «до появления нашего официального агента в Хорасане, безконтрольно на границе онаго с Афганистаном».[139] Вместе с тем вопрос об учреждении российского дипломатического представительства был улажен довольно быстро. 23 января 1889 г.[140] в Тегеране коллежский советник

---

[136] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело 3054. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве. – 1888. Л. 71.

[137] В Мешхеде находится почитаемая шиитами святыня – усыпальница имама Резы.

[138] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. № 3063. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1890. Л. 16.

[139] Там же. Л. 17.

[140] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело 3054. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве. – 1888. Л. 85.

П.М. Власов был представлен иранскому правителю Насреддин-шаху (1848-1896), а в начале весны прибыл к месту службы. Регулярные донесения генерального консула в Мешхеде о событиях на ирано-афганском пограничье и в Афганистане в целом стали важным источником информации о южном соседе России.

В своем отчете о событиях в Хорасане за 1889 г. П.М. Власов описывал реакцию англичан на открытие российского генконсульства: «Решение Императорского правительства учредить Генеральное Консульство в Хорасане с резиденциею в г.Мешеде, доведенное до сведения Шахского Правительства в сентябре месяце 1888 года, вызвало сильную тревогу как при Дворе Шаха и в самом Хорасане, так и в Великобританском или вернее Англо-Индийском Правительстве».[141] Британцы сразу же поспешили открыть в Мешхеде свое генеральное консульство, которое с первых дней работы начало распространять слухи о том, что учреждением дипломатического представительства русские преследуют завоевательные цели по отношению к Хорасану. В дальнейшем британское консульство непрерывно интриговало против России, препятствовало проникновению российских товаров в Герат, которые все же попадали туда, хоть и в незначительном количестве.[142] Должность английского консула до 1891 г. занимал генерал Чарльз Смит Маклин, а после него вплоть до 1893 г. – знаменитый военный путешественник Ней Илиас. Посетивший Мешхед в 1890 г. поверенный в делах посольства Великобритании в Тегеране Роберт Джон Кеннеди в отчете о поездке отмечал, что «должность генерала Маклина можно описать как страж заставы, чьи обязанности заключались в наблюдении и отчете о продвижении России с Каспия, с одной стороны, и из Туркестана – с другой».[143]

---

[141] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. № 3063. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1890. Л. 16.

[142] Там же. Л. 34.

[143] Kennedy R.J. Journey in Khorassan and Central Asia. London. 1890. C. 2.

В 1890-1891 гг. генконсульство внимательно следило за ирано-афганским разграничением и активным участием в нем англичан, о готовившейся, по слухам (но не состоявшейся), поездке Абдуррахман-хана в Лондон, событиях на афгано-индийской границе и многочисленных восстаниях в Афганистане. Отмечалось обострение афгано-британских отношений в начале 90-х гг. П.М. Власов докладывал о распространении в Афганистане холеры в 1892 г., от которой, по его сведениям, в Герате ежедневно умирали до 300 чел. в сутки.[144]

В 1882 г. было основано российское консульство в Кашгаре. Его руководитель (1882-1903) дипломат и востоковед Николай Федорович Петровский играл заметную роль в памирских делах. В докладах Н.Ф. Петровского первой половины 1890-х гг. обнаруживаются важные сведения об участии афганцев в борьбе за Памир. Кроме того, русский генеральный консул активно препятствовал работе английских агентов.

Учреждение трех российских дипломатических представительств на северной и западной афганских границах в 1880-е гг. позволило получать больше информации об Афганистане, а также эффективно противодействовать английскому влиянию, продвигая российские интересы в регионе.

1.3 Изучение Афганистана российскими военными

Большое внимание изучению Афганистана в 80-е и 90-е гг. XIX в. уделяли сотрудники российского военного ведомства. В частности, этому способствовало открытие в 1883 г. офицерских курсов при учебном отделении Азиатского департамента МИД для подготовки офицеров к службе на Кавказе и в Средней

[144] АВПРИ. Ф. 137. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 820. О санитарном состоянии Афганистана. – 1892. Л. 11

Азии.[145] В течение трех лет слушателям преподавались арабский, турецкий, персидский, татарский и французский языки, а также международное и мусульманское право, специальные предметы.

В начале 1880-х гг. в северо-западном Афганистане побывали капитан Гладышев и подпоручик Хабалов[146], проводившие в 1882 г. топографические измерения местности. В этом же году свою службу на бухарско-афганской границе в должности командира отдельной Амударьинской бригады начал Дмитрий Николаевич Логофет.[147] Во время путешествий вдоль северной границы Афганистана Д.Н. Логофет собирал описания сохранившихся археологических памятников, а также устные предания местных жителей. Несмотря на то, что его труды относятся к более позднему периоду, в них можно найти информацию и о событиях в Афганистане в 1880-90-е гг. XIX в.

Значительный вклад в географическое и картографическое изучение Памира внесла экспедиция 1883 г. под руководством Дмитрия Васильевича Путяты, в которой также приняли участие географ Дмитрий Львович Иванов и военный топограф Николай Александрович Бендерский. Помимо успешного проведения топографических работ, были собраны гербарий памирской флоры и минералогическая коллекция.[148] Д.Л. Иванов записал лингвистические и фольклорные образцы шугнанского языка. В дальнейшем эти материалы послужили базой для российских исследований припамирских языков.[149] Еще одну поездку на Памир совершил в 1886 г. капитан генерального штаба Василий Иванович Покотило. Целью путешествия было посещение левого берега р.

---

[145] Колесников А.А., Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб. 2011. С. 32.

[146] К сожалению, в официальных документах зачастую указывались лишь фамилии, поэтому неизвестными остаются имена многих участников рассматриваемых событий.

[147] Соловьев В.С. Д. Н. Логофет – исследователь Восточной Бухары // История: факты и символы. 2015. Вып. 3 (№ 4). С. 69.

[148] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 156, 157.

[149] Худоназаров Д.Н. Дмитрий Иванов – первый русский исследователь Памира // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 226.

Пяндж для уточнения реальной границы бухарских и афганских владений в этой области.

В 1884 г. некоторые сведения об Афганистане доставил бывший участник Кульджинского отряда, участвовавшего под командованием А.Н. Куропаткина во взятии туркменской крепости Геок-Тепе в 1880 г., Абдулла Ниязов. Этот выходец из кашгарских сартов проследовал в Мекку через Афганистан и Индию.[150]

Хронику политических событий в Северном Афганистане и Бадахшане в начале 1880-х гг. отслеживал майор Георгий Алексеевич Арандаренко, командированный в Бухару для сбора сведений о положении дел в Афганистане. Его дневники или «Журналы командировок» содержат много информации о расстановке политических сил в Бухаре и Афганистане, прежде всего Северном. Разнообразные сведения об экономике и повседневной жизни местного населения рисуют картину постепенного укрепления позиций Абдуррахман-хана в Афганистане. В 1887 г. после преобразования Самаркандского отдела в уезд Г.А. Арандаренко стал уездным начальником в чине подполковника. В 1890 г. был назначен исполняющим должность начальника Мервского уезда, с июня 1901 г. – военным губернатором Ферганской области.

Г.А. Арандаренко поручались также дипломатические задания. В частности, на рубеже 1870-80-х гг. ему предстояло убедить бухарского эмира Мозаффар-хана (1860-1885) отказаться от идеи захвата власти в Северном Афганистане, а также не препятствовать «побегу» Абдуррахман-хана из российских пределов.[151] Кроме того, именно Г.А. Арандаренко был первым претендентом на пост политического агента в Бухаре, который, однако, впоследствии занял направленный из Петербурга Н.В. Чарыков.

---

[150] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело № 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л. 16.
[151] Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века: журналы командировок Г.А. Арандаренко. М. 1974. С. 14.

Рекогносцировку приграничных с Афганистаном районов проводил начальник Мервского округа (1884-1890) Максуд Алиханов-Аварский.[152] На рубеже 80-х и 90-х гг. поездки к северо-западной границе Афганистана совершал офицер Генерального штаба Иван Иванович Стрельбицкий, прикомандированный к российскому Генконсульству в Мешхеде. «Цель командировки этой, – писал князю Е.С. Долгорукову генконсул в Хорасане П.М. Власов – по заявлению как генерала Комарова, так и начальника его штаба, заключается в освежении картографических сведений об этом крае, в сборе сведений военно-топографических и торговых, в производстве съемок в особенности у Хафа и Гаштадана».[153] Иранский шах разрешил И.И. Стрельбицкому поездки по всему Хорасану, кроме Калата[154].[155] В 1889 и 1891 гг. им были изучены Хафская долина, а также дороги из Мешхеда в Герат. Во время проведения исследований И.И. Стрельбицкий сталкивался с многочисленными трудностями. В частности, однажды русский офицер был замечен отрядом афганских всадников, который «преследовал его и… благодаря лишь случайности, он не попал к нему в руки».[156] При этом за каждым его шагом следили английские агенты.

В январе 1885 г. в преддверии определения северо-западной российско-афганской границы в район Зульфагарского прохода был направлен поручик Лопатинский. Ему удалось добыть сведения о событиях в туркменских землях к югу от Мерва, Герате и Бала-Мургабе, а также о работе английской

---

[152] Колесников А.А. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб. 2011. С. 46.

[153] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело № 1310. По поводу прикомандирования генерального штаба капитана Стрельбицкого на два месяца к генеральному консульству в Мешхеде. – 1891. Л. 2.

[154] Калат или Келат – распространенный топоним, происходящий от арабского «кал'а» (قلعه) – «крепость». Здесь – г. Калат или Калат-е Надери, расположенный в современной иранской провинции Хорасан-е Резави.

[155] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Опись № 485. Дело № 1310. По поводу прикомандирования генерального штаба капитана Стрельбицкого на два месяца к генеральному консульству в Мешхеде. – 1891. Л. 10, 12.

[156] Там же. Л. 44.

разграничительной комиссии и непростых взаимоотношениях британцев с афганцами.[157]

Деятельность русских военных по сбору информации об Афганистане активизировалась после боестолкновения у р. Кушк[158] 31 марта 1885 г. По поручению генерала А.В. Комарова Мешхед посетил российский военный наблюдатель в Кочане и Буджнурде Я. Таиров. Он собрал сведения о численности афганских потерь, вооружений и оставшихся на приграничных территориях отрядов афганцев. Итогом путешествия и беседы с иранским правителем Хорасана стала записка российского военного с анализом политики Англии в регионе. В документе подчеркивался агрессивный характер действий британцев. Кроме того, Я. Таиров добыл информацию о дислокации войск и военных приготовлениях в приграничных афганских областях.[159]

После упомянутого сражения, будущее российско-афганских, а главное – российско-британских отношений представлялось неопределенным. Всерьез рассматривалась возможность войны с Англией, в том числе на афганской территории, остававшейся, по большей части, неизвестной русским властям. Для заполнения пробелов военное ведомство предприняло ряд шагов для сбора информации на случай возможного продвижения русских войск вглубь Афганского Туркестана.

В частности, на севере Афганистана побывал «числящийся по полевой пешей артиллерии» штабс-капитан Михайлов. Под видом мусульманина Мусафира (перс. «путешественник») он провел на левом берегу Амударьи шесть

---

[157] Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е-1907 гг.): специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. В.И. Шеремет; Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. М. 2016. С. 112.

[158] В российских источниках XIX в. и отечественной историографии эту реку было принято обозначать как «Кушка», однако ее афганское название произносится как «Кушк» (کشک). В настоящей работе используется последний вариант названия этой реки.

[159] Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е-1907 гг.): специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. В.И. Шеремет; Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. М. 2016. С. 116.

дней (24-29 апреля), что было чрезвычайно рисковым предприятием. В рапорте Михайлов отмечает, что ввиду своего положения, «на каждом шагу подозреваемого», он не мог «ни чересчур настойчиво расспрашивать встречавшихся … туземцев, ни, тем более, – записывать показания», и поэтому в итоговом отчете ограничился только тем, что «удалось узнать мимоходом и что удержалось в памяти».[160] Тем не менее штабс-капитану удалось изучить пути сообщения с Бухарой и Афганским Туркестаном, структуру афганских вооруженных сил на севере страны, устройство г. Мазари-Шарифа и резиденции правителя области – Исхак-хана, а также сферу сельскохозяйственного и промышленного производства провинции. Кроме того, он сообщал о «воинственном настроении неслужилой части афганского населения», где «все купцы и ремесленники вооружены саблями и револьверами», а кроме того, «вооружены…все туркмены, населяющие песчаную полосу на левом берегу Амударьи».[161]

Весной того же года «ввиду возможности похода в Афганистан»[162] капитану Генерального штаба Трусову было поручено собрать опросную карту северных областей этой страны. В результате сообщений одного из узбекских ханов, бежавших из Афганистана в российский Туркестан, удалось получить сведения о более чем 300 северо-афганских населенных пунктах, не отмеченных ни на одной отечественной и зарубежной карте того времени. Было указано число дворов в каждом из 415 пунктов, благодаря чему удалось составить представление о примерной численности населения этой области. Кроме того, были получены сведения о племенном составе Северного Афганистана, системе управления края, промышленности, сельском хозяйстве, вооруженных силах и их дислокации и др.

[160] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 27. Дело Азиатской части № 70. Часть 2. – 1885. Л. 2.
[161] Там же. Л. 4.
[162] Там же. Л. 13.

О выполненной работе Трусов писал: «Расспросная карта северной части Афганистана, конечно, не может представить точной физиономии страны, но благодаря тому источнику, которым удалось пользоваться при составлении ее, можно надеяться, что она по крайней мере послужит для ориентировки отрядов, которым доведется там действовать».[163]

В 1890 г. пограничные районы между реками Мургабом и Амударьей исследовал штабс-капитан Туркменского конного-иррегулярного дивизиона абхазский князь Малахий Квaджиевич Маргания. Ему также удалось собрать расспросные данные о дорогах, ведущих из долины р. Кушк к Герату и Маймане.[164]

Представители военного ведомства играли самую видную роль в утверждении российского влияния и борьбе с афганцами на Памире в начале 1890-х гг. Одним из наиболее известных исследователей региона был Бронислав Людвигович Громбчевский. В 1880 г. он начал свою военную службу в Средней Азии, а в 1888 г. приступил к исследованию Памира, которое значительно расширило знания о географии, этнографии, орографии и гидрографии этой области, многие пункты были впервые нанесены на карту. Помимо этого, путешественник занимался изучением вопроса государственной принадлежности памирских земель. В 1891 г. Б.Л. Громбчевский сопровождал на Памир туркестанского генерал-губернатора барона Александра Борисовича Вревского (1889-1898). В 1892 г. участвовал в памирском походе генерала Михаила Ефремовича Ионова, после чего был назначен «начальником памирского населения», а затем начальником Ошского уезда Ферганской области.

Нужно отметить, что в ходе экспедиции 1889-90 гг. Б.Л. Громбчевский намеревался посетить Кафиристан, жители которого в то время еще сохраняли

[163] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 27. Дело Азиатской части № 70. Часть 2. – 1885. Л. 14.
[164] Колесников А.А. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб. 2011. С. 47.

политическую независимость. Историю и культуру населения этой области до сих пор можно назвать малоизученной. Инициатива организации поездки Б.Л. Громбчевского в Кафиристан принадлежала Императорскому географическому обществу. Известно, что цесаревич Николай Александрович, «осведомившись о таковом предложении Совета Географического Общества соизволил пожаловать Обществу значительную сумму на покрытие расходов по этому новому предприятию…».[165]

К сожалению, афганские власти воспрепятствовали путешествию, так как сами в это время пытались завоевать Кафиристан. Б.Л. Громбчевский, докладывавший о военном походе афганцев, отмечал, что в ответ на просьбу проехать туда он получил письмо от «завоевателя провинции и командующего в ней войсками Ша-Сеид-Джарнейля, в котором он, именем эмира, категорически отказывает пропустить экспедицию в Кафиристан, мотивируя отказ свой существующими в Афганистане обычаями и не окончившимися еще военными действиями с кафирами (Кафиристан, впрочем, он уже называет провинцией афганской), что вполне подтвердило имевшиеся у меня раньше сведения, что афганцы двинули туда свои войска».[166] В последствии в 1890-1891 гг. посетить эту область до ее окончательного завоевания афганцами зимой 1895-1896 гг. удалось английскому офицеру Джорджу Скотту Робертсу.[167]

В 1890-е гг. на Памир направлялись военно-рекогносцировочные отряды. Первый из них в июле 1891 г. возглавил полковник М.Е. Ионов. Цель этого похода заключалась в топографическом изучении местности и выяснении военно-политической обстановки в регионе. Русский офицер достиг Гилгита на южных склонах Гиндукуша, который англичане считали частью своей территории и из которого открывался прямой путь в Индию. Другой отряд в

---

[165] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Дело № 1292. По поводу отправления императорским географическим обществом штаба капитана Громбчевского для исследования горных долин Гиндукуша и в особенности в Кафиристан. – 1889. Л. 1.
[166] Там же. Л. 19.
[167] Robertson S. The Kafirs of the Hindu-Kush. London. 1896.

феврале-марте 1892 г. возглавил поручик Бржезицкий. 15-29 апреля в Петербурге было организовано Особое совещание по «памирскому вопросу», на котором было решено вновь направить М.Е. Ионова на Памир. Помимо проведения исследовательских работ ему было поручено «мирными средствами достигнуть очищения края от китайских постов и афганских разъездов».[168] В ходе экспедиции 24 июля произошло второе за время правления Александра III вооруженное столкновение между российским и афганским отрядами.

В 1893 г. штабс-капитан Сергей Петрович Ванновский во главе небольшого отряда провел разведку в Рушане и Бартанге, вынудив отступить численно превосходящий афганский отряд. В 1894 г. три русских отряда под командованием генерал-майора М.Е. Ионова, подполковника Николая Николаевича Юденича и капитана Александра Генриховича Скерского вновь направились на Памир. А.Г. Скерский и Н.Н. Юденич встретили на своем пути сопротивление афганцев, но сумели отбросить их за р. Пяндж. 24 августа 1894 г. все три отряда соединились у Хорога, который впоследствии стал главным городом края и резиденцией пограничного начальника.[169]

Особое место в агентурной деятельности российского военного ведомства в Афганистане в рассматриваемый период занимает Николай Александрович Нотович. Осенью 1885 г. он прибыл в Мешхед как корреспондент газеты «Новое время», имея при себе рекомендательные письма высокопоставленных военных чиновников. Это обстоятельство позволяет нам думать, что Н.А. Нотович так или иначе работал на российсское военное ведомство. При этом роль этого человека в афганских делах можно назвать, по крайней мере, необычной. Он появился на афганской границе немногим после победы русского отряда над афганским у р. Кушк, которая оказала сильное влияние на настроения в Средней Азии. Всем

[168] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 270.
[169] Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: востоковедение и африканистика. 2009. № 3. С. 80.

было хорошо известно, что афганцы действовали под руководством британских советников. Их поражение повысило престиж русских в глазах народов региона. Слухи о могуществе России распространились за пределы Афганистана и достигли областей Северной Индии. Такие настроения привели к тому, что население некоторых районов к югу от афганской границы стало в серьез рассматривать возможность скорого прихода русских войск.

События 1885 г., последовавшие за боестолкновением на р. Кушк, находят отражение в «Сирадж ат-Таварих». Здесь среди прочего автор в одном единственном предложении упоминает, что в рассматриваемый период «два шпиона российского государства, один из которых еврей, а другой – житель Ирана, были схвачены гератскими пограничниками, арестованы и отправлены в Кандагар».[170] Этим ограничивается описание данного события. Однако обнаруженные в АВПРИ материалы дают возможность предположить, что здесь афганский хронист мог вкратце упомянуть Н.А. Нотовича.

Личность этого человека окружена загадками, неизвестны многие этапы его биографии. Симферопольский еврей Н.А. Нотович при представлении себя российским посланникам в разное время придумывал разные легенды: то называл себя караимом, исповедующим протестантизм, то православным казачьим офицером, то прапорщиком кавказской милиции. Российской полиции он был известен интригами и сомнительными похождениями в Константинополе и Париже, выманиванием денег у афонских монахов и т.д. Наиболее широкую известность он приобрел путешествиями в Гималаи, результатом которых стало написание книги «Неизвестная жизнь Иисуса Христа» («Тибетское Евангелие»), якобы содержащей ранние проповеди Иисуса Христа и предполагающей, что в возрасте от 12 до 30 лет он жил в Индии. Известный отечественный военный востоковед А.Е. Снесарев в предисловии к своей работе «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» обращается со словами благодарности за

[170] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 225.

помощь в подготовке монографии к ряду лиц, среди которых также упоминается Н.А. Нотович.[171] Знаменитый английский разведчик и путешественник Фрэнсис Янгхазбенд считал Н.А. Нотовича русским шпионом[172], однако насколько такая оценка соответствует действительности, сказать трудно. Ряд представленных ниже сведений позволяет предположить связи Н.А. Нотовича с военным ведомством. В то же время в рассмотренной дипломатической переписке (депеши русских послов в Тегеране и Константинополе министру иностранных дел) Н.А. Нотовичу дается характеристика авантюриста, создающего своими действиями неудобства в работе российских дипломатических представителей. В настоящей работе мы обратимся к появлению Н.А. Нотовича на афганском направлении. Этот исторический эпизод до сих пор не привлекал внимания исследователей.

После своего прибытия в Мешхед Н.А. Нотович направился в Герат «для… переговоров с Гератским Ханом о возмущении афганцев Герата против англичан»[173], однако, не имея специального разрешения афганских властей, он был вынужден остановиться в 30 верстах от города[174]. Путешественник вступил в переписку с главой английской разграничительной комиссии полковником Джозефом Уэстом Риджуэем, а также правителем этой области Мохаммадом Сарвар-ханом с тем, чтобы ему было позволено проследовать в Герат. В это же время российский торговый представитель в Мешхеде Карим-хан Насирбеков передавал со слов Н.А. Нотовича, что последний тайно встречался с посланником гератского правителя, якобы предложившего русским от имени губернатора как можно скорее занять этот город. Сообщалось, что за помощь в этом Мохаммад

[171] Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб. 1906 г. С. V.
[172] French P. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London. 2004. С. 60–61.
[173] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 10.
[174] Там же. Л. 10.

Сарвар-хан просил утвердить себя наследственным правителем Герата и вознаградить суммой в сто тысяч рублей.[175]

Н.А. Нотович предлагал Дж. Риджуэю переговорить с ним в присутствии губернатора Герата «относительно трех пунктов, имеющих чисто торговое значение и решение которых находится вне сферы сношений между Лондоном и Петербургом».[176] Эти пункты, по замыслу Н.А. Нотовича, должны были стать основой соглашения, состоящего из следующих положений:

«1. Правительство эмира ручается за спокойствие и безопасность наших торговых караванов, которые будут отправляться в Герат и через Герат во внутрь страны.

2. Правительство эмира отвечает за безопасность русских подданных в Афганистане и окажет защиту богомольцам и другим подданным нашим, отправляющимся из Российских владений через Герат во внутрь страны или в Мешхед на богомолье и другие места.

3. Правительство эмира изъявляет согласие на пребывание в Герате с русским флагом русского торгового агента.

За нарушение одного из пунктов отвечает правительство эмира, а точное исполнение их гарантирует правительство Англии, взявшее на себя защиту интересов Афганистана». [177]

Н.А. Нотович не имел указаний Петербурга на ведение подобной переписки, и предложение его не могло быть принято. Ожидая ответа от Дж. Риджуэя, он отправился в Ашхабад, где предстал с отчетом о проделанной работе перед начальником Закаспийской области генералом А.В. Комаровым. Спустя непродолжительное время после возвращения в Мешхед путешественник

[175] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 22.
[176] Там же. Л. 14.
[177] Там же. Л. 15-16.

уехал в Тегеран. При этом никаких упоминаний об аресте и отправке в Кандагар, описанных в «Сирадж ат-Таварих», в архивных документах не содержится.

Однако прежде, чем оказаться в иранской столице, путешественник успел провести встречу с посланником правителя крупного белуджского центра – г. Калата к юг-западу от афганской границы, на тот момент окончательно не установленной. Вероятно, в ходе беседы Н.А. Нотович не просто интересовался отношением хана к России, но и дал некоторые обещания о возможном приходе русских войск в Белуджистан и Северную Индию. Такое предположение можно сделать из содержания письма, составленного от имени правителя Калата на имя визиря (т.е. первого министра) российского императора и врученное русскому путешественнику белуджским представителем. В документе говорится следующее: «…за год до этого [т.е. 1884 г.] верный подданный шахиншаха, убежища мира [т.е. российского императора] господин Николай Нотович прибыл к блистательному высокопоставленному эмиру, правителю всего Белуджистана и сообщил ему, что шахиншах российский желает освободить наши страны от владычества англичан, а в этом году он [Нотович] написал письмо [с вопросом], как мы будем действовать во время храброго продвижения русского войска».[178]

Впоследствии Н.А. Нотович передал это послание находившемуся в Тегеране генерал-майору Шепелеву – директору канцелярии главноначальствующего кавказской администрации (кавказского наместника) Александра Михайловича Дондукова-Корсакова (1882-1890). Последний, в свою очередь, летом 1886 г. переслал его из Кисловодска в Петербург военному министру Петру Семеновичу Ванновскому (1881-1898). Оригинал письма на персидском языке хранится в АВПРИ.

---

[178] АВПРИ, Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Герatскую область. – 1885. Л. 45.
مخلص حقیق شاهنشاه عالم پناه صاحب نیقولای نوتوویچ یک سال پیش از این آمده بود بخدمت عالی رفیع جایگاه امیر حاکم کل بلوچستان و گفتگو کرد با او که شاهنشاه روسیه آرزو دارد که اطرافهای ما از اختیار انگلیس خلاص بکند و امسال هم رقعه نوشته بود که در وقت حرکت کردن دلاور فوج روس ما چه خواهیم کرد.

В послании выражается призыв к русским властям противостоять англичанам в Северной Индии, даются практические военные рекомендации для успешного ведения боя на этой территории, называются имена индийских правителей, готовых принять сторону русских. Письмо начинается такими словами: «С давних пор Калат и весь народ ожидают появления войска шахиншаха, убежища мира [российского императора], которое придет с тем, чтобы освободить мусульман Индии от владычества англичан, которые терзают их. Полагаясь на Всевышнего и уповая на то, что Россия сделается нашей соседкой, мы постоянно возносим молитвы наши к Престолу Творца вселенной о прибытии их [русских войск]».[179]

Препровождая письмо военному министру, князь А.М. Дондуков-Корсаков отмечал, что послание это представляет определенный интерес, «рисуя настроение угнетаемых английским владычеством, некогда самостоятельных, а ныне номинальных лишь, местных деятелей», но вместе с тем выражал мнение о необходимости содействовать тому, «чтобы такие путешественники, как г. Нотович, не выдавали себя за правительственных агентов и неверными заявлениями о намерениях России не возбуждали среди сочувствующих нам среднеазиатских владетелей и подвластного им населения ложных надежд, несбыточность которых может только подорвать веру в искренность русского правительства и в честное исполнение им своих обязательств».[180]

Как представляется, беседы Н.А. Нотовича с белуджским эмиром, а затем его представителем послужили поводом для поездки четырех белуджских ханов в 1888 г. через Мешхед в Ашхабад. Эти старейшины надеялись получить от русских военную помощь для открытого сопротивления усилившемуся после Второй англо-афганской войны влиянию англичан в Белуджистане, а также для

---

[179] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 45.
خیلی وقت که کلات با صماعت منتظر اند به آمدن قشون شاهنشاه عالم پناه که بیایند مسلمنان هندوستان را از انگلیس خلاص بکنند که جماعت را تمام لخت میکنند إنشاالله تعالی و بامید خدا روسیه همسایه ما شده و همیشه استدعا بدرگاه خالق منان داریم جهت متصل شدن آنها.
[180] Там же. Л. 46-47.

борьбы с враждебными соплеменниками, руководимыми Великобританией. Однако их просьба была отклонена. Свою позицию министр иностранных дел Н.К.Гирс объяснял в докладе императору Александру III тем, что «отдаленность Белуджистана от наших пределов не дозволяет нам удовлетворить ходатайству белуджских ханов о принятии под покровительство России приславших их племен».[181] Таким образом, белуджи, снабженные в Ашхабаде деньгами и подарками, отправились домой ни с чем.

В ходе упомянутого визита был составлен опрос одного из участников делегации по имени Афзаль-хан о ситуации в Белуджистане, который был подготовлен к печати штабом Закаспийской области и опубликован в 1889 г. Знатный белудж поведал, в том числе, о политических взглядах своих соотечественников. Афзаль-хан сообщил, что до населения Белуджистана давно дошел слух о могуществе России, разгромившей Хиву, Бухару, туркмен и афганцев, вследствие чего «в населении начинает вкореняться убеждение, что держава эта призвана поглотить все земли мусульманского мира, а следовательно, и Белуджистан войдет также в состав земель России». Отмечалось, что «последние 2-3 года особенно много говорили в Белуджистане о близком прибытии русских, и в народе император российский именуется «Императун Джахангир», [т.е.] «Император-владетель мира». [182] Вероятно, деятельность Н.А. Нотовича способствовала распространению подобных настроений.

Обращает на себя внимание, что российский путешественник прибыл в Мешхед, имея при себе рекомендацию начальника штаба Закаспийской области Николая Иосифовича Закржевского. В депеше К. Насирбекову Н.И. Закржевкий писал: «Позволяю себе рекомендовать Вам г. Нотовича, который выразил

[181] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 687. По поводу прибытия в Мешхед четырех белуджских ханов: Афзал-хана, Сузил-хана, Шир-Момед-хана и Шербет-хана, выразивших агенту нашему желание отправиться в Асхабад для ходатайства о принятии управляемых ими племен под покровительство России. – 1888. Л.2.
[182] Краткий очерк Белуджистана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XL. СПб. 1889. С. 207.

желание познакомиться с Вами в Мешхеде, где он рассчитывает быть в скором времени, предпринимая путешествие по Востоку. Если г. Нотович, будучи в Мешхеде или другом пункте, откуда пришлет к Вам корреспонденцию в Мешхед, и попросит переслать оную на имя казенных учреждений или частных лиц в Асхабад, то не откажите в содействии таковой пересылке… Если окажется нужным, то всяким содействием г. Нотовичу весьма обяжете Вашего покорного слугу».[183] В дипломатической переписке также упоминается и о рекомендательном письме от генерала А.В. Комарова.[184]

Вместе с тем российский посланник в Тегеране А.А.Мельников был крайне недоволен «мешхедскими похождениями» Н.А. Нотовича. В письме директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву[185] посланник заранее просил разрешения выслать Н.А. Нотовича как неблагонадежного.[186] К. Насирбекову из Тегерана была направлена телеграмма следующего содержания: «Сожалею, что Вы, не испросив предварительно указаний Миссии, способствовали поездке в Герат Нотовича, который не имел никаких поручений от Правительства». [187]

По прибытии в Тегеран российскому путешественнику, «сделавшемуся, – как писал А.А. Мельников – мне известным с самой невыгодной стороны»[188], было вынесено строгое предупреждение, организован негласный надзор за ним. Однако Н.А. Нотович не смог сдержать обещание не вмешиваться в какие-либо политические дела. После того, как он стал появляться с сомнительными предложениями в иностранных представительствах, А.А. Мельников предложил

---

[183] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 25.
[184] Там же. Л. 1.
[185] В 1883-1891 гг. И.А.Зиновьев занимал должность директора Азиатского департамента МИД. В 1881 г. успешно вел переговоры с иранским правительством по разграничению между Персией и Российской империей. В 1887 г. подписал русско-английский протокол по определению северо-западной границы Афганистана. В 1891-1897 гг. – посол в Стокгольме, в 1897-1909 гг. – посол в Константинополе.
[186] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 30.
[187] Там же. Л. 23.
[188] Там же. Л. 56.

ему уехать из Тегерана. «Предвидя, что дело может принять дурной оборот для него»,[189] в июне 1886 г. Н.А. Нотович покинул Иран.

Как представляется, упоминание Файз Мохаммада Катиба о «двух русских шпионах» можно отождествить с деятельностью Н.А. Нотовича на афганской границе в 1885 г. К сожалению, в «Сирадж ат-Таварих» нет точной датировки упомянутого инцидента. В тексте данное событие помещается между июнем и июлем 1885 г., что на 2-3 месяца раньше сроков, указанных в архивных материалах. Однако, как отмечал В.А. Ромодин, несмотря на характерную для «Сирадж ат-Таварих» хронологическую последовательность изложения, отступления от хронологии в этом источнике «иногда допускаются… в случаях, когда это вызывается желанием дать связанный рассказ».[190] Кроме того, нельзя исключать возможности как ошибки афганского автора, так и того, что корреспондент российской газеты мог совершить еще одно путешествие в Афганистан несколькими месяцами ранее.

Само появление Н.А. Нотовича на афганской границе представляется весьма противоречивым. Можно предположить, что он выполнял некоторые поручения военных чиновников, подтверждением чему служат рекомендации А.В. Комарова и Н.И. Закржевского. Вероятно, эти представители российского военного ведомства, имевшие значительный опыт успешного вооруженного противостояния среднеазиатским отрядам, решили воспользоваться усилением русского престижа в глазах афганцев и склонить часть из них на сторону России. Кроме того, большим соблазном для российских военных было заручиться поддержкой правителей Северной Индии для возможного противодействия там англичанам. Для этих целей как нельзя лучше подходил энергичный Н.А. Нотович. Однако его действия шли вразрез с линией, которой

[189] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885. Л. 57.
[190] Ромодин В. А. «Сирадж ат-таварих» (т. III) как источник // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Ленинград. 1968. С. 44.

придерживалась российская дипломатия. В тех непростых внешнеполитических условиях прекращение работы Н.А. Нотовича, на чем, в частности, настаивал российский посланник в Тегеране, было необходимо для сохранения мира с Великобританией.

Во время Пандждехского кризиса 1885 г. Афганистан также привлек к себе внимание высшей российской аристократии, представители которой попросили военное ведомство ввести их в курс дела по афганским делам. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа генерал от инфантерии великий князь (младший брат Александра III) Владимир Александрович «ввиду современного интереса, возбуждаемого событиями в Афганистане, удаленности и малоизвестности этой страны, изволил признать полезным сообщение по этому вопросу…».[191] Так, 23 апреля в собрании офицеров генерального штаба войск гвардии и Петербургского военного округа был прочитан доклад об истории Афганистана, подготовленный капитаном генерального штаба Тереховым. Генерал-майор А.Н. Куропаткин выступил с сообщением о действиях России в Средней Азии. На встрече присутствовали великие князья Владимир Александрович, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Николай Николаевич Младший, Петр Николаевич, Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович, Герцог Лейхтенбергский Евгений Максимилианович и принц Александр Петрович Ольденбургский.

[191] Русский инвалид. № 86, 20 апреля 1885 г. С. 1.

1.4 Привлечение афганских эмигрантов и агентов в качестве информаторов

Информацию об Афганистане российским властям также предоставляли покинувшие родину афганцы. В частности, источником для составления упомянутых выше материалов капитана Трусова стали сведения, предоставленные бывшим правителем узбекских земель на севере Афганистана – Сари-Пуля и Санчарака – по имени Аталык-хан. Представляется важным остановиться подробнее на его биографии, описанной в рапорте Трусова, поскольку она является типичным примером судьбы афганского беженца той эпохи, а также отражает политические реалии Афганистана во второй половине XIX в.

Под независимым управлением отца Аталыка – Махмуд-хана – находился г. Акча, которому подчинялись Сари-Пуль и Санчарак. Однако в 1850 г. при правлении эмира Дост Мохаммад-хана не пожелавший платить дань афганцам узбекский хан был убит сыном эмира Мохаммадом Афзаль-ханом (эмир Афганистана в 1866-1867 гг.). Семью погибшего спас и перевез в Сари-Пуль дядя Аталыка Клыч-хан, который, согласившись на условия афганцев, стал зависимым от кабульского эмира правителем этой области. В 1857 г. в Сари-Пуль прибыл другой сын эмира – Мохаммад Шариф-хан, потребовавший от Клыч-хана полного подчинения этой области Кабулу. В результате произошедшего сражения войско Клыч-хана было разбито, а сам он нашел убежище в г. Маймане.

Эмир Шер Али-хан вернул Сари-Пуль под управление Клыч-хана, а Аталык-хана назначил правителем Санчарака. Спустя пять лет Клыч-хан скончался, а его племянник получил в управление Сари-Пуль, где правил в общей сложности девять лет с перерывом в полтора года.

При эмире Абдуррахман-хане состояние Аталык-хана в 250 тыс.тенге[192] было изъято, он сам арестован и брошен в тюрьму в Мазари-Шарифе, где провел в заточении немногим более года, после чего, подкупив охранников, бежал сначала в Бухару, а затем в Самарканд. Аталык-хану была назначена пожизненная пенсия. На рубеже 1884-1885 гг. в связи с трудностями определения границы с Афганистаном Аталык-хан был вызван в Ташкент, где предоставил русским властям важную информацию о покинутой им стране.

Российские власти, не афишируя пребывание на своей территории афганских политических беженцев, пытались превратить их в агентов своего влияния с тем, чтобы по возвращении домой они так или иначе продвигали интересы России.[193] В этом контексте нами уже упоминался и проживший в Туркестане около десяти лет будущий эмир Абдуррахман-хан.

Жесткая политика последнего привела к переселению в русские пределы многих афганцев, чьи знания о своей стране активно использовались туркестанской администрацией. Так, некоторые сведения были получены от участников отряда Исхак-хана,[194] которым после неудачного восстания было позволено остаться в русских пределах.

Со многими афганцами в Туркестане довелось видеться и упомянутому выше П.М. Логофету. В частности, в одной из своих работ исследователь описывает содержательную беседу с выходцем из Кафиристана, которая, однако, произошла позже исследуемого периода.[195]

Другим опальным афганским аристократом в русских владениях был племянник эмира Шер Али-хана сардар Искандер-хан. Сын бывшего гератского

---

[192] 1 тенге равнялся приблизительно 20 коп. РГВИА. Ф. 445. Дело № 27. Дело Азиатской части № 70. Часть 2. – 1885. Л. 17.

[193] Григорьев С.Е. Россия и Афганистан. История политических связей // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб. 2011. С.89.

[194] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. № 485. Дело № 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 80.

[195] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. Т. 2: Русско-Афганская граница. СПб. 1909. С. 81-83.

правителя Султана Мохаммад-хана в 1868 г. со своим отрядом из 286 афганцев присоединился к русскому войску незадолго до взятия им Самарканда, в котором он принял участие.[196] Туркестанские власти предоставили ему убежище. Кроме того, он получил чин подполковника, орден святого Станислава 2-й степени и место офицера в Лейб-гвардии гусарском полку.[197] Выучивший в Ташкенте русский язык Искандер-хан был направлен на службу в Санкт-Петербург.[198] Однако позднее из-за дуэли и последовавшего за ней ареста гордый афганец, не снесший оскорбления, покинул Россию и после шести лет пребывания в Лондоне и трех в Париже переехал в Иран, где ему было позволено остаться, и была назначена правительственная пенсия.

В 1880-е гг. он сообщал русским дипломатам в Тегеране полезные сведения о проживавших в Иране афганских противниках Абдуррахман-хана – его двоюродных братьях Айюб-хане и Мохаммаде Хасан-хане. Эти непримиримые борцы с англичанами времен Второй англо-афганской войны[199] поддерживали контакты с противниками эмира в Афганистане, вынашивая планы по возвращению на родину и смещению Абдуррахман-хана. Однако благодаря успешным политико-дипломатическим действиям британцам удалось воспрепятствовать этим попыткам. Подробности данного эпизода были известны в Петербурге в том числе благодаря информации, полученной от Искандер-хана.[200]

Поручения российских властей непосредственно на территории Афганистана исполняли также афганцы, состоявшие на русской службе. М.Х. Какар сообщает, что в начале 1880-х гг. в качестве такого агента в Кабуле

---

[196] Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки // Вестник Европы. СПб. 1885. Т. 3. № 6. С. 612-658; Т. 4. №7. С. 49.
[197] Михайлов А.А. Первый бросок на юг. СПб. 2003. С. 382.
[198] Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860-1917. London. 2006. С. 133.
[199] Айюб-хан стоял во главе афганских сил, одержавших наиболее значимую победу над англичанами в 1880 г. у селения Майванд близ Кандагара.
[200] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Дело № 28. Дело Азиатской части № 97. Секретное. Со сведениями об афганском сердаре Мамед-Хасан-хане и Эюб-хане. – 1885. Л. 5, 6, 8.

действовал некий мулла Якуб.[201] Под видом переводчика он часто бывал при дворе эмира, когда тот принимал и опрашивал прибывших в Афганистан русских подданных, вероятнее всего, купцов из Средней Азии. В декабре 1882 г. мулла Якуб покинул страну, а его место занял другой агент по имени Сайед-хан. Последний, по словам М.Х. Какара, даже сопровождал эмира во время его поездки в Джелалабад в 1883 г. Еще одним русским агентом был торговец Мирза Мохаммад Садык. Об агентах Якубе и Мирката-хане упоминала британская «Times», процитированная в одном из майских номеров 1884 г. газеты «Московские ведомости».[202]

Действия упомянутых лиц вызывали обеспокоенность в Лондоне и Калькутте, а их присутствие в Кабуле еще более усиливало подозрительность англичан по отношению к эмиру. Министр по делам Индии лорд Хартингтон[203] (1880-1882) и вице-король Индии лорд Риппон[204] (1880-1884) выражали мнение о необходимости прекратить подобную практику и изгнать Мохаммада Садыка. По мнению М.Х. Какара, это пожелание было исполнено эмиром, поскольку «после того, как англичане в 1883 г. назначили эмиру субсидию и особенно после занятия русскими Пандждеха не было сообщений о деятельности русских агентов в Афганистане».[205]

Утверждению афганского историка противоречат отчеты Ташкентского генерал-губернаторства, политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова, а также начальника штаба Ферганской области Николая Ивановича Гродекова. В частности, в 1884 г. сообщения о положении дел в Афганистане поступали от разведчиков из Ширабада Мирзы Алима[206] и муллы Замана[207]. Последний также

---

[201] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C.198.
[202] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1884 год. М. 1898. С. 258.
[203] Спенсер Комптон Кавендиш, 8-й герцог Девоншир, 1-й марких Хартингтон (1833-1908).
[204] Джордж Фредерик Сэмюэль Робинсон, 1-й маркиз Риппон (1827-1909).
[205] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C.200.
[206] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л. 36.
[207] Там же. Л. 2,4.

доносил о настроениях, царивших в Афганистане после битвы у р. Кушк в 1885 г. В сентябре того же года некий «вновь посланный в Мазари-Шариф сведущий разведчик» лично встречался с правителем Северного Афганистана Исхак-ханом.[208] В 1886 г. агенты-афганцы сообщали в Ташкент о передвижениях английских отрядов под предводительством генерала Уильяма Локхарта через Читрал в Бадахшан вблизи границы с Бухарским эмиратом.[209] О действиях кабульского эмира и ситуации в Афганистане после восстания Исхак-хана в 1888 г. докладывал разведчик, имя которого в дипломатической переписке обозначалось аббревиатурой «М.Н.М.».[210]

О необходимости для России иметь своих агентов в крупных афганских городах в 1885 г. писал военному министру П.С. Ванновскому главноначальствующий кавказской администрации А.М. Дондуков-Корсаков: «Я уже имел случай высказать Министерству Иностранных Дел о пользе для нас учреждения должности агента в Кабуле и Герате; но так как назначение представителя русских интересов в столице Афганистана вызовет, вероятно, упорную оппозицию со стороны Англии, то необходимо по крайней мере, выговорить себе право иметь нашего агента по пограничным и торговым делам в Герате, как главном городе и местопребывании правителя соседней с нашими владениями авганской провинции; позволяю себе думать, что Ваше Превосходительство разделите мой взгляд на этот предмет и со своей стороны окажете в свое время содействие практическому его осуществлению».[211]

---

[208] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л. 164.

[209] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 685. Слухи о движении английского отряда через Читрал в Бадахшан, английский генерал Локхарт. – 1886. Л. 1.

[210] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 469. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 98.

[211] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 467. Протокол соглашения между русским и английским правительствами, предписание Азиатского департамента МИД российскому комиссару по определению северной границы Афганистана и письма кн. А.М. Дондукова-Корсакова военному министру об установлении русско-афганской границы, отношениях между Россией, Персией и Афганистаном и по вопросу об организации управления Закаспийской области; карта района русско-афганской границы. – 25 июля-7 октября 1885. Л. 28.

Значительную работу по налаживанию агентурной деятельности в Афганистане провел П.М. Власов. Сразу после открытия генерального консульства в 1889 г. он докладывал в Санкт-Петербург: «За минимальную норму содержания, здесь сколько-нибудь приличного для русского агента, я признал содержание в 1000 рублей золотом в год, что составляет лишь половину содержания, получаемого нештатными агентами-мусульманами великобританского генерального консульства в Хоросане».[212]

Из донесений П.М. Власова мы узнаем, что на афгано-персидскую границу негласными агентами генконсульства были назначены: в Дерегез – шугнанец Ханлар-бек[213]; в Джам – иранец Хадж Мирза Аббас Кули-хан из племени баддилу[214]; в Кучан и Буджнурд – уроженец г. Шуши Ага-бек Рафибеков[215] (известно, что он состоял на русской службе с 13 августа 1889 г. по 17 июля 1892 г.)[216]; в Систан в звании негласных корреспондентов генерального консульства – персидскоподданные Мирза Захи-хан и Рахим-хан,[217] с местопребыванием в Насир-Абаде; в Каин – персидскоподданый Хаджи Ага, с местопребыванием в г. Бирджане[218]. Генконсульство располагало также корреспондентом в Герате. Российские агенты доезжали и до Кабула, откуда доставляли сведения о событиях в столице, устройстве кабульского двора и семье эмира. От них мы узнаем, в частности, что на рубеже 1880-1890-х гг. население афганской столицы якобы достигало 600 тыс.чел, не считая военных отрядов общей численностью до 25 тыс.чел.[219]

---

[212] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3040. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана. – 1889. Л. 12.
[213] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3040. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана. – 1889. Л. 1.
[214] Там же. Л. 2.
[215] Там же. Л. 9.
[216] Там же. Л. 33.
[217] Там же. Л. 30.
[218] Там же. Л. 56.
[219] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. № 3064. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1891. Л. 28.

Свои предложения по учреждению агентурной деятельности П.М. Власов направил в Азиатский департамент МИД:

«1) Содержать еще негласного агента или корреспондента в Герате, как для проверки сведений, доставленных с границы агентом нашим в Джаме, так равно и для доставления нам сведений из самого Герата, не могущих доходить до границы, вследствие весьма бдительного надзора, установленного англичанами на границе этой, если же не найдется охотника, то посылать туда периодически, раза два-три в год, лицо для сказанных целей;

2) Содержать негласного корреспондента или агента на границе Систана с Белуджистаном для наблюдения как за действиями там англичан, так равно и за тем, что происходит в этих двух краях, кои, за отдаленностью Мешхеда, где имеет пребывание Генеральное консульство, равно от Турбет-и Шейх-и Джама – места пребывания агента нашего – ускользают из-под нашего надзора и контроля;

3) Иметь в распоряжении определенную сумму на «секретные расходы», как например: на уплату за доставление разными лицами сведений случайных, но часто весьма важных, на подарки за доставление сведений о том, что делается во дворце у Принца Правителя, у Ильханиев, в Великобританском Генконсульстве и т.п. и главное на подарки, хоть незначительные, влиятельным лицам края и духовенству в особенности.

На содержание двух негласных корреспондентов в Герате и на границе Систана и Белуджистана можно ограничиться, по мнению моему, суммой в 1000 рублей мет. в год, что составит четвертую тысячу, ассигнованную мне Министерством. На «секретные же расходы» было бы желательно в интересах дела положить хотя бы две тысячи рублей в год, что дало бы мне возможность устроить правильную разведочную службу.

Расходование последних сумм должно быть предоставлено в безотчетное распоряжение Генерального консульства, ибо лица доставляющие секретные

сведения не согласятся никогда выдавать расписки в получении за таковые гонорара из-за весьма естественного опасения отвечать за последствия.

В заключении беру смелость присовокупить, что расходы по выполнению изложенных здесь соображений не представляют, как мне хорошо известно, и десятой доли тех сумм, кои расходуются здесь для тех же целей Великобританским Генеральным консульством».[220]

Добывая сведения об Афганистане, П.М. Власов встречался с самыми разными людьми. В 1891 г. одним из его собеседников был белудж Гулям Хасан-хан, уроженец Систана, перешедший впоследствии на службу к афганскому эмиру. По какой-то причине Гулям Хасан-хан попал в немилость к Абдуррахман-хану, был арестован и направлен в Кандагар, откуда ему удалось затем бежать в Хорасан.

Прибывший в Мешхед из Герата афганец Ахмад Джан-хан сам искал встречи с русским консулом, предлагая свои услуги по доставлению сведений из Герата, Кабула и Кандагара. Человек этот в 1880-е гг. занимал государственный пост в Герате. Свое желание служить русским он объяснял нелюбовью к Англии. На вопрос о причине такой антипатии Ахмад Джан-хан отвечал, что он, «как все афганы, сколько нибудь знакомые с их [англичан] жестоким управлением в Индии, не ожидает от них ничего хорошего для своей родины, что в последнее время взгляд его соотечественников на Россию, на ее задачи и стремления на востоке и на образ действий ее с подчиняемыми ею себе народностями начал заметно изменяться в ее пользу, несмотря на отсутствие в Афганистане ее агентов и на умышленно распространяемые самые злостные и невыгодные для нее слухи англичанами в Индии и их агентами в Афганистане, … что в Афганистане начал укрепляться взгляд на Россию, как на какую-то грозную стихийную силу, бороться с коей бесполезно и опасно и противостоять коей безумно при том

[220] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3040. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана. – 1889. Л.12, 13. Здесь и далее при цитировании архивных документов сохраняется изначальная пунктуация и орфография.

обаянии, которое окружает ее и следует за ней повсюду, почему благоразумные афганы стараются заблаговременно снискать у нея благоволение и покровительство».[221]

Ахмад Джан-хан в ходе беседы обнаружил полную уверенность в том, что русские собираются занять Герат и попросил П.М. Власова предоставить ему письменную гарантию в том, что в случае движения русских войск к Герату ему будет оказано покровительство России за те услуги, которые он готовился ей оказать. Русский консул согласился лишь на предоставление афганцем информации за определенную плату. Однако английские агенты, следившие за зданием представительства, донесли об этой встрече британскому консулу, в связи с чем П.М. Власов полагал, что наладить сотрудничество с геpатцем не удастся: «Нет сомнения, что генерал Маклин не замедлит принять надлежащие меры к тому, чтобы лишить Ахмед Джан Хана возможности иметь со мною дальнейшие сношения».[222]

В 1892 г. на службу генконсульства был принят житель Герата Мохаммад Юсуф. О нем нам известно благодаря его собственному обращению к российскому правительству за материальной помощью в связи с тем, что, по его словам, афганские власти, узнав, что он работает на русских, арестовали его и все его имущество. Мохаммаду Юсуфу удалось избежать наказания и прибыть в Мешхед, куда в конце 1880-х гг. была выслана из Афганистана и его семья. Финансовые трудности начались после того, как П.М. Власов покинул пост генерального консула. Впрочем, исполнявший должность генконсула в Мешхеде в начале XX в. Петр Егорович Панафидин подвергал сомнению доводы Мохаммада Юсуфа, так же, как и качество доставляемых им сведений.[223]

---

[221] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3064. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1891. Л. 132.

[222] Там же. Л. 133.

[223] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. 3079. Мохаммад Юсуф Геpатский. Доставление сведений о Хорасане и Афганистане. – 1901. Л. 48-51

Афганец описывал свою непростую судьбу следующим образом: «9 лет назад некоторые поручения были возложены на меня генералом Власовым…По прошествии трех лет Афганское Правительство, узнав о моей тайной деятельности, меня арестовало и хотело казнить. Мне удалось спастись и прибыть в Мешхед. Но имущества мои движимые и недвижимые стоимостью более 50 тыс. туманов были конфискованы, а семья и родные взяты в плен.

Генерал Власов, уверенный в моей верности, возложил на меня те же поручения в Хорасане. Он же мне поручил объезд и осмотр Белуджистана и Сеистана. Успешное исполнение, при помощи Божией, возложенных на меня поручений стоило много труда и денег. Его Превосходительство никогда не переставал быть барином и всячески меня награждал и поощрял, так что я ни в чем не нуждался».[224]

В «Сирадж-ат Таварих» также упоминается об имевшихся у Абдуррахман-хана сведениях об афганцах на русской службе. В конце 1880-х гг. докладывалось о жителе Кандагара по имени Мирза Рамзан Али, который избрал службу русским и был направлен в Афганистан «разведать дороги и пути, горы и равнины Афганистана».[225] В начале 1890-х гг. Абдуррахман-хан получил известия от своих шпионов в Средней Азии о направлении русского агента в горы близ Джелалабада. Эмир приказал арестовать его и наказать, однако выявить разведчика не удалось.[226]

Осенью 1891 г. соглядатаи кабульского правителя доложили, что, по их сведениям, большинство паломников из русского Туркестана, направляющихся в Меккку через Афганистан, действуют в качестве российских разведчиков. Действительно многие, совершавшие хадж среднеазиатские жители,

[224] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. 3079. Мохаммад Юсуф Гератский. Доставление сведений о Хорасане и Афганистане. – 1901. Л. 24
[225] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 672.
[226] Там же. С. 773.

предоставляли сведения русским властям о землях, через которые они проезжали, в том числе Афганистан.[227]

В связи с этим эмир приказал афганским пограничникам по прибытии жителей Туркестана в Афганистан записывать их данные: имя, место жительства и дату прибытия. Предписывалось выдавать туркестанским паломникам на границе письмо с указанием даты въезда на афганскую территорию. Если при выезде из Афганистана у такого путешественника не оказывалось с собой соответствующего письма, а также если у него обнаруживались «шпионские послания или сведения о произошедших событиях», то его следовало арестовать.[228]

Так, в начале 1890-х гг. по подозрению в шпионаже в интересах России был арестован сотрудник российского консульства в Джидде, житель г. Маргилана Мохаммад Али Хаджаев. В 1893 г. он сообщал российским властям, что при проезде через Афганистан в Маргилан, где он собирался провести свой отпуск, он со своими попутчиками, «по приказанию Абдуррахман-хана, будучи подозреваемы в шпионстве, подвергались со стороны афганцев отбиранию товаров и денег».[229] При этом некоторые из его товарищей были убиты, а сам М.А.Ходжаев потерял все деньги, но сумел избежать смерти, благодаря заступничеству земляков, проживавших в Афганистане.

Своевременное получение информации о событиях к югу от Гиндукуша осложнялось тем, что доходила она до границы с Россией с большим опозданием. В этой связи Г.А. Арендаренко отмечал: «…по этой стороне Аму-Дарьи о положении дел в Афганистане немного населению известно. Только посылкой

---

[227] Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е-1907 гг.): специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. В.И. Шеремет; Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. М. 2016. С. 95.

[228] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 836, 837.

[229] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1640. По прошению жителя г. Маргилана Хаджи Султан-бая Мохаммед Али-Ходжаева о возврате ему денег и имущества, отобранных у него афганцами по проходе через Кабул. – 1893. Л. 1.

сметливого разведчика в Чар-Вилойят[230] добыты надлежащие сведения собственно о Северном Афганистане. Из Кабула же в Мазари-Шариф сведения приходят крайне поздно как вследствие затруднительности пути, так и потому, что горные полудикие племена Северного Гиндукуша, хазарейцы и шейхали, и ранее оставшиеся полунезависимыми, теперь окончательно не признают никакого правительства, наводя страх на путников своими разбоями. При таком состоянии сообщения Чар-Вилойята с Кабулом сведения в Мазари-Шариф приходят изредка, через 1,5 месяца».[231]

Материалы, подготовленные отечественными путешественниками и чиновниками тех лет демонстрируют, что в начале 1880-х гг. Россия располагала недостаточной информацией о южном соседе. В годы правления Александра III в Петербурге и Ташкенте вопрос о ликвидации «белых пятен» на географической и политической картах Афганистана не терял своей актуальности.

Вместе с тем и гражданские, и военные служащие в 1880-х-первой половине 1890-х гг. добились значительных результатов в географическом, топографическом и статистическом исследовании Афганистана, собрали множество сведений о политической и экономической жизни этого государства. Опубликованные ими записи, изначально имевшие чисто практическое значение, создали почву для дальнейших научно-теоретических изысканий.

Деятельность российских военных в этом направлении носила более агрессивный, наступательный характер. В ней также отчетливо прослеживаются более далекоиущие планы, имея ввиду проекты по продвижению вглубь Афганистана с возможными дальнейшими акциями на территории Индии. В этом ключе действовали военные разведчики, направлявшиеся на север Афганистана, а также Н.А. Нотович. Пример работы последнего особенно остро выявляет

---

[230] Подробно об этой области см. с. 136.

[231] Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века: журналы командировок Г.А. Арандаренко. М. 1974. – 142. С. 58.

разницу в подходах гражданских и военных властей Российской империи к «афганскому вопросу».

Положительный эффект имело также использование в качестве информаторов афганскиех агентов. В налаживании этой работы ключевую роль играли российские представительства в приграничных с афганским государством областях: политическое агентство в Бухаре, генеральные консульства в Кашгаре и Хорасане. Открытие упомянутых учреждений привело также к усилению российского влияния на северных и западных границах с Афганистаном.

Обострение российско-британского соперничества в регионе, наблюдавшееся в середине 1880-х и первой половине 1890-х гг. и требовавшее от обеих сторон получения больших знаний о спорных территориях, придавало импульс не только разведывательной деятельности, но и научному изучению Афганистана. Впоследствии сведения об этой стране, добытые российскими служащими, стали ценным материалом для дипломатов в ходе переговоров об определении российско-афганской границы. Опубликованные аналитические, научно-исследовательские и публицистические статьи служивших у афганских границ дипломатов и офицеров составили ядро дискурсивного поля, в котором обсуждалось будущее российской «афганской политики». Здесь же вводились основные термины, понятия, происходило знакомство с географическими названиями и именами собственными, осуществлялся первичный анализ собранных сведений. Работы этих авторов подпитывали как представителей высшего руководства страны, так и трансляторов общественной мысли.

ГЛАВА 2. УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АФГАНИСТАНОМ

2.1 Политические основы афганского разграничения

В 1880-е гг. было положено начало юридического оформления российско-афганской пограничной черты. Если на севере граница определялась просто – по течению Амударьи, то при очерчивании западных и восточных рубежей стороны столкнулись с наибольшими противоречиями. На западе отсутствовали естественные преграды, а на земли туркменских племен, расселенных в этой части границы, претендовали и Кабул, и Петербург. Для того, чтобы понять суть имевшихся противоречий, необходимо обратиться к хронике российско-английских переговоров, определявших взаимное положение двух держав в Средней Азии, а также к оценкам афганцами границ законных пределов своей власти.

Соответствующие переговоры между Россией и Великобританией были открыты в 1869 г. по инициативе Лондона после начатого в 1863 г. российского продвижения в регионе, результатом которого стали территориальные приобретения, а также усиление влияния Петербурга в Кокандском и Хивинском ханствах и Бухарском эмирате. Для предотвращения непосредственного соприкосновения владений двух держав в Азии Афганистан был определен в качестве нейтральной территории, однако вопрос о его границах оставался не решенным.

Предварительные договоренности по этому вопросу были достигнуты после обмена мнениями, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1969 г., в ходе которого обозначился ключевой принцип (общий для России и Англии)

определения рубежей Афганистана – это территория фактических владений эмира Шер Али-хана.[232]

Основой дальнейшего афганского разграничения стало соглашение 1872-1873 гг., осуществленное в форме обмена нотами. Стороны еще раз подтвердили приверженность принципу, согласно которому территорию Афганистана составляли фактические на тот момент владения Шер Али-хана, изучение пределов которых российские власти поручили осуществить генерал-губернатору Туркестана К.П. Кауфману, а также дипломату и картографу Кириллу Васильевичу Струве[233].

В Лондоне считали, что крайним пограничным владением афганского эмира на северо-западе является г. Андхой, «так как простирающаяся далее степь принадлежит независимым туркменским племенам».[234] В свою очередь, российская сторона высказывала сомнение относительно того, насколько кабульский эмир действительно владел северо-восточными узбекскими городами Акча, Сарипуль, Маймана, Шиберган и Андхой, но была готова пойти на уступки Лондону в этом вопросе. Российский министр иностранных дел А.М. Горчаков в письме послу в Великобритании Филиппу Ивановичу Бруннову (1860-1870) отмечал, что «если Правительство Ея Великобританскаго Величества продолжает держаться своего мнения относительно необходимости включить местности эти в состав афганской территории, то мы не будем настаивать на условленном принципе, т.е. на признании составными частями Афганистана тех только территорий, на которые простиралось господство Дост Мохаммад-Хана, и которые и в настоящее время действительно подвластны Шир-Али-Хану».[235] После возникновения спора за Панджде[236] в середине 1880-х гг. англичане

[232] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 4.
[233] В 1867 г. К.В.Струве составил карту Туркестанского края.
[234] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 5.
[235] Там же. 1886. С. 13.
[236] Панджде (в различных источниках также Пенде или Пенджде) – перс. «пять деревень» (پنج ده). В 1890 г. в окрестностях оазиса была возведена крепость Кушка, ныне Серхетабад, самый южный город Туркменистана.

обратились к упомянутым словам А.М. Горчакова, трактуя их так, будто российская сторона вовсе отказалась от принципа «Афганистан – фактические владения Шер Али-хана» в отношении северо-западных приграничных территорий, а значит, и земель, населенных туркменскими племенами.

Начало следующего этапа переговоров по разграничению было вызвано российским продвижением у Каспийского моря, взятием г. Красноводска (Туркменбаши) и крупной туркменской крепости Геок-Тепе в 1881 г., а также последовавшим за этим подписанием российско-иранской конвенции об определении общей границы от Атрека до Баба-Дурмаза. Тогда же Россия заявила о намерении «заботиться, в пределах возможного, об обеспечении окраин Хорасана от набегов независимых туркмен»[237], что указывало на заинтересованность Петербурга в утверждении своей власти на туркменских землях к северу от Герата. Кроме того, после включения в состав России территорий туркмен-текинцев к русским властям обратились туркмены Мерва, вследствие чего с ними был достигнут ряд договоренностей, смысл которых, прежде всего, сводился к прекращению последними разбойнических набегов.

Распространение русской власти по направлению к Герату, который представлял особое стратегическое значение для Великобритании, встречало негативный отклик в Лондоне. В связи с этим в начале 1882 г. государственный секретарь по иностранным делам Великобритании лорд Гренвиль[238] (1880-1886) провел встречу с российским послом в Лондоне Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским (1879-1882), в ходе которой предложил дополнить

Исторический и географический обзор этой области см. Бартольд, В.В. Сочинения. Работы по исторической географии и истории Ирана. В 10 т. Т. 7. М. 1971. С. 63-64.

Ч. Иэт давал следующее описание этой области: «Панджде, как называется дом туркмен-сарыков, является не поселком или городом, а длинной узкой долиной, около 25 миль в длину и 2 мили в ширину, на которой расположены цепи селений из туркменских кибиток. В этом месте нет ни одного дома. Единственное строение в использовании, которое мне известно – это мечеть с плоской крышей, построенная из глины на северной окраине долины…». 6. Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. 1888. С. 184.

[237] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 15.

[238] Джордж Левесон-Гоуэр, 2-й граф Гренвиль (1815-1891) – британский политик, представитель либеральной партии.

соглашение 1872-1873 гг. На этом этапе российская сторона определила свой второй ключевой принцип установления границы с Афганистаном – этнографический. С этого времени Петербург обозначил позицию, согласно которой, во-первых, афганцы не могли претендовать на земли, не входившие во владения Шер Али-хана (согласно договоренностям 1872-1873 гг.) и, во-вторых, для обеспечения спокойствия южных окраин среднеазиатских владений России по итогам разграничения туркмены не должны были оказаться в составе разных государств, так как «этнографические условия… должны были служить единственным рациональным и прочным основанием разграничения».[239] Такой подход не был принят в Лондоне, и переговоры прервались.

Еще большую обеспокоенность и недовольство Англии вызвало включение в 1884 г. в состав России Мерва и туркменского оазиса Иолатан (современный туркменский Ёлётен), после чего обмен мнениями было решено возобновить. Россия и Великобритания согласились возложить обязанности по определению демаркационной черты на специально созданную смешанную комиссию, которая должна была начать работу 25 октября 1884 г. В секретной инструкции министра иностранных дел Н.К. Гирса вступавшему в должность генерал-губернатора Туркестана Н.О. Розенбаху от 16 мая 1884 г. отмечалось: «… нельзя не предвидеть, что в непродолжительном времени мы войдем в непосредственное соприкосновение с владениями эмира Абдуррахман-хана, так как занимающие промежуточное пространство сравнительно малочисленные племена сарыков и салоров едва ли в состоянии будут сохранить свою самостоятельность».[240]

Однако камнем преткновения стали южные туркменские территории на границе с гератской областью (прежде всего, местность Пандждех), населенные

---

[239] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 36.

[240] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1285. Туркестанское генерал-губернаторство: разрозненные документы. Здесь же: копия с секретной инструкции министра иностранных дел генерал-адъютанту фон Розенбаху от 4 мая 1884 г. Здесь же: документы по вопросу об управлении Туркестанским краем. – 1884-1892. Л.133.

племенем сарык. Включив их в состав своего государства, Россия подошла бы вплотную к границе гератской области, чему англичане всячески стремились помешать. Ввиду исключительной важности, которую англичане придавали этому городу для обеспечения безопасности Индии, исследователь М.К. Басханов считал более целесообразным вести речь не о «панджде хском», а о «гератском» кризисе.[241] Заручившись поддержкой Лондона, свои права на туркменские земли предъявил Кабул. С июня 1884 г. стали поступать сообщения о том, что афганцы проводят военные приготовления в Герате и начинают устанавливать посты по обеим берегам р. Кушк.

В свою очередь, российская сторона настаивала на предварительном определении зоны будущего разграничения, в которую, по мнению Петербурга, должен был войти и Панджде х, где российскому и британскому комиссарам надлежало бы провести соответствующие исследовательские работы. В Петербурге категорически отказывались признавать власть афганцев над этой территорией, считая, что сарыки Пандждеха были полностью независимы и лишь из-за нехватки пастбищ и вражды с жителями Мерва перегоняли стада на афганскую территорию. Такое суждение основывалось на исследовании П.М. Лессара, побывавшего в этой местности в 1884 г. и не обнаружившего там следов власти кабульского эмира. Ссылаясь на описания принадлежащих гератской области земель, сделанных английским военным разведчиком Чарльзом Меткальфом Макгрегором, российская сторона считала, что северо-западная граница Афганистана очерчивалась горным хребтом, окружавшим гератскую провинцию. Посетивший Герат в 1875 г. Ч.М. Макгрегор описал в своем отчете сторожевую башню, представляющую собой оконечный пост гератской области: «Кохсан – пограничный афганский населенный пункт на этом пути. К северу по этой дороге вплоть до Серахса нет постоянных поселений… В

[241] Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора. // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 87.

настоящее время форт… представляет собой лишь груду развалин, но, несомненно, он может быть легко восстановлен так, чтобы быть в состоянии выполнять роль пограничного поста воинственного народа».[242]

В своем письме британскому послу Эдварду Торнтону (1881-1884) Н.К. Гирс писал следующее: «Императорский Кабинет считает долгом ныне же выразить желание, чтобы эмиру Абдуррахман-хану было предложено отказаться от всяких попыток к расширению своих владений насчет местностей, населенных сарыками, которые никогда не были подданными Афганистана».[243]

Этнографический принцип нашел отражение и в соответствующей инструкции МИД, переданной главе российской части разграничительной комиссии: «… выделять из состава Афганистана и включать в пределы России туркменские населения и, в случае готовности английского комиссара сообразоваться с принципом этим, уступать Афганистану племена, не принадлежащие к туркменской расе».[244] И далее: «Особого внимания потребует от Вас определение пункта, где будущая граница примкнет к Аму-Дарье, левый берег которой населен туркменами племени эрсари; сколько известно район поселений этого племени простирается на восток едва ли не до р. Вахша и потому полное объединение его под властью России оказывается невозможным; но, при всем том, необходимо принять меры к тому, чтобы по крайней мере большая его часть вошла в пределы наших владений».[245]

Как представляется, позицию англичан по будущему определению северо-западной границы Афганистана вполне можно соотнести с мнением, высказанным в секретном отчете Ч.М. Макгрегора 1884 г., в котором британский

---

[242] MacGregor C.M. Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the North-Western Frontier of Afghanistan in 1875: in 2 vol. Vol. 1. London. 1879. С. 243.
[243] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 89.
[244] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 467. Протокол соглашения между русским и английским правительствами, предписание Азиатского департамента МИД российскому комиссару по определению северной границы Афганистана и письма кн. А.М. Дондукова-Корсакова военному министру об установлении русско-афганской границы, отношениях между Россией, Персией и Афганистаном и по вопросу об организации управления Закаспийской области; карта района русско-афганской границы. – 25 июля-7 октября 1885. Л. 16.
[245] Там же. Л. 21.

военный настаивал, что земли туркмен-сарыков и алиели должны войти в состав афганского государства, так как «к северу от этих земель все дороги ведут к Мерву и Персии, на юге все дороги ведут в Афганистан; только афганцы должны контролировать все дороги от Амударьи к их стране. Керки[246] несомненно должен быть афганским».[247] Офицеры английской комиссии по афганскому разграничению были убеждены, что включение Пандждеха дало бы России военное преимущество, создав благоприятные условия для захвата Герата.[248]

Британцы приводили различные доводы с тем, чтобы убедить российскую сторону в необходимости признать за афганским эмиром земли, населенные сарыками. Прежде всего, англичане отвергали оправданность ссылок на Ч.М. Макгрегора, заявляя, что «заметкам этим нельзя придавать какого-либо официального или авторитетного значения. Это не более как результаты случайных наблюдений путешествовавшего в качестве частного лица офицера над тем, что он видел при проезде через ограниченную полосу земли, и основанием им послужило неверное понимание обстоятельств дела, так как башни, о которых упоминает полковник Макгрегор, образуют в сущности линию внутренней обороны, а не служат пограничными сооружениями, как полагал он».[249] Кроме того, в Лондоне вспомнили упомянутое выше письмо А.М. Горчакова к Ф.И. Брунову в попытке доказать, будто бы Россия давно отказалась от принципа фактических владений Шер Али-хана применительно к северо-восточной окраине Афганистана.

В конце концов официальные лица Великобритании стали открыто заявлять о поддержке законных, на их взгляд, притязаний Абдуррахман-хана на Пандждех. В августе 1884 г. Э. Торнтон передал в российский МИД меморандум,

---

[246] Керки (с 1999 г. – Атамурат) – город в современном Туркменистане.
[247] MacGregor C.M. The Defense of India: a Strategic Study. Simla. 1884. C. 119.
[248] Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора. / М.К. Басханов. – Текст: непосредственный. // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 88.
[249] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 175.

в котором был определен основной принцип Великобритании в деле установления афганской границы: «…при определении пределов юрисдикции эмира комиссия должна руководствоваться политическими отношениями племен, населяющих эту страну».[250] Именно идея политической или государственной принадлежности легла в основу инструкций, которые впоследствии были вручены главе английской части разграничительной комиссии. В одной из своих нот Э. Торнтон отмечал, что британское правительство «не считает себя в праве дать инструкции, могущие повлечь за собою, без согласия на то афганского эмира, отчуждение территорий, на которые он заявляет притязания».[251]

В ходе встречи начальника Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева и российского комиссара по разграничению генерала Павла Алексеевича Зеленого с английским послом в России Э. Торнтоном 13 октября 1884 г. последний указывал на то, что на русских картах тех лет за исходный пункт северной границы Афганистана был определен Серахс, расположенный севернее Пандждеха.[252] Российские дипломаты объясняли это тем, что имевшиеся тогда карты, основанные, между прочим, на данных английской топографии, устарели и должны быть дополнены с учетом последних исследований.

Окончательно Великобритания выразила свою точку зрения относительно будущего разграничения в меморандуме от 13 марта 1885 г., в котором подчеркивалось, что Пандждех, по мнению Лондона, входил в состав афганской провинции Бадгис и «составлял часть Афганистана с тех пор, как страна эта стала государством;…состоя в зависимости от Герата, означенные области находились под властью Шер Али-хана; … племена, селившиеся в Пенджде в течение

[250] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 85. Меморандум, переданный Великобританским Послом Императорскому Министерству иностранных дел. СПб, 6 августа (25 июля) 1884 г.
[251] Там же. С. 93.
[252] Там же. С. 107. Докладная записка И.А. Зиновьева Н.К. Гирсу. 1 октября 1884.

последней четверти столетия, вполне признавали себя живущими на афганской территории;… они платили подати под тем или другим видом гератским властям, … как до 1873 г., так и после, среди них постоянно проживал наиб[253] или ставленник губернатора Герата».[254]

В своих подходах англичане преследовали целью отодвинуть российско-афганскую границу как можно дальше от Герата. Они внушали афганцам уверенность в способности последних противостоять русским, а также в поддержке британских сил.[255] Во время одной из встреч с Саадуддин-ханом (афганский чиновник, ответственный за разграничение) глава английской разграничительной комиссии генерал Питер Ламсден отмечал необходимость укрепления афганской границы, поскольку «после возвращения английской комиссии Россия нападет на Герат с пограничной с Ираном территории».[256] При этом он убеждал афганца, что, пока британцы на месте, русские не станут вступать в бой, в результате которого «пограничные служащие России в этой области будут посрамлены и разбиты».[257] Британский генерал убеждал Саадуддин-хана, что М. Алиханов-Аварский прибыл в Пандждех «для подготовки фуража и провианта для своей комиссии» и «только в собственных интересах распускает слухи, чтобы народ на границе не выступал против него».[258] Абдуррахман-хан вспоминал: «21 ноября 1884 г. Ламсден написал мне, что будет следить, чтобы между русской и афганской армиями не произошло боестолкновения».[259]

Важно отметить, что, формируя свою позицию, англичане использовали афганские оценки государственной принадлежности Пандждеха. Собственно отношение афганцев к этому вопросу фактически осталось без внимания

---

[253] Наиб (араб. نائب) – наместник.
[254] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 175.
[255] Арунова М.Р. Граница России с Афганистаном. 1998. С. 18.
[256] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 176.
[257] Там же.
[258] Там же.
[259] Sultan Mahomed Khan M.M. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. 1900. С. 243.

отечественных исследователей. Выдающиеся советские востоковеды, такие как Ю.В. Ганковский, В.М. Масон, В.А. Ромодин, Н.А. Халфин, в целом одинаково описывали события т.н. Панджде хского кризиса. Как справедливо отметила в своей статье Т.В. Рабуш, в советской историографии акцент делался на агрессивной политике колониальной Британии.[260] В работах упомянутых авторов прежде всего – и совершенно справедливо – выделялась ключевая роль англичан в организации боестолкновения, а афганского эмира – в препятствовании дальнейшей эскалации конфликта.[261] [262] Этот же подход зафиксирован в работе М.Р. Аруновой и О.М. Шумилова, посвященной истории формирования российско-афганской границы.[263] В.А. Ромодин подчеркивал, что хотя Абдуррахман-хан и стремился занять как можно большие территории (в том числе, за счет Панджде ха) перед началом проведения работ по определению российско-афганской границы, однако он «пытался достигнуть этого, не доводя дела до вооруженного столкновения с Россией».[264] Н.А. Халфин отмечал, что войска к р. Кушк были стянуты по настоянию англичан, и именно «англичане хотели явочным порядком захватить Пендинский оазис…»[265], а М.К. Басханов утверждал, что «решение эмира Абдуррахман-хана направить войска в Пендинский оазис во многом основывалось на заключениях британской разграничительной комиссии о том, что оазис всегда принадлежал Афганистану»[266]. При этом ни один из упомянутых авторов не обращается к вопросу о том, на чем основывали свои территориальные претензии афганские власти. Таким образом, может сложиться впечатление, что лишь

---

[260] Рабуш Т.В. Российско-афганские отношения в XIX в.: историография вопроса глазами советских исследователей // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII-XIX вв. Сборник научных трудов. М. 2020. С. 233.

[261] Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX - начале XX в. Официальная история и историография. М. 1990. С. 93.

[262] Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. В 2 т. Т. 2. Афганистан в новое время. М. 1965. С. 286.

[263] Арунова М.Р. Граница России с Афганистаном. 1998. С. 18, 19.

[264] Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времён до наших дней. М. 1982. С. 173.

[265] Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М. 1959. С. 59, 60.

[266] Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора. // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 88.

подстрекательство британцев заставило афганцев бороться за туркменские земли к югу от Мерва, где лишь в 1884 г. свою власть утвердила Российская империя, что не вполне соответствует действительности. Не преуменьшая роли Англии в создании кризиса, согласимся, однако, с выдающимся российским востоковедом А.Е. Снесаревым в том, что «вопрос среднеазиатский был бы все-таки слишком прост и примитивен, если бы все сводилось к одному лишь состязанию двух европейских держав; … азиатский мир не уничтожен, … в среднеазиатском вопросе его надо считать третьим фактором».[267]

Афганцы чувствовали за собой исторические права на территории, населенные туркменами. Соответствующие обоснования приводятся в «Сирадж ат-Таварих». Среди прочего источник повествует о получении в 1884 г. жителями Пандждеха письма от туркмен Иолатана, в котором сообщалось о принятии последними подданства «хана Ургенча», т.е. Хивинского хана. Вслед за этим некий туркменский посланник прибыл к губернатору Герата с письмом от пандждехских туркмен[268], в котором они уверяли гератского правителя в своей преданности: «Их [жителей Иолатана] старейшины прибыли к хану Ургенча, чтобы принять его подданство, а жители Пандждеха и туркмены сарыки связывают свою волю с одобрением правителя Герата».[269]

Вероятно, здесь афганский автор описал принятие населением Иолатана русского подданства, осмысленное местными жителями как подданство Хивинского хана, чьи земли вошли в состав Российской империи в 1873 г.[270] Также можно предположить, что прибытие в Пандждех «посланника правителя Мерва» связано с установлением российскими властями контактов с

[267] Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб. 1906 г. С. 3.
[268] Этот эпизод помещен в главе о событиях 1300 г. лунной хиджры (11 ноября 1882 – 31 октября 1883 г.), однако следует сразу за описанием занятия русским отрядом Старого Серахса, которое произошло в 1884 г.
[269] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 117.
[270] О характере политических отношений туркменских племен с Хивинским ханством см. Почекаев Р.Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций Российской империи (1870-1880-е гг.). // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 171-179.

пандждехцами, которые начались сразу после включения Мерва в состав российских владений.[271]

Губернатор Герата Мохаммад Сарвар-хан в ответном письме заявил, что территория Пандждеха принадлежит Герату, и никто не имеет права вмешиваться в его дела. Получив такое послание афганского губернатора, пандждехские старейшины сообщили ему, что местные жители ответили представителю правителя Мерва следующее: «Когда хан Ургенча передаст им Мерв, тогда они примут его подданство, однако такому никогда не бывать».[272]

Затем старейшины Пандждеха прибыли в Герат к Мохаммаду Сарвар-хану, чтобы засвидетельствовать свое повиновение, взяв на себя обязательство выплачивать ушр[273] и другие налоги в афганскую казну.[274] Наместником Пандждеха был назначен Мохаммад Усман-хан (в донесении Н.В. Чарыкова от 29 июля 1884 г. – Вали Мохаммад-хан)[275], незамедлительно направившийся к месту службы. Такое поведение жителей Пандждеха обрадовало афганского эмира, издавшего указ, согласно которому, ушр и ¼ всех податей туркменские старейшины могли оставлять себе, еще ¼ налогов предназначались для местных улемов[276] и сеидов[277], а оставшиеся 2/4 необходимо было передать в казну кабульского правителя.

Однако, как пишет Ф.М. Катиб, «спровоцированные посланниками России», туркмены Пандждеха отказались повиноваться афганцам и изгнали Мохаммада Усман-хана. В связи с этим правитель Герата направил в эту область отряд, который увел с собой 20 тысяч баранов, принадлежавших «этому

---

[271] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 35.
[272] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 117.
[273] Ушр (араб. عشر) – букв. «десятая часть», «десятина». Традиционный налог в мусульманском мире.
[274] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 119.
[275] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л.10.
[276] Улем (араб. عالم) – букв. «знающий, ученый». Исламский правовед.
[277] Сеид или сейид, в афганском произношении – «саед» (араб. سيد) – потомок пророка Мохаммада через его дочь Фатиму и внука Хосейна.

эгоистичному народу», в качестве залога до выплаты сарыками ушра.[278] Абдуррахман-хан направил в Пандждех военный отряд с артиллерией, который должен был усмирить местных жителей, «а если те не повинуются – уничтожить их».[279] Эти действия афганцев в конце концов склонили сарыков принять условия эмира. В одном из документов, изданных Абдуррахман-ханом летом 1884 г., говорится о том, что население Пандждеха на тот момент уже два года исправно платило налоги в казну кабульского эмира.[280] Таким образом, в глазах афганских властей к 1885 г. туркмены Пандждеха находились в полной политической зависимости от Кабула, и, если верить придворному хронисту, Абдуррахман-хан не без оснований считал себя их легитимным правителем.

Упомянутые события несколько иначе описаны в сборнике документов «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг.». Российский источник подтверждает, что в это время в Пандждехе, Маручаке и Бала-Мургабе находилось «до тысячи афганского войска» под командованием генерала Гоусуддин-хана, однако в нем ничего не говорится о притеснениях туркмен со стороны афганцев. Напротив, отмечается, что «афганцы со времени посещения Пандждеха английскими офицерами стали весьма ласково обходиться с пандждехскими сарыками и всячески старались привлечь их на свою сторону, но при всем том сарыки относились к ним с явным недоверием и, несмотря на бдительный надзор, потихоньку переходили на нашу сторону».[281] Лишь однажды в тексте упоминается о «постоянно доходивших слухах о крайне натянутых отношениях между туркменами Пандждеха и афганцами».[282] На основании этих сообщений в декабре 1884 г. в Петербурге было принято решение о возможности введения войск в Пандждех в случае возникновения там беспорядков для предупреждения кровопролития.

---

[278] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 120.
[279] Там же.
[280] Там же. С. 151.
[281] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 58.
[282] Там же. С. 64.

Таким образом, придворный афганский историк представляет политику эмира более жесткой, чем российский МИД. Возможно, такие различия были вызваны недостаточной информированностью российских властей о деятельности афганцев. Не исключено также, что они могут быть еще одним доказательством выводов российской исследовательницы Н.Н. Лисицыной, сделанных на основании анализа материалов РГВИА, относительно цензурной обработки, которой подверглись ряд представленных в упомянутом сборнике документов в силу политической обстановки и идеологических установок второй половины 1880-х гг., направленных на сохранение мира с Англией.[283]

Во время встречи генерала П. Ламсдена с представителем афганского правительства по разграничению кази[284] Саадуддин-ханом последний отмечал, что не только сарыки Пандждеха, но и «старейшины Мерва и Серахса всегда … покорно служили эмирам Афганистана».[285] Кроме того, в том, что туркменские земли оказались в руках русских властей, афганец обвинял англичан: «…старейшины племен текке и ахал как представители части владений Герата союзники Его Высочества покойного эмира Шер Али-хана не так давно были в Кабуле… однако теперь из-за бездействия и невнимательности Британии, которая поздно направила группу экспертов, Россия захватила Мерв и Серахс».[286]

В ходе другой беседы с Саадуддин-ханом П. Ламсден, ссылаясь на свои переговоры в Тифлисе с князем А.М. Дондуковым-Корсаковым, передал афганцу требование русских представителей доказать принадлежность Пандждеха Афганистану письменным свидетельством об этом местных жителей. Для получения такого документа Саадуддин-хан направил в туркменскую область нового афганского наместника Пандждеха Аминуллу-хана и его брата Ялангтуш-хана, однако, по всей видимости, какого-либо письменного подтверждения им

---

[283] Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г. // Восточный архив. 2015. №1. С. 19-22.
[284] Кази (араб. قاضى) – судья.
[285] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 177-178.
[286] Там же. С. 178.

добыть не удалось.[287] Зато правитель Герата, прибыв в Пандждех, взял у туркмен «письменное подтверждение покорности (عهد نامه اطاعت)». Кроме того, он «обложил 38 нахров[288] на землях этого народа налогом в 380 золотых монет весом в один мискаль[289]».[290] Это было сделано вопреки просьбам англичан в адрес афганских властей освободить местных жителей от налогов с тем, чтобы добиться их расположения.

Вернувшись в Герат 5 января 1885 г., губернатор этой области, обеспокоенный поиском письменного доказательства принадлежности туркменских земель афганцам, вызвал к себе некоего Абдулджабар-бека Хазара из г. Кала-е Нау (административный центр современной провинции Бадгис), который «был пожилым воином» и «был хорошо осведомлен об афганском правлении в Пул-е Хатуне[291] и Пандждехе и других областях».[292] Таким образом, в качестве требуемого письменного свидетельства британцам было направлено письмо, основанное на следующем рассказе Абдулджабар-бека: «Башня Пул-е Хатун была построена Калидж-ханом Теймури, который был слугой и представителем правителя Герата, и его я встречал при его жизни, и поскольку племя теймури платило дань Герату и продолжало это делать в годы правления шаха Махмуда[293], сына Тимур-шаха Садозая[294], Калидж-хан служил и охранял границы и скот племени теймури, который выпасался в окрестностях Пул-е Хатуна и на берегах реки Герат, и башню ту возвел упомянутый Калидж-хан для устранения набегов сарыкских аламанов[295] возле упомянутого моста».[296]

---

[287] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 182.
[288] Нахр – (перс. نهر) оросительный канал.
[289] Мискаль – 4, 64 г.
[290] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 188-189.
[291] Пул-е Хатун (перс. پول خاتون) или Таш-Кепри (туркменский вариант названия) – букв. «кирпичный мост». Мост через р. Кушк.
[292] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 189.
[293] Махмуд-шах Дуррани – афганский шах, правитель Дурранийской империи в 1801-1803 и 1809-1818 гг.
[294] Тимур-шах Дуррани из рода Садозай – шах Афганистана (1772-1793), старший сын основателя Империи Дуррани Ахмад-шаха Дуррани (1747-1772).
[295] Аламан – туркменский разбойник.
[296] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 190.

27 августа 1884 г. (6 зулькада 1301 г. лунной хиджры) правителям приграничных провинций был разослан текст составленной эмиром Абдуррахман-ханом инструкции, определившей правила поведения афганских чиновников в ходе предстоящего разграничения. В ней жители Пандждеха назывались верными подданными Афганистана, в связи с чем афганские чиновники не должны были допускать преподнесения членами разграничительной комиссии традиционных подарков пандждехским сарыкам: «…если эта территория входит в состав Афганистана, то в чем польза одаривать подданного?».[297]

Документ состоял из 14 пунктов. Декларировалась необходимость придерживаться мирного духа разграничения: «…афганским служащим ничего более не нужно, кроме переговоров между сторонами по спорным вопросам».[298] Местным властям вменялось в обязанность быть в курсе деталей русско-английских переговоров, и если «будут допущены нарушения, и выявлены недостатки работы, а русские начальники не будет слушать справедливые слова английских чиновников, представители афганского государства должны выйти из переговоров и заявить, что не имеют полномочий, должным образом доложить эмиру о предмете, ждать ответа и выполнить задачу, которая будет им дана».[299] На простые вопросы русских и английских офицеров следовало отвечать прямо и незамедлительно, вопросы более чувствительные необходимо было обсуждать с Саадуддин-ханом.

Афганским чиновникам предписывалось оказывать содействие членам смешанной комиссии в проведении топографических изысканий в зоне будущего разграничения, в которую, согласно инструкции, входили Бадгис, Мургаб и Пандждех.[300]

---

[297] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 150, 151.
[298] Там же. С. 148.
[299] Там же. С. 149.
[300] Там же. С. 150.

При этом Россия в инструкции была представлена как агрессивное государство, которое «…силой отняло и будет отнимать земли на границе Ирана, состоящие во владении пограничных сил Хорасана, [она] может также отнестись с презрением к народу Афганистана и проявить алчность на его границах».[301] В связи с этим эмир призывал своих подданных «продемонстрировать свою силу и готовность, чтобы они [русские] узнали, что этот народ [афганцы] на своей границе готов ко всему».[302] Делались указания о приведении войск в полную боевую готовность.

Таким образом, с точки зрения афганских властей, территории туркменских племен к югу от Мерва являлись неотъемлемой частью Афганистана. Россия, совсем недавно появившаяся в этих краях, выглядела в глазах афганцев несомненным захватчиком. Этой позиции придерживались известные афганские историки. Так, М.Г.М. Губар даже г. Мерв и его окрестности называл «исторической провинцией Афганистана».[303] Он также отмечал, что туркмены всегда тяготели к Афганистану, и лишь внезапность появления («нападения») русских войск в Мерве воспрепятствовала закреплению туркменских территорий в составе афганского государства.[304] М.Х. Какар утверждал, что притязания Афганистана на район, населенный туркменскими племенами, были оправданы «исторически и демографически».[305] В качестве доказательства афганский историк отмечал, что некогда Пандждех населяло туркменское племя джамшид, подчинявшееся Герату. Затем джамшиды были вытеснены туркменами-ансари, которые впоследствии уступили место сарыкам. При этом последние два туркменских племени платили дань джамшидам. Таким образом, следуя логике М.Х. Какара, жители Пандждеха являлись подданными гератских правителей по принципу «вассал моего вассала – мой вассал».

[301] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 148.
[302] Там же.
[303] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 879.
[304] Там же. С. 889.
[305] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 203.

Пуштуязычный автор С.Б.З. Какахейль писал о Панджде хе как об афганском пограничном пункте, ставшем жертвой «алчного поведения и агрессии российского правительства».[306] Даже в наши дни среди образованной части афганцев царит убеждение в том, что южные туркменские земли были несправедливо отняты у их предков.

Русские власти, руководствуясь идеей об установлении спокойствия в Средней Азии, стремились взять под свой контроль промышлявшие грабительскими набегами туркменские племена, над которыми «рука кабульского эмира» была бы бессильна, если бы их земли вошли в состав афганского государства. Однако в Кабуле действия русских властей, желавших искоренить кочевнические и разбойничьи привычки туркмен, оценивали как «эхо экспансионистского и колониалистского взгляда князя Горчакова».[307] Другой пуштуязычный автор – Гульджан Врор Вардак – утверждал будто бы афганцы и сами справлялись с задачей установления мира и порядка на афгано-туркменском приграничье.[308]

Англичане поощряли афганские оценки государственной принадлежности туркменских земель Кабулу. На их основании в Лондоне и был выработан «политический» принцип по определению северо-западной границы Афганистана. Этот подход англичане использовали для достижения своей главной задачи на этом этапе афганского разграничения – отодвинуть границу как можно дальше на север от Герата. Таким образом проявилось противоречие в определении границы между русскими и английскими властями, которое в конце концов привело к вооруженному столкновению у р. Кушк.

[306] Какахейль, Б.З. Пахтанэ дэ Тарих пэ Рана ке. Лахор. 2009. С. 869.
[307] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 202.
[308] Вардак Г.В. Дэ Афганистан пэ Шомали Велайято ке дэ Пахтано Остогандзи. Лахор. 1994. С. 43.

2.2 Боестолкновение у р. Кушк и его последствия в международной политике

Вооруженное столкновение между русским и афганским отрядами 30 марта 1885 г. у р. Кушк стало важнейшим событием не только в процессе афганского разграничения, но и в русско-английском соперничестве в регионе в 1880-е гг. Этот бой стал апогеем российского продвижения в южном направлении, единственным военным столкновением в т.н. Большой игре, в котором русским противостояли, хотя и не участвуя в действиях на поле боя, английские офицеры, и чуть было не поставил две державы на грань войны.

Абдуррахман-хан во время боестолкновения находился в индийском г. Равалпинди (современный Пакистан). В «Сирадж ат-Таварих» приводится содержание беседы эмира с вице-королем Индии лордом Дафферином[309] (1884-1888) сразу после инцидента, в ходе которой англичанин уверял кабульского правителя: «Афганский народ не будет один в войне с Россией, против которой будут открыты боевые действия со всех сторон, на Черном и Средиземном морях».[310] Абдуррахман-хан просил помощи оружием и деньгами на укрепление северной границы, однако отказывался дать разрешение на ввод британских войск в Афганистан, в необходимости которого эмира убеждал вице-король. Лорд Дафферин не скрывал разочарования такой позицией афганца: «Члены нашего парламента глубоко удивлены, что нашим войскам не позволяют пройти к границам Вашего государства по причине недоверия вашего народа, и Вы сами, то есть Ваше войско, [которое] потерпело поражение, останется неподготовленным и неустроенным, и с учетом этого поражения и неустроенности война с русскими, несомненно, будет крушением

[309] Фредерик Темпл Гамильтон-Темпл-Блэквуд, 1-й граф Дафферин, 1-й маркиз Дафферин-Ава (1826-1902) – британский дипломат, также занимал должность генерал-губернатора Канады (1872-1878).
[310] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 202.

Афганистана».[311] Но эмир прямо отказался от притязаний на Пандждех: «…я теперь считаю, что территорией туркмен-сарыков я не владею».[312] Абдуррахман-хан отмечал: несмотря на обращения мусульманских правителей Туркестана, которые хотели «поднять волнение, мятеж и бунт среди народа и освободить свою страну из-под русской пяты, днем и ночью ожидают моего указа, когда я дам им сигнал начать джихад…, мои дела не устроены, а у вас впереди трудности упорных переговоров. Сейчас я не желаю войны и соглашаюсь на примирение…».[313]

Афганский историк М.Х. Какар считал, что основная причина, по которой эмир отказался от идеи вооруженной борьбы с русскими и приказал отступить из Пандждеха, заключалась в том, что такой шаг не угрожал единству Афганистана. С точки зрения Абдуррахман-хана, необходимо было сосредоточиться на укреплении приграничных городов, а не на продолжении боевых действий против России, которые могли окончиться для афганцев неудачей. В таком случае к русским перешли бы и Герат, и Маймана, что привело бы к распаду страны. Боевые действия английских сил против России на территории Афганистана и вовсе привели бы к уничтожению афганского государства.[314]

Историк Н.Н. Лисицина на основании переписки Н.К. Гирса и генерал-губернатора Туркестана Н.О. Розенбаха (с приложением копий посланий Абдуррахман-хану) в феврале 1885 г., хранящейся в АВПРИ, доказала, что на решение афганского эмира повлияло письмо занимавшего в то время должность заведующего строительным отделением канцелярии начальника Зеравшанского округа, подполковника А. Черневского. Последний имел дружеские отношения с Абдуррахман-ханом со времени пребывания сардара в российском Туркестане. Он объяснил афганскому правителю позицию российского правительства о

[311] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 206, 207.
[312] Там же. С. 208.
[313] Там же. С. 209.
[314] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C. 206.

сложившейся к февралю 1885 г. ситуации на туркменских территориях. Подчеркивал, в частности, что Россия стремится подчинить своей власти всех туркмен-сарыков для обеспечения мира и спокойствия в регионе, а также проведения удобной для обоих государств границы. Кроме того, А. Черневский заверял Абдуррахман-хана, что, если тот поступит согласно пожеланиям российского правительства, то оно впредь будет содействовать упрочению власти Абдуррахман-хана в сопредельных с Россией провинциях Афганистана.[315] В своем втором письме эмиру уже после кушкинского сражения А. Черневский от лица российского правительства отмечал, что в Петербурге вина за инцидент полностью возлагается на англичан, и поэтому столкновение не изменит дружеского характера российско-афганских отношений.[316]

Вероятно, упомянутое послание русского офицера действительно оказало влияние на образ мысли Абдуррахман-хана. Так, если 10 декабря 1884 г. в своем письме Саадуддин-хану он настаивал на том, что граница должна пройти по Пул-е Хатуну,[317] то 24 февраля 1885 г. эмир дал афганскому представителю инструкцию, в которой рассматривается возможность оставления Пандждеха: «Если мы потеряем Пандждех… это не беда, вред будет нанесен, если не будут укреплены Герат и Маймана, поскольку ненадежность этих двух крепостей нанесет ущерб могуществу государства. Поэтому необходимо укрепить эти два города; также битва с русскими в Пандждехе не принесет благополучия и не имеет пользы для достижения цели. И если Россия захватит Пандждех, уходите к Мургабу, а оттуда, если оставаться там будет тяжело – дальше в Майману, укрепите ее и будьте стойки».[318]

Победа над афганцами у р. Кушк произвела значительный эффект как в Средней Азии, так и в Европе. В британской «Saint James Gazette» писали:

---

[315] Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдуррахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Восточный архив. 2008. № 17. С. 31.
[316] Там же. С. 31.
[317] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 186.
[318] Там же. С. 195.

«Англия не может отнестись к делу на р. Кушк как к не имеющему значения, иначе чести и благоденствию государства угрожала бы опасность»[319], а французское издание «Journal des Débats Politiques et Littéraires», представляя читателям настроения британского парламента во время обсуждения битвы, отмечало, что в его здании в этот момент царила «мрачная тишина».[320]

О значении этой победы в Средней Азии спустя месяц после сражения писал в своем отчете о положении дел в Афганистане Н.В. Чарыков: «Ширабадский разведчик мулла Заман доносит, что победа над афганцами на р. Кушк произвела в Северном Афганистане с Кундузом и Бадахшаном сильное впечатление и возбуждение в узбекском населении, которое надеется, в случае появления на берегах Амударьи небольшого русского отряда, выгнать афганцев и восстановить потомственных правителей или подчиниться русским. В народе открыто говорят, что с поражением афганцев на р. Кушк нанесено поражение и англичанам, так как они руководили и боем, и всеми делами…»[321]. Абдуррахман-хан подтверждал это в своих мемуарах: «Такое поведение англичан влияет на снижение их престижа среди афганцев до сих пор».[322] Британский генерал П. Ламсден, командовавший действиями афганского отряда во время описываемых событий, так охарактеризовал итог поражения англо-афганских сил: «Кушкинский бой нанес жестокий удар английскому престижу не только в Афганистане, но и во всей Средней Азии».[323] Один из генералов Абдуррахман-хана по имени Тимур-шах заявил после столкновения: «Битва при Пандждехе была полезна, так как мы смогли отличить друга от врага. Те, кто подвиг нас к войне, а потом оставил одних, не являются настоящими друзьями».[324] Позже в

[319] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 9.
[320] Там же. Л. 17.
[321] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886. Л. 28.
[322] Sultan Mahomed Khan M.M. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. London. 1900. С. 245.
[323] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания 1881-1885 гг. // Вестник Европы. 1904. № 10. С. 495.
[324] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 883.

1909 г. русский исследователь Д.Н. Логофет писал, что «кушкинский разгром еще не изгладился из памяти афганцев».[325]

Поражение последних привело к снижению авторитета центральной власти на севере страны, что вызвало грабежи в приграничных землях. Некие Гедай и Касем Зарднам со своими людьми совершили набег на местность Чарсада. Командующему войсками Майманы генералу Шарбат-хану удалось усмирить разбойничьи налеты лишь при помощи гератского гарнизона.[326]

«Сирадж ат-Таварих» повествует о последовавшем после битвы подъеме религиозного-освободительного движения народов к северу и востоку от Афганистана. Так, в конце сентября 1885 г. Абдуррахман-хан получил письмо старейшин Свата и Бунира (современная пакистано-афганская граница), в котором выражалась солидарность с мусульманами Афганистана, а также готовность исполнить любой приказ эмира.[327] В своем ответе афганский правитель благодарил ханов за поддержку, отмечал единство исламского мира, однако подчеркивал, что после заключения русско-английских мирных договоренностей развязывать военные действия представляется нецелесообразным.[328] Кроме того, согласно Ф.М Катибу, подобные обращения поступали от жителей Коканда, Самарканда, Яркенда, Бухары, Ургенча, Панджаба, Синда, Пешавара, Баджаура, Читрала, Ходженда, Маргилана, Шахрихана, Акка, Андижана, Оша, Намангана, а также «представителей армии кыпчакских и киргизских племен».[329] Жители некоторых среднеазиатских земель, недавно вошедших в состав России, предлагали поднять мятежи, во время которых афганцы нанесли бы удар по позициям русской администрации.

В 1885 г. в Ферганской области произошло восстание против российской власти, возглавляемое Дервиш-хан-тюрой. Один из его сподвижников Мохаммад

---

[325] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. Т. 2: Русско-Афганская граница. СПб. С. 4.
[326] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 222.
[327] Там же. С. 229.
[328] Там же С. 230.
[329] Там же. С. 238, 261.

Карим-датха прибыл с письмом к Абдуррахман-хану. Об этом эпизоде Б.Л. Громбчевскому во время его похода в 1889 г. поведал «памирский разбойник» Сахиб-Назар: «Когда киргиз этот [Мохаммад Карим-датха] явился к Абдурахман-хану с прошением за печатями недовольных существующим политическим строем, эмир заподозрил в нем русского шпиона и засадил под арест… По выяснении же, что Махомед-Карим-датха действительно добровольный выходец из Ферганы, эмир щедро одарил его, а Дервиш-хану отправил 8 пудов серебра в поддержку газата [газавата], т.е. войны с неверными, обещая и впредь возможную помощь».[330]

Однако афганский эмир, в целом поощрявший идеи о духовном единстве всех мусульман и особо подчеркивавший свой статус правителя мусульманского государства, не находящегося под прямым контролем иностранцев[331], продолжал вежливо настаивать на невозможности реализации антироссийских акций, «пока не настанет подходящее время».[332] Также битва при Пул-е Хатуне повлияла на решение одного из сыновей Бухарского эмира переселиться в г. Пешавар, куда Абдуррахман-хан впоследствии выслал ему 6 тыс.рупий.[333] Несмотря на утверждение М.Х. Какара, что в 1889 г. Абдуррахман-хан вынашивал идею о поднятии восстания на российской территории[334], все действия кабульского эмира демонстрируют, что, поддерживая свой образ «защитника всех мусульман»[335], он все же стремился соблюсти баланс между Россией и Англией, избегая вооруженных столкновений.

После упомянутого боестолкновения в Гератской области нарастала истерия, вызванная убеждением, что после победы у р. Кушк русские

---

[330] Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний. М. 2016. С. 21.
[331] Адамек Л. Тарих-е Равабет-е Сияси-е Афганестан аз Заман-е Амир Абдуррахман-хан та Эстеклаль. Кабул. 1971. С. 31, 32.
[332] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 262.
[333] Там же. С. 243.
[334] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 204.
[335] В 1896 г. Абдуррахман-хан принял почетный титул «Свет народа и религии» (араб. ضيا الملت و الدين).
АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 787. Разная переписка, касающаяся лично эмира афганского Абдуррахман-хана. Слухи о смерти его. Воцарение Хабибулла-хана. – 1896-1901. Л. 6, 10.

непременно атакуют Герат. В распространении таких идей немалую роль сыграли британские чиновники. В частности, в октябре 1887 г. в газете «Times of India» была опубликована статья известного венгерского востоковеда еврейского происхождения, работавшего на Англию, А. Вамбери под названием «Россия и Англия на Востоке». Автор подчеркивал: «…Россия, достигшая к настоящему времени восточного берега Каспия, уже ясно показала свою цель, а именно – завладение Гератом и плодородной территорией вокруг него…».[336]

Участник английской разграничительной комиссии капитан Чарльз Эдуард Иэт отмечал: «…народ с волнением ожидает нашего прибытия в надежде, что мы спасем их от русских. Обращение, которому подвергаются туркменские женщины, попавшие в руки русских солдат, становится известно по всей стране, что вызывает ужас среди людей. Они знают, что с нами их женщины в безопасности, а твердая дисциплина и хорошее поведение наших солдат во время последней Афганской войны теперь приносят плоды в привлечении на нашу сторону симпатий народа… сейчас перед лицом русского продвижения каждый стремится перебраться со своей семьей за город в какое-нибудь далекое место в области, где они смогут обезопасить себя от надругательств».[337] Однако ни в одном из источников нет упоминания о «плохом отношении» к местному населению со стороны русских. К тому же симпатия афганцев к вчерашним английским завоевателям, якобы проявлявшим «дисциплину и хорошее поведение», представляется весьма сомнительной.

Одним из последствий русско-афганского боестолкновения стало изменение этнического состава северных афганских территорий. Афганцы, знавшие об «этнографическом подходе» русских в деле определения границ, опасались, что наличие на приграничной территории туркмен-сарыков создаст предпосылки к дальнейшим походам русских войск, в связи с чем было

[336] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 757. Сведения о событиях в Афганистане за август-октябрь 1887. – 1887. Л. 7.
[337] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 21.

объявлено, что местные власти «отказываются иметь сарыков у своих границ и решили… отправить их … дальше на юг к горам, где контроль за ними будет лучше, а на их места поселить афганцев [т.е. пуштунов]. Этот слух решительно подействовал на сарыков, они начали покидать Кила-Вали и уходить в Пандждех большими группами. Говорят, что из более 300 семей, ранее проживавших здесь, на афганской земле осталось не более 30».[338] После ухода туркмен из долины Маручака эта область опустела. Так этот процесс описывал очевидец событий Ч.Э. Иэт: «Фазаны, несомненно, главные, в действительности практически единственные жители Маручакской долины», но тут же добавлял, – «я не думаю, что эмир намерен оставлять это надолго так…».[339]

Абдуррахман-хан начал переселять в Северный Афганистан представителей пуштунских племен. По оценкам Ч.Э. Иэта, губернатор Герата собрал более 1000 семей гильзайских кочевников для заселения приграничных территорий.[340] В «Сирадж ат-Таварих» есть упоминание о том, что Мохаммад Сарвар-хан выселил из долины Мургаба в гератскую долину племена джамшиди и зай-хаким и на прежнем месте расселил 2,4 тыс.семей из Фараха, Эсфезара, Поштруда и долины Герата.[341]

Ч.Э. Иэт описал свою встречу с одним из таких новых пуштунских поселенцев на севере Афганистана: «Здесь (у границы) я встретил первого из новых афганских поселенцев, только что прибывшего со своим стадом и семьей и казавшегося вполне счастливым. Он рассказал мне, что он гильзай, хотак[342] из уезда Калат-е Гильзай[343], чьи предки переселились на холмы близ Герата около четырех поколений назад. Его языком по-прежнему был пушту, хотя он также изъяснялся по-персидски. Преисполненный надежды он вновь и вновь уверял

[338] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 188.
[339] Там же. С. 170.
[340] Там же. С. 189.
[341] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 288.
[342] Хотак – одно из пуштунских племен, входящих в племенное объединение гильзай.
[343] Вероятно, речь идет о г.Калате, столице современной афганской провинции Урузган.

меня, что прибудут 12 тысяч семей соплеменников, и они никогда не позволят ни одному русскому пересечь границу».[344]

Кроме того, эмир ввел ряд ограничений для традиционно свободного паломничества из Средней Азии в Мекку через территорию Афганистана. Это обстоятельство, а также введение Россией высоких тарифов на английские и индийские товары привели к снижению уровня торговли между жителями обоих берегов р. Амударьи.[345]

Страх перед вторжением русских войск повлиял и на состояние некоторых объектов культурного наследия Афганистана. Спешно укрепляя Герат, англичане приняли решение разрушить знаменитый комплекс медресе (مصلای هرات) времен Тимуридов (1370-1507). Защитники города посчитали, что русские военные смогут установить пушки на крыше комплекса, находившегося за пределами городской стены, но в непосредственной близости к ней, и оттуда вести обстрел Герата. Таким образом, до наших дней от этого архитектурного памятника дошли лишь четыре минарета, находящиеся сегодня в удручающем состоянии.

Помимо прочих последствий русско-афганского столкновения в переписке Александра III обнаруживается послание, полученное императором спустя две недели после туркестанских событий, автором которого стал видный деятель ирландского национально-освободительного движения Иеремия О'Донован. В своем кратком письме И. О'Донован просил встречи с послом России в США. Кроме того, агенты ирландских революционных организаций обратились в русское посольство в Париже, предлагая свою помощь в случае начала войны между Россией и Великобританией. Они просили русские власти оказать им поддержку в восстании в Ирландии в то время, пока Англия занята

[344] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 218.
[345] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C. 208.

афганским вопросом. Резолюция императора гласила: «Когда-нибудь и они пригодятся в войне с Англией. Во всяком случае пренебрегать ими не следует».[346]

Для урегулирования напряженности в русско-британских отношениях после сражения Лондон выступил с инициативой прибегнуть к арбитражному разбирательству. В исследовательской литературе информацию об этом эпизоде обнаружена только у М.Х. Какара, и то лишь в виде краткого упоминания о свершившемся факте.[347] Все сведения об этом эпизоде почерпнуты из переписки Н.К. Гирса с российским послом в Лондоне, а также из российской прессы 1885 г.

Несколько раз вопрос о посреднике в споре между Россией и Англией поднимался в британском парламенте. 27 апреля один из членов Палаты общин (Горлей) спросил, не желает ли правительство предоставить рассмотрение спора с Россией президенту Соединенных Штатов Северной Америки. На что У. Гладстон дал неопределенный ответ: «Мы вполне осознаем нашу тяжелую ответственность и обязанность поддержать честь Англии; но в то же время наш долг – употребить все средства к предотвращению войны».[348] 6 июня на заседании Палаты общин британский премьер сообщил, что «русское и английское правительства пришли к соглашению как относительно пунктов пендинского вопроса, подлежащих суду посредника, так и относительно выбора посредника, но соглашение еще не окончательно оформлено, а также что ни то, ни другое правительство не обращались ни к кому с просьбой о принятии на себя посредничества».[349] 13 июля в парламенте товарищ министра иностранных дел (заместитель министра) Борк заявил, что вопросы британского правительства, которые предлагается передать на решение третейского суда по делу о Пандждехе, еще обсуждаются.[350]

---

[346] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. Л. 16.
[347] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 207.
[348] Правительственный вестник. – 1885. – № 83, 17 (29) апреля. С. 3.
[349] Правительственный вестник. – 1885. – № 112, 26 мая (7) июня. С. 2.
[350] Правительственный вестник. – 1885. – № 142, 2 (14) июля. С. 2.

Россия в качестве посредника предложила короля Дании Кристиана IX (1863-1906). Он был отцом и супруги Александра III императрицы Марии Федоровны, и жены принца Уэльского, будущего короля Англии Эдуарда VII (1901-1910) – Александры. По-видимому, датчанам об этом решении было сообщено уже после обсуждения вопроса между Петербургом и Лондоном. 2 мая Н.К. Гирс докладывал царю: «Со вчерашнего дня получаются здесь частые телеграммы из Лондона о предстоящем мирном исходе наших недоразумений с Англией при посредстве Датского Короля. Телеграммы эти я счел полезным до времени задержать. Между тем слух этот распространился в городе… осмеливаюсь испрашивать Всемилостивейшего указания о том, следует ли мне умалчивать пред Датским Посланником о наших предложениях или же Ваше Величество изволите признать возможным их ему сообщить конфиденциальным образом». На полях записки император оставил резолюцию: «Можно».[351]

В Англии же отдавали предпочтение императору Германии Вильгельму I (1871-1888), «авторитет, возраст и опыт которого, – по утверждению британцев – составляли качества, которые ни один другой суверен не имел бы в той же степени».[352] На докладе об этом российского посла в Лондоне барона Егора Егоровича Стааля (1884-1902) от 9 мая Александр III написал: «Я боюсь, что тут не без влияния Бисмарка, но продолжаю настаивать на Короле Датском – тем более, что мы его предупредили об этом».[353]

Телеграммой от 13 мая Е.Е. Стааль докладывал: «Что касается вопроса об арбитраже, я конфиденциально узнал, что Гранвиль возражает против короля Дании, учитывая преобладающее здесь мнение о предвзятости Копенгагена в этом вопросе… если бы Россия согласилась выбрать другого суверена, Англия не стала бы настаивать на выборе императора Германии и приняла бы любого

[351] АВПРИ. Ф. 1. Канцелярия министра. Оп. 470. Д. 33. Доклады. – 1885. Л. 33.
[352] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 21.
[353] Там же. Л. 21.

другого кандидата».[354] На это царь ответил резолюцией: «Другого я не желаю, и если они не хотят Короля Датского, то никого нам не нужно».[355]

Примечательно, что 6 сентября Александр III с супругой прибыли в Копенгаген, где русский император отпраздновал именины в кругу августейших особ: датской королевской четы, короля Греции Георга I (1863-1913), великой герцогини Макленбург-Шверинской и принцессы Уэльской.[356] Позже в датскую столицу прибыл и сам принц Уэльский, принявший участие в церемонии закладки англиканской церкви. 21 сентября русский царь, датский король и английский наследный принц участвовали в мероприятии по испытанию подводной лодки,[357] а 1 октября в Копенгаген прибыл Н.К. Гирс.[358]

Не удалось выяснить содержание бесед, состоявшихся в сентябре 1885 г. в Копенгагене. Однако впоследствии в прессе не публиковались сообщения по вопросу об арбитраже, а кроме того, сентябрь ознаменовался некоторым снижением напряженности в российско-британских отношениях. Так, 22 сентября из Симлы[359] сообщалось об отмене распоряжения о зачислении в запас выслуживших свой срок солдат[360], а 25 сентября – об отмене приказа, предписывавшего держать первый армейский корпус в готовности к выступлению в поход[361].

Не располагая в полной мере информацией о том, был ли использован третейский суд в урегулировании приграничного спора после битвы у р. Кушк, можно все же предположить, что некоторые договоренности были достигнуты, в том числе и в ходе встреч в датской столице. Любопытно, что в пересказе автора

---

[354] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 25.
[355] Там же. Л. 25.
[356] Правительственный вестник. – 1885. – № 186, (4) сентября. С. 3; Правительственный вестник. – 1885. – № 191, (12) сентября. С. 2.
[357] Правительственный вестник. – 1885. – № 199, 23 сентября. С. 2.
[358] Правительственный вестник. – 1885. – № 206, 2 октября. С. 2.
[359] Симла или Шимла – город на севере Индии, летняя столица британской адмнистрации.
[360] Правительственный вестник. – 1885. – № 199, 23 сентября. С. 2.
[361] Правительственный вестник. – 1885. – № 203, 26 сентября. С. 2.

«Сирадж ат-Таварих» примирение подавалось как уступка со стороны Петербурга: «Россия признала свой неправильный и грубый поступок, и дело от распри перешло к перемирию и установлению границ».[362]

Боестолкновение у Пул-е Хатуна вызвало сильнейшее обострение российско-британских противоречий, получило большой резонанс в регионе и мире, привело к этнополитическому переустройству североафганских областей. Недовольные властью Великобритании силы в Европе и Азии восприняли победу русского отряда как слабость Лондона, которой они решили воспользоваться. Это спровоцировало направление в Петербург обращений с просьбами помочь в борьбе с английским владычеством. Все эти просьбы не были удовлетворены российским правительством, которое, не желая и не имея возможности вести полномасштабную войну с Англией, продемонстрировало таким образом свой миролюбивый настрой.

Противники недавно учрежденной в Средней Азии русской администрации нашли в пандждехском инциденте повод для восстаний против России. Интерпретируя вооруженное столкновение с афганским отрядом как нападение «неверных» на воинов ислама, они намеревались найти союзника в лице кабульского эмира. Кроме того, британцы, чей престиж был серьезно подорван поражением руководимого ими афганского отряда, вызвались усилить свое военное присутствие в Афганистане, в частности, на его северной границе. В этой ситуации миротворцем проявил себя Абдуррахман-хан, отказавшийся помочь среднеазиатским мятежникам и воспротивившийся вводу английских войска на свою территорию.

В контексте предпринятых сторонами шагов по поиску путей выхода из кризиса представляется важным более тщательное изучение вопроса об арбитраже, до сих пор остававшегося без внимания исследователей. Переписка Александра III с российскими послами и Н.К. Гирсом демонстрируют, что

[362] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 221.

некоторые европейские державы проявляли желание поучаствовать в российско-британском урегулировании, вероятно, не без интереса к достижению собственных политических целей.

Важным итогом примиренческих усилий стало подписание 10 сентября 1885 г. в Лондоне «Соглашения о разграничении афганских владений». Документ обрисовывал общее направление будущей границы, став основой дальнейшей работы по определению российско-афганских рубежей.

2.3 Работа русско-английской разграничительной комиссии

В соответствии с упомянутым соглашением, для работы по демаркации в район разграничения должны были направиться российская и английская комиссии. Им предстояло провести картографические исследования местности. При возникновении споров о принадлежности тех или иных пунктов, как отмечалось в документе, «разграничение будет произведено обоими кабинетами на основании карт, изготовленных и подписанных комиссарами».[363] Для этого оба правительства условились назначить комиссии, которые в сопровождении не более 100 чел. конвоя с каждой стороны должны были съехаться в ноябре у перевала Зульфагар на северо-западной оконечности Афганистана и произвести необходимые изыскания на месте. При определении границы, которое предписывалось «окончить как можно скорее», главы комиссий должны были «принимать как следует в соображение условия местностей, а также потребности и благосостояние местных населений».[364]

[363] Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М. 1952. С. 265.
[364] Там же. С. 266.

Русские и английские офицеры встретились у северо-западной границы Афганистана 10 ноября 1885 г. Главой русской комиссии был назначен полковник Павел Павлович Кульберг, его помощником – капитан Дмитрий Данилович Гедеонов. Также в ее состав вошли подполковник князь Георгий Ильич Орбелиани, П.М. Лессар, командующий эскортом капитан Комаров, капитан Денисов, доктор Семмер, топографы капитан Кондратенко, капитан Чапланский, капитан Толмачев, топограф капитан Петров[365], титулярный советник Ильин, титулярный советник Толмачев, титулярный советник Световидов, чиновник от государственного казначейства лейтенант Горох, советник Непринцев, казачий капитан Вареник, казачий капитан Волковников, казачий лейтенант Кьячко, корнет Винников и переводчики М. Мирзаев и М. Мехметов.

Британскую комиссию возглавил полковник Джозеф Уэст Риджуэй. В нее также вошли майор М. Дюранд, майор Бакс, майор Холдич, капитан Пикок, капитан Гор, капитан Грисбах, капитан Де Лассо, капитан Коттон, лейтенант Дрюмонд, г-н Мерк, доктор Оуэн, рисалдар-майор сардар Мохаммад Аслам-хан, кази Мохаммад Аслам-хан, рисалдар-майор Бахауддин-хан, субадар Мохаммад Хосейн-хан, джамадар Азизулла-хан, Юсуф Шариф, Хира Сингх, Имам Шариф, переводчик армянин из Тебриза М. Ананянц, а также капитан Ч.Э. Иэт. Кроме того, в это же время независимо от работы разграничительной комиссии в различных областях Афганистана изыскания проводили капитан Талбот, капитан Мейттленд, Н. Илиас и У. Локхарт.

Англичане настаивали на необходимости включения в смешанную комиссию делегата от Афганистана. Российская сторона считала такой шаг излишним с учетом того, что британское правительство приняло на себя защиту интересов Афганистана. В Петербурге согласились на участие в демаркации уполномоченного от Абдуррахман-хана, однако лишь в качестве эксперта «для

[365] Участник экспедиции русского исследователя Н.В. Ханыкова в Герат 1858 г.

представления объяснений, когда в таковых встретится надобность».[366] Англичане же при обнаружении разногласий с российскими властями по вопросу разграничения, когда им было необходимо «взять паузу» в переговорах, ссылались на необходимость посоветоваться с афганским делегатом.[367] Сам эмир в своих воспоминаниях отмечал, что «пограничная комиссия была образована правительствами Великобритании и Афганистана с одной стороны, и России – с другой»[368], хотя, очевидно, в Петербурге официальный Кабул не считался стороной переговоров, поскольку это государство имело статус протектората Великобритании.

За работой комиссии следили губернатор Герата Мохаммад Сарвар-хан, кази Саадуддин-хан и ряд других афганских чиновников, с которыми российские представители пытались установить прямой контакт для решения некоторых незначительных вопросов. Так, Саадуддин-хану было доставлено письмо от П.П. Кульберга, которое афганец вскрыл и прочитал в присутствии служившего англичанам кази Аслам-хана. Отправка ответного письма Саадуддин-хана главе русской комиссии вызвала недовольство англичан: «Полковника Риджуэя объяла ревность в связи с этой перепиской между русским комиссаром и кази Саадуддин-ханом».[369] Дж.У. Риджуэй передал Саадуддин-хану, что британцы не одобряют прямых сношений между афганцами и русскими. Узнав об этом, Абдуррахман-хан выразил удивление запретом на «дружеское общение между соседями». В письме Саадуддин-хану эмир просил передать Дж.У. Риджуэю, что «Афганистан – искренний друг Британии, но не слуга,… с Россией [афганский народ] воюет и заключает мир, а не дружит», поскольку «афганский народ хорошо знает, что перемирию с русскими нет доверия».[370]

---

[366] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 28.
[367] Там же. С. 45.
[368] Sultan Mahomed Khan M.M. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. London. 1900. С. 241.
[369] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 268.
[370] Там же. С. 273-274.

Комиссии предстояло произвести работы в Афганском Туркестане, который, как писал Ч.Э. Иэт, «до сих пор представляет для нас неизвестную территорию».[371] Британский офицер также отмечал: «Территория, через которую пройдет граница, совершенно неизвестна, и пока не будет завершено исследование, ничего не будет сделано. Изначально мы думали, что все земли между Маручаком, Майманой и Андхоем – это обширная пустыня, но каждый день показывает, как неправы мы были».[372]

Наибольшие противоречия в ходе работы комиссии были вызваны борьбой сторон за водные ресурсы, пастбищные и сельскохозяйственные земли, в которых панджде хские сарыки испытывали недостаток. Такие сложности возникли при разграничении в районе Маручака (на территории современной афганской провинции Бадгис), где ранее проживали туркмены-сарыки, но после того, как Панджде х с местным населением отошел к России, афганские власти решили во что бы то ни стало сохранить эту территорию за собой. После того, как соответствующая договоренность была достигнута, панджде хским сарыкам было позволено снять в Маручаке урожай, засеянный летом 1886 г., однако в дальнейшем проход в эту область для них был закрыт. Такое положение дел вызывало недовольство панджде хцев. Ч.Э. Иэт описал спор между пастухом-сарыком и гератским ханом вблизи вновь установленной границы: «Туркмен происходил из Панджде ха, и хан объяснял ему, что теперь, когда граница определена, он впредь должен держать овец на своей стороне. Пастух энергично возражал, но хан был непреклонен. «Вы перешли на сторону русских, – сказал он – и теперь вы должны быть с ними». «Ничего подобного, – ответил туркмен – мы не переходили на сторону русских, это русские пришли к нам». [373]

Шел торг и за пользование оросительными каналами, многие из которых брали истоки на афганской территории. При этом часть ирригационной

[371] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 60.
[372] Там же. С. 134.
[373]Там же. С. 94, 95.

инфраструктуры все-таки досталась России. Ч.Э. Иэт отмечал: «…российское правительство с малыми тратами на ирригацию без проблем сможет открыть старые каналы и дать сарыкам много культурной земли в долине Мургаба, к северу от Пандждеха».[374]

Самое крупное противоречие возникло в определении участка границы, примыкающего к р. Амударье между территориями Афганистана и Бухарского эмирата и населенного с обеих сторон туркменами племени эрсари. В соглашении 1872-73 гг. самая западная точка афганских владений на этой реке была обозначена русскими как «пункт Ходжа-Салех», а британцами как «пост Ходжа-Салех». Однако совместная комиссия не смогла найти места, соответствовавшего определению «пост», что свидетельствовало о допущенной в 1870-е гг. географической ошибке.

Англичане считали, что, поскольку уезд Ходжа-Салех (или Ходжа-Салар) находится в фактическом владении афганцев с 1850-х гг., то вся его территория должна отойти Афганистану. Российская сторона настаивала на соблюдении буквы договора, согласно которому «пункт» и «пост» не могут относиться к целому уезду. При этом единственным определенным местом под названием Ходжа-Салех была могила святого хаджи[375] Салеха, находившаяся в 20 милях к югу от одноименного афганского уезда. Некогда там располагалось фортификационное сооружение – единственное место, которое можно было бы соотнести с понятием «пост». Поэтому члены российской комиссии пришли к выводу, что Ходжа-Салех это и есть упомянутый зиярат[376], и граница должна быть доведена до него – «утверждение, которое, – писал Ч.Э. Иэт – если его принять, предполагало бы уступку всего этого густонаселенного и регулярно платящего подати уезда, который принадлежал Акче с незапамятных времен». [377]

---

[374] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 337.
[375] Ходжа – в исламе почетный титул, указывающий на происхождение от ранних арабских миссионеров.
[376] Зиярат (араб. زيارت) и мазар (араб. مزار) – могила мусульманского святого.
[377] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 380-381.

По оценкам британца, «согласие с позицией России лишило бы афганцев более 600 кв.миль земли, около 13 тыс.населения, и дохода в около 1300 фунтов стерлингов».[378]

Несмотря на протесты афганцев и англичан, российская сторона настояла на проведении более точных исследований для определения действительной точки, относящейся к зафиксированному в соглашении 1872-1873 гг. пункту Ходжа-Салех. Вопрос не удалось решить на месте, и противоречия были урегулированы представителями правительств двух стран: русские согласились признать весь уезд за афганцами в обмен на передачу России земель туркмен-сарыков, которые оказались отрезанными от Пандждеха по итогам работы разграничительной комиссии. Таким образом, граница примкнула к р. Амударье вблизи уезда Хамиаб современной афганской провинции Джаузджан.

На месте комиссии удалось довести границу до пункта Дакчи. Совместными усилиями были составлены карты местности проведенных исследований. 26 августа 1886 г. стороны договорились о выводе смешанной комиссии. Миссия британцев завершилась встречей с эмиром Абдуррахман-ханом 20 октября 1886 г. в Кабуле.

В Лондоне Дж.У. Риджуэй столкнулся с нежеланием нового премьер-министра лорда Солсбери[379] (1885) содействовать дальнейшему урегулированию. Глава английской комиссии писал: «Я был положительно шокирован, когда, вернувшись в Англию из Санкт-Петербурга, обнаружил, что лорд Солсбери и его кабинет так безответственно относятся к этому вопросу… Они согласились продолжать переговоры, только когда я уверил их в том, что у императора было намерение прийти к урегулированию. Лорд Солсбери сказал:

[378] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 381.
[379] Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери – английский политик, представитель консервативной партии, премьер-министр (1885, 1886—1892, 1895—1902) и министр иностранных дел (1878, 1885—86, 1886—92, 1895—1900) Великобритании.

«Демаркация не стоит бумаги, на которой она произведена. Но раз уж вы начали дело, его следует довести до конца».[380]

Переговоры были возобновлены в марте 1887 г. Окончательную точку в установлении северо-западной границы Афганистана поставил Санкт-Петербургский протокол относительно разграничения афганских владений на левом берегу Амударьи от 22 июля 1887 г., в котором были даны подробные координаты всех пунктов границы, оговорены вопросы, связанные с водопользованием. Англию в ходе переговоров представлял полковник Дж.У. Риджуэй и его помощники – капитан Барроу и капитан Де Лассо. Российскую делегацию возглавил Директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев, которому помогали П.П. Кульберг и П.М. Лессар. Согласно положениям документа, российское правительство вступало «во владение присуждаемою ему, на основании настоящего протокола, территорией с 1 октября текущего года».[381]

После подписания Петербургского протокола для окончательного размежевания и установки пограничных столбов к афганской границе были направлены русская и английская комиссии, в состав которых вошли капитан Комаров, топограф Ильин, переводчик Мирзаев, Ч.Э. Иэт, произведенный в подполковники, и майор Пикок. Британцы проследовали к месту работ через Батуми и Закаспийскую область.[382] К 18 января 1888 г. разграничение было завершено, а 27 января – подписаны последние протоколы. Летом этого же года в военно-топографическом отделе главного штаба была изготовлена карта

---

[380] Джандосова З.А. Запад наступает с юга и севера / З.А. Джандосова. – Текст: непосредственный // Родина. – 1999. – № 2. С. 13.

[381] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами: в 15 т. Т. 12 : Трактаты с Англией, 1832-1895. СПб. 1898. С. 467.

[382] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 887. По поводу отправления смешанной русско-английской комиссии для выполнения на месте постановлений подписанного в Санкт-Петербурге 10/22 июле 1887 г. русским и английским уполномоченными Протокола относительно северо-западной границы Афганистана, и о назначении делегатами: со стороны России – генерального штаба капитана Комарова; и со стороны Великобритании – подполковника Иэта. – 1887. Л. 6.

северо-западной границы Афганистана, основанная на последних данных, полученных по итогам определения российско-афганского рубежа.[383]

Участники смешанной комиссии проделали масштабную работу по изучению топографии Афганистана, значительная часть которой проходила в местности с тяжелым климатом. «Русским топографам, – отмечал Ч.Э. Иэт – пришлось бороться с многими трудностями в ходе исследований этой границы. Один офицер, я слышал, потерял несколько казачьих коней из-за жажды и вдобавок имел высокую вероятность умереть сам со своими казаками из-за нехватки воды».[384] П.М. Лессар перенес лихорадку. Вместе с тем, несмотря на политические противоречия, русские и британцы нередко вместе проводили досуг. В частности, вместе отметили новый год и Рождество 1886 г., а также день рождения королевы Виктории (1837-1901).

Несмотря на окончательное признание северо-западного российско-афганского рубежа, впоследствии незначительные приграничные недоразумения в этом районе все же возникали. Так, в марте 1890 г. в уезде Хамиаб афганцы начали осуществлять перевозку грузов на другой берег р. Амударьи недалеко от переправы Ак-Кум, которая прежде контролировалась бухарцами. В связи с этим керкинский бек стал требовать от афганцев прекратить транспортировку. Секретарь и переводчик при российском политическом агенте в Бухаре Василий Оскарович фон Клемм[385] «посоветовал Бухарскому Правительству тщательно воздержаться от всякого неприязненного действия».[386] Об этом инциденте отдельно было доложено царю министром иностранных дел Н.К. Гирсом, который в своем донесении выражал согласие «с мнением коллежского ассессора

---

[383] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 888. 1888 г. Об изготовлении в военно-топографическом отделе главного штаба карты северо-западной границы Афганистана, проведенной на основании Лондонского протокола 4 августа 1883 г. и Петербургского протокола 10 июля 18887 г. – 1888. Л. 2.

[384] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. С. 265.

[385] В.О. Клемм стал первым российским консулом в Бомбее (1900-1906), занимал должности генконсула в Мешхеде (1906-1908) и чиновника по особым поручениям при министре иностранных дел (1908-1914), возглавлял 3-й (Среднеазиатский) отдел МИД (1914-1917).

[386] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 554. По поводу возникшего между бухарскими и афганскими властями спора о переправе Ак-Кум на Амударье. – 1890. Л. 2

Клемма, что единственный справедливый, практический и при том согласный с международным правом способ разрешения этого спора заключается в признании за каждою из спорящих сторон равных прав на ак-кумскую переправу».[387] Этот малозначительный приграничный спор был решен резолюцией императора – «Хорошо» – на упомянутом донесении Н.К. Гирса.

Более серьезный спор возник у р. Кушк в 1892 г. и был связан с проблемой водопользования: афганцы построили несколько каналов, по которым отводилась вода из реки, в результате чего от нехватки воды начали страдать недавно появившиеся здесь русские поселенцы. Для решения этого вопроса в 1893 г. (впервые после 1887 г.) к берегам Кушка вновь съехались русская и английская комиссии. В состав российской части вошли чиновник МИД при начальнике Закаспийской области коллежский советник Игнатьев и подполковник генерального штаба Артамонов. От англичан в комиссии приняли участие Ч.Э. Иэт, служивший в то время управляющим великобританским генеральным консульством в Хорасане (в отсутствии Н. Илиаса), и лейтенант индо-британской армии Нэпир. Афганистан представлял губернатор провинции Бадгис Мохаммад Паинда-хан. Работа комиссии продолжалась с 14 мая по 25 августа. В результате было определено, что все оросительные каналы на афганском берегу реки проведены в нарушение Петербургского протокола 1887 г. и были закрыты в присутствии всех делегатов. Проживавших в этом районе афганцев было решено переселить, однако от имени кабульского эмира им было обещано вознаграждение за понесенные убытки.[388]

В октябре П.М. Власов докладывал в Тегеран: «В течение всего времени пребывания на р. Кушк русской и английской комиссий, жители всего Афганистана вообще, а Гератского округа в особенности, находились в большой

[387] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 554. По поводу возникшего между бухарскими и афганскими властями спора о переправе Ак-Кум на Амударье. – 1890. Л. 4

[388] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3108. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1894. Л. 69, 70.

тревоге; повсюду, даже в таких отдаленных от русско-афганской границы городах, как Кабул, Газни и Кандагар, господствовало среди населения убеждение, что переговоры между русским и английским комиссарами окончатся ссорой, и боязнь за наступление русских на Герат и Афганский Туркестан; тревога была настолько сильной, что все кочевые племена Гератского округа поспешили покинуть обычные места летних кочевок, располагаясь возможно далее от Герата, где держались все время лета; лишь после выезда английского комиссара полковника Иэта из пределов Афганистана жители начали понемногу успокаиваться и возвращаться к своим обычным местам и работам».[389] В Кабуле собирался отряд под командованием наследника престола Хабибулла-хана (1901-1919) для подкрепления гератскому гарнизону, отправка которого, однако, так и не состоялась. В самом Герате возобновился приостановленный ранее набор военнослужащих. Ходили слухи, что все эти меры предпринимаются потому, что «английский комиссар чрез свое правительство сообщил эмиру, что, вследствие насилий гератских властей, народ начинает склоняться в сторону России и последняя без труда и кровопролития, когда пожелает, может занять Гератский округ».[390]

По словам современника этих событий Ф.М. Катиба, перекрытие оросительных каналов стало лишь частью «враждебных» действий русских властей на границе с Бадгисом. Первоначально некий российский полковник начал вести работу по привлечению хазарейцев г. Кала-е Нау к принятию русского подданства. Для этих целей использовались местные афганские и туркменские агенты. Однако власти Афганистана, согласно «Сирадж ат-Таварих», предприняли эффективные меры для препятствования выезду хазарейцев за пределы Афганистана, а также работе российских разведчиков-

[389] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3066. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1893. Л. 292.
[390] Там же. Л. 293.

афганцев. Таким образом, в подаче Ф.М. Катиба, инициирование спора о водопользовании стало эмоциональной реакцией российских военных на неудачи в переманивании на свою сторону жителей Кала-е Нау.[391]

В том же году, по данным афганского историка, некий русский полковник в сопровождении 400 всадников перешел границу и вступил на территорию Кала-и Нау, где стал распространять среди местных жителей «добрую весть о милости российского государства».[392] Офицер призывал их не бояться афганских властей, обещал, что после принятия русского подданства, они будут на 3 года освобождены от налогов. Этот поход вызвал мятежи на афганской границе, которые, после возвращения русских в Пандждех, прибыл усмирять правитель Герата Саадуддин-хан. Он привел местных жителей к повиновению, арестовал мятежников, укрепил пограничные пункты.[393] В российских источниках не обнаружено упоминаний об этом инциденте. Вероятно, эти действия российских военных не были ни инициированы, ни даже согласованы с Петербургом.

Неоднократно после завершения демаркационных работ на северо-западном участке российско-афганской границы между афганскими и российскими служащими возникали незначительные разногласия, о которых также упоминает автор «Сирадж ат-Таварих». Выезды российских офицеров вдоль пограничной черты воспринимались афганцами с опаской, и последние часто требовали объяснения причин пребывания русских отрядов вблизи Афганистана. Одно из таких событий – приезд русского полковника (имя в источнике не приводится) к берегам р. Амударьи – было описано Абдуррахман-ханом в письме вице-королю Индии лорду Лансдауну. Британец продемонстрировал перевод послания эмира цесаревичу Николаю Александровичу во время его посещения Индии на рубеже 1890-91 гг., и

[391] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 939-940.
[392] Там же. С. 957.
[393] Там же. С. 975.

будущий император Николай II, согласно афганскому хронисту, дал обещание, что русские власти в дальнейшем подобных действий не допустят.[394]

Определение северо-западной российско-афганской границы стало результатом тяжелой работы российских и британских дипломатов, военных, специалистов-топографов. Смешанная комиссия значительно расширила знания о Северном Афганистане, который, как показано выше, к середине 1880-х гг. оставался во многом неизвестен европейцам.

По итогам разграничения России удалось добиться включения в свой состав всех земель туркмен-сарыков, обеспечив их достаточными водными ресурсами. Установленная к 1888 г. северо-западная граница Афганистана без изменений дошла до наших дней и составляет государственную туркмено-афганскую пограничную черту.

Британцы считали, что «успех переговоров можно расценивать как доказательство того, что император и его наиболее доверенные советники желают улучшения отношений между двумя странами».[395] Таким образом, определение этого рубежа предупредило возникновение в дальнейшем противоречий с Англией из-за недоразумений с афганскими властями в этой части афганской границы. Описанные в «Сирадж ат-Таварих» рейды представителей российского военного ведомства за недавно установленную границу с Афганистаном, если они действительно имели место, подтверждают, что часть российских военных не оставила планов по осуществлению более широкой территориальной экспансии России в Средней Азии. Однако тот факт, что подобные инициативы не получили развития, говорит о желании русского правительства сохранить в силе достигнутые договоренности с Англией по разграничению на северо-западе Афганистана.

---

[394] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 679.
[395] Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London. 1888. C. 383.

2.4 Российско-афганское разграничение на Памире

После урегулирования Пандждехского кризиса и вопроса о северо-западной российско-афганской границе, как отмечал Е.Ю. Сергеев, фокус Большой игры сместился на Памир.[396] В начале 1890-х гг. внимание российских властей обратилось к разграничению памирских земель, в том числе установлению здесь границы с Афганистаном. Этот рубеж был окончательно определен после подписания в Лондоне договора между Россией и Великобританией «О разграничении сфер влияния в области Памиров» 27 марта 1895 г. 11 сентября 1895 г. члены смешанной англо-русской комиссии подписали карту разграничения, а в 1896 г. протокол разграничительной комиссии был утвержден Николаем II. Вместе с тем наиболее важные события в борьбе за Памир происходили в годы правления Александра III.

Еще в ходе упомянутых российско-британских переговоров 1872-73 гг. между сторонами возник спор о государственной принадлежности Бадахшана и Вахана. Англия признавала эти области за Кабулом (Бадахшан с Ваханом от озера Сары-Куля до слияния р. Кокчи с р. Амударьей).[397] Такой взгляд противоречил результатам исследований, проведенных К.П. Кауфманом. В частности, туркестанский генерал-губернатор сообщал в Петербург: «К северо-востоку данные, которые мы собрали, представляют место слияния этой реки [Амударьи] с Коктча в качестве предела районов, для которых Шер Али Хан является действительным и бесспорным сюзереном. За этими пределами, и особенно в отношении Бадахшана и Вахана, было невозможно найти каких-либо следов подобной власти; напротив, вся наша информация по этому поводу

[396] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. 2012. С. 185.
[397] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 6.

доказывает, что эти районы следует рассматривать как независимые… Что касается Вахана, то эта страна представляется вплоть до настоящего времени находящейся даже более в стороне от сферы прямых действий правителей Афганистана».[398] Как отмечает А.В. Постников, и в Петербурге, и в Лондоне осознавали, что зависимость Бадахшана и Вахана от Афганистана носила временный и достаточно эфемерный характер. Однако британцы в ходе переговоров имели преимущество, так как обладали большими знаниями о Памире и окружающих странах.[399] В конце концов Россия согласилась признать английскую линию демаркации условной границы, по которой Бадахшан и Вахан считались афганской территорией. Таким образом было проявлено «желание наше не преувеличивать значения этого частного вопроса и, в то же время доказать Англии нашу предупредительность».[400]

В 1874 г. власть афганского эмира признал мир Рошана Шах Юсуф Али-шах. В течение первых трех лет правления Абдуррахман-хана миру удавалось сохранять свободу действий в своих владениях, при условии регулярной выплаты податей Кабулу. В 1883 г. после посещения Шугнана Д.В. Путятой отношения правителя Рошана с Абдуррахман-ханом ухудшились. В этом же году афганцы заняли Рошан, Шугнан и Вахан. Свои действия они мотивировали тем, что эти территории являются частью Бадахшана, который, в свою очередь, принадлежит Афганистану.[401] Бывший правитель Шах Юсуф Али-шах был назначен заместителем афганского губернатора Бадахшана.

К началу 1890-х гг. ситуация на Памире была чрезвычайно сложной. Здесь столкнулись интересы сразу нескольких государств: России, Великобритании, Афганистана и Китая. При этом определяющим фактором в памирских делах было российско-британское противостояние в регионе и стремление Англии

---

[398] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 118, 119.
[399] Там же. С. 122.
[400] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. СПб. 1886. С. 6.
[401] Kakar M.Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 115.

устранить любую возможность продвижения России к Индии. Петербург, в свою очередь, боролся за владение памирскими территориями, пытаясь одновременно с этим избежать конфликта с Великобританией. Таким образом, говорить о российско-афганском разграничении на Памире можно лишь как о составной части крупной геополитической игры за контроль над стратегически важными проходами этой горной области.

Российские притязания на памирские земли основывались на исторических правах Кокандского ханства, вошедшего в состав российских владений в 1876 г. На этом основывал доказательства прав Петербурга на памирские территории Б.Л. Громбчевский: «Местное киргизское кочевое население хорошо помнит это обстоятельство и никогда не отрицает, что оно принадлежало Кокандскому ханству».[402] Определяющим фактором в отношении «памирского вопроса» был твердый курс российского правительства на сохранение в силе договоренностей 1872-73 гг. для соблюдения которых афганцам было необходимо вывести свои войска с территорий по правому берегу Амударьи.[403]

В целях вытеснения России с Памира англичане разработали проект, согласно которому при разграничении этой области границы Афганистана и Китая должны были соединиться, создав таким образом буфер между территориями Российской и Британской империй. Идеологом этого плана был Ч.М. Макгрегор, подчеркивавший в своем секретном отчете: «Очень важно провести северо-восточную границу Афганистана так, чтобы отрезать Россию от любого прямого контакта с районами Кашмира».[404] До самого окончания переговоров по англо-русско-афганскому разграничению британские власти

[402] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 50.
[403] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 261
[404] MacGregor C.M. The Defense of India: a Strategic Study. Simla. 1884. C. 122.

настаивали на том, чтобы линия границы с Афганистаном проходила до китайской границы.[405]

Восстание Исхак-хана 1888 г. и последовавшие за ним мятежи против афганской власти в Рошане и Шугнане, о чем будет сказано ниже, привели к усилению активности Великобритании на Памире. Б.Л. Громбчевский в 1890 г. так описывал обеспокоенность британцев: «Вообще прошлогодняя афганская смута видимо напугала англичан, а возможность потерять в один день Бадахшан – воочию доказала непрочность афганского оплота и вынудила выбрать другую границу – по Гиндукушу и Гималаю. Англичане приступили к этому по обыкновению энергично: они поручили афганцам завоевать Кафиристан, объявить войну Чатрару [Читрал]».[406] Тревога англичан усилилась еще больше после того, как в 1891 г. к туркестанскому генерал-губернатору обратился правитель Хунзы[407] Мохаммад-Сафдер-Али-хан с просьбой принять его земли в российское подданство, а М.Е. Ионов в ходе одной из экспедиций появился со своим отрядом в Гилгите.

В рамках претворения в жизнь упомянутой стратегии Англии на Памире действовал Ф. Янгхасбенд, возглавивший в 1891 г. миссию в эту область. В состав его экспедиции вошли также офицеры Девисон и Макартни. Российский генеральный консул Н.Ф. Петровский выявил признаки практической реализации Ф. Янгхасбендом плана Ч.М. Макгрегора. В частности, дипломат «с большим трудом, секретно» выведал содержание двух писем от афганцев к китайским властям. Из этих посланий, а также из письма Ф. Янгхасбенда Девисону, дипломат сделал вывод о том, что «Юнг-Хесбанд ждет на Памире (или

[405] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 286.
[406] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1292. По поводу отправления императорским географическим обществом штаба капитана Громбчевского для исследования горных долин Гиндукуша и в особенности в Кафиристан. – 1889. Л. 20.
[407] Хунза или Канджут – область на юго-западе Памира, в наши дни – территория на северо-востоке Пакистана.

ждал) афганский отряд, чтобы занять пункты для будущего разграничения. (По программе Макгрегора)».[408]

Побуждая китайцев и афганцев активизировать экспансию на Памире, британцы стремились выдавить Россию из этого региона. Доказательством этому стала увиденная Б.Л. Громбчевским в 1890 г. у Ф. Янгхасбенда карта, на которой была отмечена афгано-китайская граница по хребту вдоль р. Аксу.[409] Кроме того, в отчете о своей экспедиции российский исследователь писал: «При некотором умении ладить с китайцами, мне не трудно было узнать, что цель переговоров состояла в разделении Памиров между Афганистаном и Китаем».[410]

Русскому генконсулу в Кашгаре удавалось перехватывать письма как самого Ф. Янгхасбенда, так и его агентов. В одном из таких посланий глава британской миссии писал своему помощнику: «Мой дорогой Девисон, Как Ваше разграничение? Мое очень хорошо благодаря Вам и идет наилучшим образом – присоединение Памиров дюжиной в обычном для русских высокомерном стиле. По все й видимости, русских здесь только 15 человек, но они поднимают такой шум, как будто их здесь в 12 раз больше… Будьте осторожны, не связывайтесь с афганцами. Если китайцы попросят Вас что-нибудь сделать, скажите, что Вы не можете, не спросив меня. Не торопитесь уходить и давайте мне чаще сведения о себе».[411] Н.Ф. Петровский так характеризовал полученную информацию: «Из этого письма совершенно ясно, что лейтенант Девисен играл

---

[408] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 18.

[409] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 57.

[410] Там же. С. 50.

[411] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 14. «My dear Davison, How's your bounder? Mine's very well thank you and going it very strong – annexing Pamirs by the dozen in the usual lordly style of the Russ. – apparently there are only 15 Russians here but they make noise enough for a dozen times their numbers… Be careful not to let yourself in within the Afghans: if the Chinese ask you to do anything say you can not without referring to me. Don't be in a hurry to come away and keep me well posted with information…».

роль шпиона младшего, подчиненного шпиону старшему – капитану Yanghusband'y».[412]

Н.Ф. Петровский предпринимал активные действия, препятствуя работе британских офицеров. Успехи в этом деле он подробно описывал в своих докладах: «Недавно беседуя здесь с помощником даотая[413], интригуя против Хесбенда, я советовал ему не доверять англичанам и давать им никакого повода распоряжаться здесь афганцами и даже беседовать об афганских и вообще пограничных делах. На это собеседник мой заметил, что появляться афганцам на Памире они, китайцы, никогда не позволят и разговаривать об этом с англичанами не станут, ибо, де, в случае войны с Англией китайцы… могут вторгнуться в Индию через Памиры».[414]

Самому Ф. Янгхасбенду и его миссии Н.Ф. Петровский давал не самые высокие оценки: «…несколько надменный карьерист, которому удалось проехать только, не более, из Манчжурии в Индию … и прокричать о себе. Результатов поездки не было, ибо ни наблюдений, ни съемок не делалось. Успех его опьянил, и он, перебравшись на штатскую службу, захотел отличиться в области дипломатии, но терпел здесь большие и неприятные поражения ... Человек он совершенно без сведений. Эти гг. англичане просто поражают слабостью своих познаний; просто невероятно: не знали, что ртуть в барометре кипятится, что логарифм не есть только те цифры, которые указаны для астрономических вычислений в руководстве Гальтона[415] и пр., пр. Про себя Хесбенд выражается примерно так: же суи артикло де сосайиту джеограф ик[416]. Другой переводчик Макартней – юноша, рожденный от китайки, совсем не опытный, но хитропожий и проныра… Секретная миссия (Yanghusband'a) потерпела поражение почти во

[412] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 16.
[413] Даотай – в XIX в. в Китае наместник провинции.
[414] РГВИА. Ф. 445. Афганиситан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 5.
[415] Фрэнсис Гальтон (1822-1911) – английский ученый.
[416] Фр. «я член Географического общества».

всех своих делах, и уехала обратно. Интриговал я против нее отчаянно и до того напугал даотая, что он сказался больным и отказался принимать Yanghusband'a, который уехал, не простившись с даотаем».[417] Любопытно, что свое преимущество перед британцами Н.Ф. Петровский объяснял, в том числе навыками, приобретенными за годы службы на Востоке: «Великое дело пожить с китайцами и обучиться мастерству их вранья и их подлости. Я замечал это на себе: когда Yanghusband врал, он краснел и чувствовал себя в замешательстве; у нас же, т.е. у меня и у секретаря, все это шло артистически спокойно и уверенно».[418]

Б.Л. Громбчевский, встречавшийся с Ф. Янгхасбендом во время своей экспедиции на Памир 1889-1890 гг., иначе отзывался о британце: «…офицер гвардейского драгунского полка, человек воспитанный и интеллигентный, произвел вполне приятное впечатление».[419] Как доказал А.В. Постников, в ходе контактов с Ф. Янгхасбендом Б.Л. Громбачевский сыграл также и отрицательную роль для российских интересов на Памире. Будучи с самого начала не осведомлен о планах Великобритании по разграничению Памира, целью которого было создание барьера для возможного российского продвижения к Индии, в разговорах с Ф. Янгхасбендом российский офицер делился с британцем информацией, использованной затем англичанами в качестве главной основы проектирования раздела Памира между Китаем и Афганистаном в ущерб России.[420] В частности, он передал Ф. Янгхасбенду новейшую карту верховьев Амударьи с собственноручными полевыми пометками и исправлениями. Стремясь не допустить на Памир афганцев, а значит, и англичан, Б.Л. Громбчевский убеждал китайцев в том, что земли по

[417] РГВИА. Ф. 445. Афганиситан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 6, 7.
[418] Там же. Л. 8.
[419] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 35.
[420] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 173.

правую сторону р. Пянджа – неотъемлемая часть Китая, не осознавая, что таким образом действует на руку британцам.[421]

В ходе очередной экспедиции на Памир в 1891 г. Ф. Янгхасбенд и его помощник лейтенант Девисон были задержаны русским отрядом под командованием полковника М.Е. Ионова за «недозволенную российскими властями деятельность на русской территории». В результате британская миссия была вынуждена покинуть Памир. Такие действия русских властей вызвали возмущение в Лондоне, так как формально британцы проводили топографические работы на территории, считавшейся в это время нейтральной. События 1891 г. чуть было не привели к разрыву всех прежних российско-британских соглашений по приграничным вопросам.

Третий секретарь посольства Великобритании в России С.Н.Е. Элиот, посетивший летом 1891 г. Центральную Азию, отмечал, что арест Девисона, как он лично слышал от барона А.Б. Вревского, был инициирован П.С. Ванновским. При этом, по словам дипломата, «Громбчевский хвалился, что это он устроил все это дело весной. На что губернатор Ферганы сказал ему, что он слишком много на себя берет: за все отвечает генерал-губернатор…».[422] В ходе разговора с С.Н.Е. Элиотом относительно ареста Девисона А.Б. Вревский подчеркивал: «Единственное, чего я не потерплю, это того, чтобы политические авантюристы вояжировали по территории, которую мы назовем, для начала дискуссии, сомнительной. Я рассматриваю эту территорию как российскую, поэтому я арестую этого джентльмена. Если Вы рассматриваете ее в качестве британской, Вам следует поддержать эту точку зрения официально, а не путем интриг молодых офицеров. Это дело является таким, которым могут заниматься лишь два Правительства, а не я и капитан Громбчевский».[423]

---

[421] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 174.
[422] Там же. С. 237.
[423] Там же.

В докладе от 22 сентября 1891 г. Н.Ф. Петровский описывает окончательный провал британской экспедиции: «Молодецкое путешествие нашего отряда по Памиру, мастерское арестование Девисена, отправка за границу Памира Yanghusband'а и отобрание у него документа (собственноручного), что он не перейдет отныне этой границы, упоминание в этом документе 20 перевалов, очерчивающих эту границу, – все это выше всякой похвалы. Китайцы ошеломлены нашей расправой с англичанами и, конечно, ради престижа у населения, постараются показать, что и они могут поступать с англичанами так же. Вчера они доставили в консульство Девисена, как лицо, прибывшее из русских владений без билета (обычный порядок), а затем немедленно и даже грубо… приказали выехать из Кашгарии. Господин лейтенант смущен до нельзя. Всему этому делу, с Хесбендом и Девисеном, я постарался дать самую широкую гласность… Могу сказать, что секретная миссия англичан, стоившая 80 тыс. рупий, если не больше, кончилась самым позорным образом. Позволяю себе повторить, что было: Yanghusband старался у китайцев, между прочим, об увеличении сбыта здесь англо-индийского чая, об поднятии престижа, об определении границы Памира. Старания эти имели своим последствием:

а) окончательное запрещение привоза чая (мои интриги);

б) доставление в консульство, вопреки протеста Yanghusband'а, одного афганца, имевшего русский паспорт, не желавшего подчиняться моему требованию, – доставление, произведшее на всех здешних и яркендских афганцев самое невыгодное для англичан вообще и Yanghusband'а в частности впечатление и в) окончательный разгром миссии на Памире, похоронивший, на долгое время, у населения и китайцев тот престиж, о поднятии которого миссия всемерно старалась».[424]

[424] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 12.

Возмущение Лондона отражено, в частности, в письме английского посла в Петербурге Роберта Мориера (1884-1893) Н.К. Гирсу, в котором арест Девисона назывался «чудачеством полковника Ионова».[425] В этой переписке кроме просьбы к русскому правительству отменить депортацию Янгхасбенда и арест Девисона британский дипломат обвинял Россию в нарушении границ Афганистана и Читрала.[426] В послании отмечалось, что в ходе похода М.Е. Ионов прошел в Вахан, где «он встретился с сотней ваханцев во главе с афганским чиновником, эта группа людей спасалась бегством от этой так называемой научной экспедиции полковника Ионова, чтобы укрыться в крепости Сархад. Экспедиция провела ночь у стен форта и ушла на следующие утро после того, как оставила оскорбительное послание гарнизону».[427] Обо всех инцидентах, включая этот, Абдуррахман-хан письменно извещал английскую администрацию Индии, поскольку, как отмечал посол, «мы не допускаем, чтобы внешние отношения с Афганистаном решались каким-либо другим способом кроме нашего посредничества».[428] В завершении письма Р. Мориера особенно отчетливо выражена обеспокоенность английских властей по поводу памирского инцидента: «… я теряю надежду на то, что мы придем к положительному решению, к сожалению перед нами перспективы различного рода опасностей. Бог желает, чтобы мы их избежали».[429]

Еще одним важным событием, продемонстрировавшим твердость русских властей, стало боестолкновение между российским отрядом М.Е. Ионова и афганскими пограничниками под руководством капитана Гуляма Хайдар-хана 24 июня 1892 г. у Яшикуля в районе пункта Сомataш. А.В. Постников отмечает различие в описании этой стычки ее участниками. Так, в разговорах с английским

[425] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 121/127. Переписка Гирса с английским послом в Петербурге и послом в Лондоне по поводу пограничного инцидента на Памире. – 1892. Л. 3.
[426] Там же. Л. 3.
[427] Там же. Л. 7-8.
[428] Там же. Л. 8.
[429] Там же. Л. 11.

путешественником лордом Данмором поручик Бржезицкий, А.Б. Вревский и М.Е. Ионов заявляли, что русский отряд состоял из 19 казаков. При этом один из местных киргизов сообщал, что отряд М.Е. Ионова, состоявший якобы из 300 человек, окружил 15 афганцев, чей командир, храбро сражаясь, перед гибелью порубил пятерых русских. Англичане, побывавшие позже на месте сражения, посчитали следы русских палаток и костров и пришли к выводу, что в распоряжении русского отряда было около 300-350 чел. и 6 орудий. Однако такие вычисления, как подчеркивает А.В. Постников, не могли что-либо доказать, поскольку через день после битвы на это место прибыл отряд М.Е. Ионова, который находился там несколько дней. [430]

К этим рассказам можно добавить повествование Ф.М. Катиба об упомянутом боестолкновении: «Капитан Гулям Хайдар-хан, находившийся в Сомане[431] и исполнявший там обязанности командующего пограничным пунктом, вступил в бой с русскими храбрецами, которые отважились туда прибыть, убил 12 русских и ранил еще четверых, также были убиты 7 подчиненных Гуляма Хайдар-хана и два киргиза, двое получили ранения, [после чего] каждая из сторон вернулась к своим позициям».[432]

Из переписки Абдуррахман-хана с китайскими пограничниками мы узнаем, что 12 сентября 1892 г. (20 сафара 1310 г. лунной хиджры) к китайцам прибыла афганская делегация, «чтобы узнать истину о гибели 10 солдат от рук русских в Сомане и выяснить, почему русские не решают свои конфликты с чужеземцами путем переговоров, а доводят дело до боестолкновения».[433] Китайцы интересовались мнением Абдуррахман-хана о принадлежности пункта Соматаш и о том, желает ли афганский правитель воевать с русскими. Эмир подчеркивал близость Афганистана и Китая как государств, пострадавших от

[430] Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М. 2001. С. 281.
[431] Пункт Соматаш в афганском источнике приводится под названиями Соман (سمن) и Сома (سمه).
[432] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 1066.
[433] Там же. С. 1067.

«беззакония и дерзости русских», и в своем ответном послании направил карту с указанием пунктов, которые кабульский правитель считал принадлежащими Афганистану: «…изначально афганский народ считал принадлежащими своей территории перевал Зихдашт [زیح دشت], перевал Барогиль [بروغیل], перевал Варкут [ورکوت], гору Гармуш [غارموش], перевал Били Хамах [بلی همخ], перевал Аршад [ارشاد], перевал Ваки Кут [وقی کوت], Авикуль [اوی کول], Анкуль [آن کول], Дахан-е Ашла [دهن اشلع], Дашт-е Мургаби [دشت مرغابی], перевал Тахта-е Карам [تخته قرم], перевал Кудара [قودره], горная цепь Сепач [سپاچ], Язгулан [یزغلان], в состав которых входит и Соман. Теперь, когда мы провели изучение и для добра и благополучия афганского государства в соответствии с картой, которую мы подписали и направляем с этим письмом, чтобы служащие государства великих хаканов [Китая], которое является соседом Афганистана, на карте убедились, и с учетом того, что карта заверена старейшинами Памира и Бадахшана, было признано справедливым и правильным, что перевал Зих [زیح], крепость Юнат [یونت], крепость Зарият [ذریت], Юльхана [یولخانه], перевал Маст [ماست], перевал Кукбайи [کوکبایی], Доаб [دوآب], бассейн перевала Тамбурак [تنبورک] и горной цепи Агальджур-е Дальчар [اغلجور دالچار], деревня Бартанг [بارتنگ], также прошедшие по горе Сепач [سپاچ] и Язгуляму [یزغلان], принадлежат Афганистану и должны быть очерчены границей. На основании произведённого отбора Соман расположен на восточной стороне [принадлежащей афганцам территории]».[434]

О своем отношении к войне эмир писал: «…войны не желаем и без причины вражды не допускаем; и если несколько русских пограничников напали на афганских пограничников, и если они извлекли руку притеснения из рукава агрессии, хотя и совершили очень недостойное дело, такие вопросы решаются диалогом, а необходимости в войне нет».[435]

[434] Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран. 2014. С. 1068.
[435] Там же.

А.Е. Снесарев писал еще об одном последствии стычки у Соматаша. Ссылаясь на оценки англичан, он подчеркивал, что упомянутое событие привело к сближению между Афганистаном и Великобританией, что позволило последней навязать эмиру договор о «Линии Дюранда».[436]

М.Х. Какар сообщает о том, что в 1893 г. в Шугнане произошло другое «нападение» на афганских пограничников, на этот раз со стороны отряда под командованием полковника Яновского, которое, по словам автора, было успешно отражено отрядом кабульского эмира.[437]

Письма и отчеты российских офицеров обнаруживают расхождения в их отношении к разграничению памирских территорий. Так, в своей записке 1891 г. Б.Л. Громбчевский, к этому времени уже хорошо понявший план Великобритании, подчеркивал необходимость воспрепятствовать замыслам англичан по разделению Памира между афганцами и китайцами: «Если им удастся добиться разделения Памиров, при том в таком виде, как мне случайно пришлось видеть на карте Yanghusband'a, … то в руках афганцев, или вернее – англичан, – окажутся не только все дороги через Памиры, но и сами они очутятся всего в одном переходе от оз. Большого-Кара-Куля, и от долины большого Алая… Такое близкое соседство с Ферганской областью, так недавно еще присоединенной и содержащей столь много горючго материала, – вряд ли удобно».[438] Для противодействия Великобритании в этом вопросе, Б.Л. Громбчевский полагал, что «лучшим средством было бы приступить к немедленному дальнейшему разграничению с Китаем, а если обстоятельства будут благоприятны, то и с Афганистаном».[439]

Н.Ф. Петровский был привержен идее о необходимости более широкого распространения российского влияния в регионе. Российский генконсул в

---

[436] Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб. 1906 г. С. 13.
[437] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 116.
[438] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 57.
[439] Там же. С. 58.

Кашгаре подверг критике высказанные в упомянутой записке Б.Л. Громбчевского мысли, подчеркивая, что памирское разграничение может быть начато лишь после того, как афганцы освободят занятые ими территории Вахана и Шугнана: «Разграничение Памира – дело очень серьезное. Приятно знать, что крыша мира принадлежит России, но нужно бы подождать возбуждать этот вопрос. Вы знаете, что Бадахшан и Вахан только по слабости Горчакова были отданы Афганистану, что сей последний, или вернее англичане, вопреки Горчаковско-Гранвильского соглашения, заняли Шугнан, Кушан и соседние бекства на западе Чар-Вилаята. К нам давно склоняется Канджут, … Али-Мардан-Ша Ваханский, изгнанный афганцами, несколько раз просил нашего покровительства. Прежде Памира нужно обсудить эти дела и дать в них себе отчет. Разграничение Памира положит конец тому, к чему исторически мы призваны стремиться, а именно – распространить наше влияние на Гиндукуш и за Гиндукуш, приготовить почву в Индии. Руководить разграничением Памира и для исполнения этого преувеличивать его значение – мелкая цель, в серьезной записке не допускаемая».[440] В одном из своих докладов русский дипломат дал далеко не самую лестную характеристику записке Б.Л. Громбчевского: «…тон высок, мелодия фальшива, а финал: «дайте мне разграничить Памир».[441] В целом из депеш Н.Ф. Петровского складывается впечатление, что он недолюбливал Б.Л. Громбчевского, хотя последний писал в дневнике о том, что «встретил самый радушный и сердечный прием в семье консула Н.Ф. Петровского».[442]

К концу 1892 г. афганский эмир отказался от своих притязаний на Памире. В феврале 1893 г. англичане обратились к российскому правительству с предложением назначить совместную комиссию по определению границы с привлечением афганского представителя. В ноябре того же года, в соответствии

---

[440] РГВИА. Ф. 445. Афганистан. Д. 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897. Л. 4.
[441] Там же. Л. 5.
[442] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 9.

с положениями Кабульского соглашения (о т.н. «линии Дюранда»), Афганистану была передана узкая полоска Ваханского коридора. А в 1895 г. сторонами было решено, что афганцы очистят Рошан и Шугнан на правом берегу Амударьи, в обмен на уступку Россией уезда Дарваз на левом берегу этой реки.

Определение российско-афганской границы стало важной вехой в российско-британском противостоянии в регионе, имевшей влияние на международную политику. Процесс разграничения, в большей степени проходивший «на земле», в непростых географических и политических условиях, сопровождался массой противоречий, некоторые из которых приводили к вооруженным столкновениям. Все основные события в российской политике на афганском направлении были так или иначе связаны с пограничным урегулированием.

Наибольший резонанс получил Пандждехский кризис, возникший при демаркации туркменских земель на северо-западе Афганистана. Победа над афганским отрядом была повсеместно воспринята как поражение англичан. Возникла опасность вооруженного столкновения двух империй, а в урегулирование противоречий был вовлечен ряд европейских стран. Таким проявлением слабости со стороны британцев постарались воспользоваться недружественные Великобритании силы как на Востоке, так и в Европе.

Имея ввиду возможность скорого начала вооруженного конфликта между Россией и Великобританией некоторые североиндийские правители, а также представители ирландского сопротивления, намеревались заручиться поддержкой России для того, чтобы в назревающем противостоянии побороться за независимость от Лондона или, по крайней мере, добиться для себя большей политической самостоятельности. Вместе с тем и враждебные России силы на недавно включенных в состав Российской империи землях Средней Азии попытались воспользоваться обострением на афганских границах для разжигания недовольства и поднятия восстаний против русской администрации.

Примечательно, что они при этом аппелировали к афганскому эмиру, воспринимая, видимо, происходившие в регионе события вне контекста российско-британский борьбы, а исключительно как конфликт между русскими и афганцами (христианами и мусульманами).

Непростым был и следующий этап разграничения, проходивший на Памире. После ареста Янгхасбенда и Девисона Англия грозила России разрывом дипломатических отношений. Однако, как и в случае с Пандждехом, твердая и последовательная позиция российского правительства и лично императора вынудила Лондон договариваться с Петербургом.

Таким образом, установленная к середине 1890-х гг. российско-афганская граница стала результатом политико-дипломатического компромисса. На западе Россия отстояла «этнографический принцип» разграничения, включив в состав своей территории большую часть туркменских земель и подойдя вплотную к Герату. Взамен афганцам (британцам) были сделаны территориальные уступки в виде Зульфагарского прохода и уезда Хамиаб.

Как представляется, на Памире компромисс был еще очевиднее. Так, России удалось добиться оставления афганцами Рошана и Шугнана, но и англичане смогли создать барьер между своими и российскими владениями, передав Афганистану Ваханский коридор и соединив таким образом владения эмира с Китаем. Необходимо отметить деятельность в начале 1890-х гг. в этой области российских военных и гражданских служащих, внесших огромный вклад в укрепление позиций России на Памире. Такие решительные акции как арест и выдворение британских офицеров в 1891 г., а затем победа над афганским отрядом в 1892 г. продемонстрировали (вновь после Пандждеха) твердость русских властей. Уже в следующем 1893 г. англичане стали искать пути дипломатического решения «памирского вопроса», а еще два года спустя разграничение было окончено.

ГЛАВА 3. АФГАНИСТАН В РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1 Невмешательство во внутриафганские дела

В предыдущей главе были рассмотрены основные проблемы российско-афганских отношений в годы правления Александра III, которые прежде всего были связаны с пограничным урегулированием. Именно приграничные споры, а порой и вооруженные стычки, привлекали наибольшее внимание специалистов и общественности. Однако в рассматриваемый период в отношениях с Афганистаном существовал еще один острый вопрос, занимавший важное место в российском внешнеполитическом дискурсе и до сих пор не теряющий своей актуальности – проблема непосредственного вмешательства во внутриафганские политические распри.

Важной особенностью политического курса России по отношению к Афганистану в исследуемый период стал отказ Петербурга от участия в мятеже наместника Южного Туркестана Мохаммада Исхак-хана[443] в 1888 г. Представляется полезным рассмотреть этот эпизод более подробно. Как уже отмечалось выше, это восстание стало наиболее опасным для власти Абдуррахман-хана в ряду многочисленных смут, возникавших в годы правления этого эмира. Большинство из них носили внутриафганский характер. Однако борьба за власть в Южном Туркестане в 1888 г. чуть было не вышла за рамки внутренних политических распрей из-за обращения Исхак-хана за помощью к русским властям, а последствия этих событий отразились на дальнейшем характере российско-афганских отношений, а также военном, административном и национальном переустройстве всего Северного Афганистана.

[443] Исхак-хан был сыном Азам-хана, сына эмира Дост Мохаммад-хана.

Необходимо отметить, что, по данным афганских историков, в 1880-е гг. Россия неоднократно вмешивалась во внутренние дела Северного Афганистана. В частности, по словам М.Х. Какара, еще в 1884 г. за помощью к русской власти обращался правитель североафганского города Майманы по имени Мир Делавар-хан. Защищая свою независимость, он отказывался платить налоги эмиру Кабула. Попытки найти поддержку у британцев оказались безуспешными, поскольку Лондон признавал Майману частью владений Абдуррахман-хана. В связи с этим, как отмечал М.Х. Какар, Делавар-хан просил русские власти в Мерве занять Майману, после чего якобы получил от русских помощь оружием.[444] После Второй англо-афганской войны ханы Майманы действительно вернули себе относительную независимость и сохраняли ее вплоть до 1884 г.[445] Однако ни в архивных материалах, ни в рассмотренных в настоящей работе научных исследованиях не обнаружено подтверждений предоставления российской помощи Делавар-хану.

В контексте попыток России влиять на внутриафганские дела в 1880-е гг. можно вспомнить деятельность Н.А. Нотовича и обращение белуджских ханов к российским властям. Однако отказаться от участия в интригах в Белуджистане, который не имел общих границ с Россией, Петербургу было намного проще, чем оставить без внимания просьбы правителя Афганского Туркестана, граничившего с Бухарским эмиратом и имевшего весьма интенсивные связи с населением правого берега Амударьи.

Ввиду важности территории на левом берегу Амударьи в истории российско-афганских отношений, в том числе в период правления Александра III, следует подробнее остановиться на ее описании. Северный Афганистан в российских документах конца XIX в. упоминается под названием «Чарвелаят», «Чарвилает» или «Чар-Вилойят» (چهار ولایت – перс. «четыре провинции»).

[444] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C. 108.
[445] Бухараи М.Ш. Тарих-е Бухара, Хоканд ва Кашгар. Тегеран. 1998. С. 217.

Г.А. Арендаренко в одной из своих работ раскрывает историю появления этого топонима, которое он относит к времени правления Надир-шаха Афшара (1736-1737). По его словам, иранцы, назначенные Надир-шахом правителями области, создали эту административную единицу, назвав ее по числу четырех местных ханств: Маймана, Акча, Балх и Кундуз.[446] Н.И. Гродеков отмечал, что в состав Афганского Туркестана вошли ханства Маймана, Сарипуль, Шиберган, Акча, Андхой, Балх, Гурзиван, Дарзаб, Кундуз и Бадахшан.[447] Советский историк Н.А. Халфин в качестве «четырех провинций» определял следующие территориальные единицы: области Майманы, Мазари-Шарифа, Кундуза и Ташкургана.[448] В предисловии к дневникам Г.А. Арендаренко отмечается, что в Южном Туркестане еще в XVIII в. сложилось прочное объединение четырех владений: Кундуз, Балх, Андхой, Маймана; при этом Сарипуль, Шиберган, Хульм, Гор, Баглан и др. в XVII – XVIII вв. играли сравнительно меньшую политическую роль, и поэтому в названии объединения отразилось преобладание только четырех основных владений.[449] В афганских документах рассматриваемого периода топоним «Чарвелаят» не употреблялся, афганцы эту область называли Туркестаном, под которым понимали земли от восточной окраиныЕратской провинции до Бадахшана.

Области Южного Туркестана были подчинены основателем Дурранийской империи Ахмад-шахом Дуррани в результате походов 1750-1751 гг. и вплоть до 1808-1809 гг. формально подчинялись пуштунским наместникам.[450] Ослабление центральной власти империи привели к отложению узбекских ханств, которые сохраняли свою независимость вплоть до их завоевания афганским эмиром Дост Мохаммад-ханом в середине XIX в. Тогда,

---

[446] Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб. 1889. С. 486-487.
[447] Гродеков Н.И. Через Афганистан: Путевые записки ген. штаба полк. Н.И. Гродекова. СПб. 1880. С. 27.
[448] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 112.
[449] Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века: журналы командировок Г.А. Арандаренко. М. 1974. С. 19.
[450] Вардак Г.В. Дэ Афганистан пэ Шомали Велайято ке дэ Пахтано Остогандзи. Лахор. 1994. С. 35.

как и сейчас, на севере Афганистана преобладало узбекское и таджикское население. Так, Н.А. Халфин в одной из своих работ приводит данные из газеты «Туркестанские ведомости» от 25 октября 1888 г. о национальном составе североафганских территорий: Маймана – 300 тыс. узбеков и 2 тыс. пуштунов; Кундуз – 100 тыс. узбеков и 6 тыс. пуштунов; Мазари-Шариф – 50 тыс. узбеков и 3 тыс. пуштунов; Сарипуль – 25 тыс. узбеков и 300 пуштунов; Балх – 25 тыс. узбеков и 200 пуштунов.[451] Для закрепления своей власти на севере Афганистана кабульская администрация проводила там упомянутую выше политику пуштунизации, переселяя представителей афганских племен на левый берег Амударьи. Особенно активно и успешно в этом направлении действовал в 1880-е гг. эмир Абдуррахман-хан. Таким образом, неудивительно, что местное население воспринимало представителей титульной нации как чуждый народ, лишь недавно расселившийся в этих областях.

Взаимная неприязнь узбеков Северного Афганистана и пуштунов, а также надежды местных жителей на изменения, которые, как им казалось, сулил приход Абдуррахман-хана к власти в Кабуле или даже на русское завоевание узбекских ханств, находят отражение в путевых заметках Н.И. Гродекова конца 1870-х гг.: «Обращение афганцев с узбеками самое высокомерное. Простой афганский солдат считает себя существом высшей породы в сравнении с узбеком; он зачастую употребляет плеть и приклад. Мне часто приходилось видеть, как афганские солдаты, без дела разгуливавшие по улицам в городе или селении, потешались над беззащитными узбеками, колотя их нагайками… Узбек, чувствуя свою слабость, прикидывается покорным и ждет случая, который принес бы ему облегчение настоящей тяжелой участи. Он ждет облегчения и от Абдуррахман-хана, и от русских. Имя Абдуррахман-хана произносится в Афганском Туркестане с благоговением, но не иначе как шепотом, потому что если до уха

[451] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 110.

афганской власти дойдет это страшное ей имя, то произнесшего его схватят, начнут допытывать, и хорошо еще если виновный отделается носом или ушами. Бывает хуже. При мне, в Мазар-и-Шерифе, по распоряжению Хош-Диль-хана[452], было повешено двое узбеков за высказанное ими сочувствие к претенденту на афганский престол. Стоило мне, в разговоре с своим переводчиком, произнести имя Абдурахман-хана, как несколько афганцев немедленно обращались с вопросом: «что вы сказали про Абдурахман-хана?». Будучи поражены могуществом России, смирившей Хиву и Бухару, узбеки левого берега Аму почему-то убеждены, что движение русских Самаркандом не окончится и что рано или поздно они перейдут Аму и утвердятся на левом берегу этой реки. Слыша из тысячей уст русских мусульман, ежегодно приходящих в апреле месяце в Мазар-и-Шериф на поклонение могиле Али, о русских порядках и русской правде, о человечном отношении к покоренным народам, узбеки не только не питают к нам никакого страха, но желают нас. Я видел это в восторженном приеме, который мне повсюду оказывали узбеки; я слышал это из множества уст людей, ухитрявшихся пробираться ко мне сквозь стражу. Меня спрашивали: «Скоро ли придут русские? Когда бы поскорее Бог избавил нас от этих афганов! Неужели не теперь, не сейчас, придут русские? Неужели за вами не идут войска?».[453]

Из дипломатической переписки о мятеже губернатора Афганского Туркестана и по другим делам того же периода можно также сделать вывод о том, как отличалась позиция той или иной части жителей Афганистана к власти русских и англичан в 80-е гг. XIX в. П.С. Ванновский условно разделял жителей Афганистана на две группы по характеру их отношения к России: «Собственно

[452] Хощдиль-хан – правитель Афганского Туркестана.
[453] Гродеков Н.И. Через Афганистан: Путевые записки ген. штаба полк. Н.И. Гродекова. СПб. 1880. С. 30-32.

афганцы, если не враждебны нам, то и не особенно привержены, узбеки же, населяющие Чарвелаят, несомненно преданы нам».[454]

Вопреки ожиданиям воцарение Абдуррахман-хана не принесло жителям Афганского Туркестана желаемого облегчения. Жестокость и притеснения со стороны кабульской администрации фиксировались даже в конце XIX в. В частности, генерал А.Н. Куропаткин в своей аналитической записке о российских задачах в Афганистане от 1897 г. отмечал: «Мы имеем в прилегающем к нашей границе населении, покоренном афганцами, в большинстве не только мирных соседей, родственных нашим народностям в Средней Азии, но соседей, ищущих поддержки России от жестокости поборов Абуррахмана. Население это готово поэтому встретить нас приязненно».[455]

Отсутствовали и экономические предпосылки к объединению географически обособленного Южного Туркестана с историческими пуштунскими областями. Этнически и культурно Чарвелаят также был неразрывно связан с правобережьем Амударьи.

Исхак-хан прожил в изгнании в Самарканде вместе с Абдуррахман-ханом 10 лет (1870-1880). По возвращении на родину он был назначен губернатором Северного Афганистана. Как отмечает М.Х. Какар, местное население само избрало его правителем.[456] После того, как Абдуррахман-хан утвердил свою власть в Герате и Кандагаре, а также добился победы над Айюб-ханом, Исхак-хан попросил эмира назначить губернаторами упомянутых городов его младших братьев. Эмир отказал его просьбе, но наделил Исхак-хана широкими полномочиями в управляемой им провинции, а также правом оставлять себе взимаемые в Туркестане налоги. Таким образом, Исхак-хан стал фактически

---

[454] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 73.

[455] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3385. Записки: генерала А.Н. Куропаткина «Наши задачи в Афганистане» и ген. ад. Скобелева «О походе на Индию». – 1897. Л. 18

[456] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C. 98.

независимым правителем, хотя как губернатор был обязан периодически направлять в столицу ценные подарки.

Отношения между двоюродными братьями значительно ухудшились после того, как в 1884 г. по приказу эмира Исхак-хан занял Майману, но получил отказ на просьбу включить этот город в состав своих владений, справедливо отмечая при этом, что Маймана всегда была неотъемлемой частью Афганского Туркестана.

Пользуясь возмущением узбекского и таджикского большинства области, вызванным колонизацией провинции пуштунами, увеличением налогов, а также естественным тяготением туземцев к своим соплеменникам, проживавшим в соседней Бухаре, сам будучи представителем пуштунской знати, двоюродный брат кабульского эмира сумел завоевать расположение местных жителей. Налицо была значительная разница между мягким правлением сардара и жесткой рукой эмира. Кроме того, Исхак-хан примкнул к суфийскому ордену Накшбандия, широко распространенному на севере Афганистана. При этом в связи с высоким значением области как приграничной с Россией эмир позволял двоюродному брату держать здесь большую армию и время от времени посылал деньги для пополнения военных расходов. Своевременная выплата жалования прибавляла Исхак-хану популярности в войсках. К тому же благодаря дотациям из Кабула сардару не приходилось взимать деньги с местного населения, что усиливало расположение к нему со стороны простого народа. Такое положение дел все больше отдаляло Афганский Туркестан от Абдуррахман-хана, который стал укрепляться в стремлении лишить Исхак-хана власти над Северным Афганистаном. Так, в начале 1888 г. эмир принял решение сместить кузена и заменить его своим сыном Хабибулла-ханом.

Также важно отметить, что Исхак-хан оставался единственным представителем правящего клана мохаммадзаев[457], кто к 1888 г. сохранил

[457] Мохаммадзай – один из родов пуштунского племени баракзай, входящего в племенное объединение дуррани.

за собой должность губернатора провинции. К тому же сыновья Абдуррахман-хана были несовершеннолетними, и в случае смерти эмира правитель Северного Афганистана оказывался главным претендентом на власть в Кабуле.

Исхак-хан поддерживал регулярные контакты с русской администрацией в Средней Азии. В мае 1888 г. в Самарканде с позволения русских властей обосновался родственник Исхак-хана – Султан Ахмад-хан, через которого правитель Северного Афганистана вел переписку с русскими. Свою миссию Ахмад-хан завершил 16 августа, после чего покинул пределы российских владений.

Начальник военного гарнизона в г. Керки Василий Васильевич Христиани непрерывно докладывал о прибытии к нему посланников туркестанского правителя. От одного из них 18 июня 1888 г., в день начала восстания, В.В. Христиани получил известие об отложении Исхак-хана и желании объявить самостоятельным весь Северный Афганистан, а также о его намерении просить русское подданство.[458] Вероятно, к началу активных действий Исхак-хана подтолкнули появившиеся в июне слухи о серьезной болезни и даже смерти[459] Абдуррахман-хана. Наместник открыто отказался повиноваться эмиру и решил вести войну против него, полагая при этом «действовать от имени русского царя».[460] В пригороде Мазари-Шарифа, в местности Дашт-е Шадиан, он провозгласил независимость от кабульского правителя. Обращаясь к народу, он заявил, что Кабул изнемогает от жестокости Абдуррахман-хана и призывает его принять власть. Если же он откажется, то трон займет Айюб-хан, находящийся

[458] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 16.
[459] Sykes P. A. History of Afghanistan: in 2 vol. Vol 2. London. 1940. С. 191.
[460] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 19.

под прямым контролем англичан.[461] Состоялась пышная церемония, сопровождавшаяся возложением на голову сардара золотой короны.

Поводом к восстанию послужил вызов эмиром в Кабул 15-ти североафганских начальников, а также самого Исхак-хана[462], которых в столице ожидала неминуемая смерть. Не желая подчиняться воле судьбы, туркестанский правитель избрал последнее средство борьбы – обращение к русским, чей авторитет в глазах населения Средней Азии значительно вырос после кушкинского сражения.

30 июля в Керки прибыл другой гонец Исхак-хана – Гулям Кадыр-хан с большой свитой, подарками, а также письмами к русскому императору и генерал-губернатору Туркестана Н.О. Розенбаху. Этому посланцу было поручено просить помощи оружием, патронами и посылкой русских войск в Северный Афганистан.

В идеологической борьбе оба соперника использовали лозунг «священной войны», обвиняя друг друга в сотрудничестве с иностранными силами. Так, Исхак-хан заявлял, что Абдуррахман-хан – «британский протеже». Эмир в свою очередь называл Исхак-хана «армянским бастардом и слугой России» (мать сардара была армянкой), хотя, как отмечает М.Х. Какар, никаких доказательств поддержки русскими Исхак-хана эмир не располагал.[463]

Н.В. Чарыков докладывал в Петербург: «Афганцы и узбеки Чарвелаята поклялись поддерживать Исхак-хана, надеясь через него заменить господство Абдуррахман-хана господством русских».[464] Сообщалось также, что на сторону мятежников перешли «враждебные Абдуррахман-хану жители горных провинций, разделяющих Кабул и Афганский Туркестан» (по всей видимости,

---

[461] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 867.

[462] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 14.

[463] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. С. 103.

[464] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 2.

хазарейцы). Ходили слухи о том, что Исхак-хан получил предложения поддержки из Герата, которые, однако, впоследствии не подтвердились. Правитель Северного Афганистана готовился к боевым действиям, взимал с торговцев по 100 тыс.рупий на военные расходы, стал титуловаться эмиром, чеканить монету со своим именем. Командующим войсками он назначил своего сына Исмаил-хана и повелел ему занять Кундуз. Исхак-хан стремился привлечь на свою сторону правителей соседних с Афганистаном мусульманских княжеств: Баджаур, Дир, Сват, Читрал и др., которым направлял послания с предложением присоединиться к нему и щедрыми обещаниями на случай победы в восстании.[465] Поддержать Исхак-хана планировал мехтар (правитель) Читрала Аман уль-Мульк, однако этому воспрепятствовал находившийся в то время в Читрале полковник М. Дюранд.

Примечателен характер писем Исхак-хана своему посланнику Ахмад-хану на первых этапах восстания. В них правитель Северного Афганистана чрезвычайно оптимистично описывает свое положение, создавая впечатление скорой победы над эмиром: «Я с войсками моими из Мазари-Шарифа выступил по Каттаганской дороге к Кабулу. По дороге все жители и войска радушно встречают меня, преклоняются, передаются в полное мое распоряжение и беспрекословно исполняют все мои требования… Власть моя все более и более укрепляется, и я с войсками дошел уже до Ханабада, покорил всех и утвердил свою власть, начиная с Бадахшана, Каттагана и Ханаджана, и нахожусь теперь уже в пределах Кабула…».[466] Н.А. Халфин предполагал, что преждевременные реляции могли делаться с целью дезориентировать русские власти, заставить их поверить в успех восстания при том понимании, что вся корреспонденция проверяется туркестанской администрацией.

---

[465] Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX - начале XX в. Официальная история и историография. М. 1990. С. 101.

[466] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 115.

Н.В. Чарыков выделял две основные причины обращения Исхак-хана за помощью к русскому правительству: политическая – возможность стать автономным правителем провинции под покровительством Российской империи; и социально-экономическая: возбуждая в местном населении надежду на покровительство русского царя, «Исхак-хан затрагивает самую чувствительную сторону жизни местных узбеков и вероятно даже афганцев, которые испытывают на себе тяжесть произвола и жестокости нынешнего эмира. Нет сомнений, что безопасность, мир, порядок и материальное благосостояние, которые господствуют в русских среднеазиатских владениях и с коими афганцы за последнее время все ближе знакомятся, должны казаться жителям Чарвелаята чрезвычайно привлекательными и что ради достижения подобного результата туземное население готово поддержать Исхак-хана против эмира Абдуррахмана».[467] Кроме того, Н.В. Чарыков и начальник Керкинского гарнизона Шорохов ошибочно полагали, что Исхак-хан боялся русского вторжения в Южный Туркестан и обратился за помощью к России, чтобы упредить военный поход русских отрядов в пределы своих владений.[468]

Генерал-губернатор Туркестана Н.О. Розенбах в телеграмме военному министру П.С. Ванновскому описывает поднявшиеся в приграничных с Афганистаном районах волнения: «Возбуждение умов пограничного населения чрезвычайное, может распространиться на Бухарское ханство. Необходимо категорическое объявление туземцам со стороны Русского Правительства, что оно в распрю афганцев между собою не вмешивается, и если кто-нибудь нарушит

[467] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 15.

[468] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 113.

порядок по эту сторону афганской границы, то виновный подвергнется строжайшему наказанию».[469]

Появились сообщения о грабежах бухарских жителей «шайками афганцев», появившихся у Босаги[470], в связи с чем начальник керкинского гарнизона В.В. Христиани просил направить ему скорейшие указания, оказывать ли ему помощь и защиту бухарским жителям в случае нападения на них афганцев. Опасения за сохранение стабильности в регионе высказывались также начальником Закаспийской области генералом А.В. Комаровым.

Градус напряженности дошел до того, что генерал-губернатор Туркестана и начальник Закаспийской области обратились к военному министру с просьбой увеличить русское военное присутствие в Керки и Пяндже[471] «в виду необходимости принять надежные меры к обеспечению безопасности наших границ»[472] в случае, если бы события в Северном Афганистане вызвали волнение среди местного населения.

Н.О. Розенбах сообщал о необходимости объявить от лица русского правительства, что оно не будет участвовать во внутриафганском конфликте, «чтобы туземцам, а именно афганским туркменам, которые, не чувствуя над собою твердой власти, могут произвести грабежи на левом берегу Амударьи, в районе занятом русскими войсками», но «будет подвергать строгому наказанию нарушителей порядка по сю сторону афганской границы»[473].

Н.В. Чарыков полагал, что участие в конфликте Бухарского правительства будет расцениваться и афганцами, и англичанами как вмешательство русских.

---

[469] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 36.
[470] Босага – село на узбекско-афганской границе.
[471] Пяндж – город в Таджикистане на берегу одноименной реки.
[472] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 66.
[473] Там же. Л. 63-64.

Дипломат принял решение «доверительно и дружественно, но категорически»[474] обратиться к бухарскому эмиру Сеид Абдул Ахад-хану (1885-1910) с тем, чтобы тот ни в коем случае не вмешивался в афганские дела.

Отношение последнего к возможному военному конфликту в Афганистане, как пишет Н.О. Розенбах Александру III, «определяется не только сознанием необходимости подчиняться воле императорского правительства, но и надеждой, с помощью России, вернуть себе Балхскую провинцию[475] Северного Афганистана, находившуюся еще в первой половине текущего столетия в зависимости от Бухары»[476].

Представляет интерес хранящийся в АВПРИ «Журнал Особого совещания для обсуждения вопросов, связанных с событиями в Афганистане», которое состоялось 29 августа 1888 г. Этот документ обнаруживает расхождение между военными и дипломатами во взглядах на то, как следует вести себя русскому правительству в сложившейся ситуации. В заседании приняли участие министр иностранных дел Н.К. Гирс, военный министр П.С. Ванновский, исправляющий должность начальника Главного штаба генерал-лейтенант Филадельф Кириллович Величко, начальник Азиатского департамента МИД тайный советник И.А. Зиновьев, заведующий азиатской частью Главного штаба генерал-майор Лев Феофилович Костенко и полковник Константин Викентьевич Церпицкий. Все представители военного ведомства хорошо знали Среднюю Азию, были участниками туркестанских походов разных лет.

Собравшиеся были единодушны в необходимости удовлетворить просьбы Н.О. Розенбаха и А.В. Комарова: усилить гарнизон в г. Керки батальоном из Самарканда и сосредоточить военный отряд в Пяндже на случай волнений; объявить местному населению Бухары о решительном невмешательстве русских

---

[474] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 17.

[475] Область на севере Афганистана со столицей в Мазари-Шарифе, населенная преимущественно узбеками.

[476] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1262 (Всеподданнейшие доклады генерал-губернатора Туркестана). Л. 8.

в распри в Афганистане (в соответствии с предложением П.С. Ванновского, было решено сделать это объявление от лица генерал-губернатора Туркестана). Предметом спора стал вопрос о русском участии в афганском конфликте в том или ином виде.

Признавая необходимость воздержаться от полного исполнения просьб Исхак-хана, П.С. Ванновский, тем не менее, считал необходимым «воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы ослабить Афганистан» и наказать эмира, «вполне поддавшегося влиянию Англии»[477]. Для этого предлагалось оказать Исхак-хану помощь «негласной уступкой ему безвозмездно на каком-либо пункте границы Чарвелаята нескольких тысяч ружей с достаточным количеством патронов».[478]

Военный министр полагал, что отказ от помощи Исхак-хану был бы воспринят им лично и населением Чарвилаята как проявление страха вызвать против себя недовольство англичан, что повредило бы «обаянию» русских в глазах местного населения. Поддержка Исхак-хана представлялась ему полезной для исправления «существующего неблагоприятного для нас порядка вещей в Афганистане».[479]

Нужно отметить, что П.С. Ванновский и впоследствии не изменил своей позиции по данному вопросу. В октябре 1888 г. в Петербурге состоялась встреча военного министра с Н.О. Розенбахом, которую П.С. Ванновский начал словами: «Напрасно Вы не дали ружья Исхак-хану»[480], а в продолжение длительного разговора, как сообщает Н.О. Розенбах, «не было и намека на выражение мне какого-либо одобрения за мою деятельность в Туркестанском крае»[481].

---

[477] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 67.
[478] Там же. Л. 67.
[479] Там же. Л. 68.
[480] Записки Н.А. фон-Розенбаха // Русская старина. 1916. № 5. С. 214.
[481] Там же.

Негласная помощь оружием, по мнению военных, должна была служить «основной нашей цели в Азии – ослаблению английского влияния и увеличению нашего» и «показать узбекам, что мы не бросаем совершенно на произвол судьбы приверженное нам население».[482]

Н.К. Гирс возражал, что помощь Исхак-хану могла быть оправдана только если бы ему удалось отстоять свою независимость: «успех предприятия правителя Чарвелаята весьма сомнителен», а «в случае его возможного поражения, мы вынуждены будем отказать ему в дальнейшей помощи, а такой оборот дела не только не поднимет нашего обаяния, но, напротив того, скомпрометирует нас в глазах соседних населений» [483].

И.А. Зиновьев на заседании Особого собрания описал картину событий в Афганистане так: «…самое предприятие Исхак-хана объясняется его безвыходным положением. Он знает, что в Кабуле, куда он вызван эмиром, его ожидает смерть и что, в виду этого, ему остается выбирать между открытым восстанием и бегством. Весьма понятно, что, прежде нежели прибегнуть к последнему средству, он хочет попытать счастья, но едва ли было бы осторожно ставить политику императорского правительства в зависимость от личных расчетов и удобств афганского предводителя, о котором мы имеем лишь крайне недостаточные сведения. Нам ничего неизвестно между прочим ни о средствах, коими правитель Чарвелаята располагает на случай борьбы с эмиром, ни о том, насколько он пользуется доверием и сочувствием населения управляемой им области». [484]

Директор Азиатского департамента МИД подчеркивал опасность попадания оружия в руки враждебных России сил в случае поражения Исхак-хана. Также дипломат отмечал, что в случае вступления России в конфликт дело

---

[482] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 73.
[483] Там же. Л. 69.
[484] Там же. Л. 70.

может не обойтись одной негласной уступкой оружия: «…мы сами, ради поддержания нашего обаяния, легко можем быть поставлены в необходимость оказать Исхак-хану более действительное содействие… и таким образом вовлечены будем в политические осложнения, которые пожалуй окажутся несвоевременными».[485] К тому же И.А. Зиновьев считал положение России в Средней Азии достаточно прочным для того, чтобы «грозить Англии»: «Если только наступит минута, когда признано будет необходимым изменить настоящие отношения, то от нас самих будет зависеть дать делу желаемый оборот».[486]

Восстание Исхак-хана окончилось поражением, 14 сентября войска мятежного сардара были разбиты. Незадолго до решающей битвы он предпринял еще одну попытку добиться помощи со стороны России, а в случае неудачи обеспечить себе пути к отступлению. С этой целью Исхак-хан направил туркестанским властям послание, в котором называл себя вечным другом России, упоминал оказанную им в 1886 г. помощь российским членам разграничительной комиссии. При этом, по словам афганского принца, именно его хорошие отношения с русскими навлекли на него гнев эмира.[487] В частности, посланник правителя Южного Туркестана демонстрировал русским властям подлинное распоряжение Абдуррахман-хана от марта-апреля 1888 г., которым эмир запрещал продавать в Россию скот и различные продукты. Заявлялось, что якобы именно нарушение Исхак-ханом этого предписания стало причиной его вызова в Кабул.

После окончательного разгрома 24 сентября 1888 г. Исхак-хан с сыном Исмаил-ханом и своими сторонниками (по М.Г.М. Губару – 8377 чел.[488], в

---

[485] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 71.
[486] Там же. Л. 71.
[487] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 122.
[488] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 869.

донесениях российских дипломатов – до 1,5 тыс.[489], у Н.А. Халфина – до 2 тыс.чел.[490]) бежал в Самарканд, где проживал до самой смерти в 1909 г. На территории Бухары им было позволено остаться «под условием жить мирно, воздерживаться от всяких происков».[491] Сам предводитель восстания с 300 знатными людьми поселился в местечке Чарбаг близ Самарканда.[492]

Российские власти назначили Исхак-хану пенсию в 10 тыс.рублей в год, которая затем, если верить Д.Н. Логофету, была увеличена до 12 тыс. руб.[493] Летом 1889 г. бывший правитель Афганского Туркестана обратился к российскому правительству с просьбой об увеличении размеров получаемой им финансовой помощи. 1 августа 1889 г. в письме министру финансов Ивану Алексеевичу Вышнеградскому (1887-1892) по этому вопросу Н.К. Гирс отмечал, что «не считал удобным увеличение лично получаемого Исхак-ханом пособия», поскольку не видел пользы в поддержании влияния Исхак-хана на афганцев: «Польза эта кажется мне весьма загадочною, а в виду этого, назначение вновь испрашиваемого Исхак-ханом пособия может быть, по моему мнению, обусловлено лишь соображениями человеколюбия, так как покинувшие свою родину афганцы, как сообщил о том Туркестанский Генерал-губернатор, не могут ныне вернуться в Афганистан, не подвергая себя явной опасности, и в то же время лишены возможности приобретать собственным трудом средства к поддержанию себя и своих семейств».[494] 6 августа был получен отказ Александра III на просьбу Исхак-хана.

---

[489] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 74.

[490] Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 123.

[491] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 74.

[492] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 869.

[493] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. Т. 2: Русско-Афганская граница. СПб. С. 32.

[494] РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 97. Отношение министра иностранных дел Н.К. Гирса министру финансов И.А. Вышнеградскому по вопросу об оказании финансовой поддержки бывшему правителю Чарвелаета Исхак-хану и его приверженцам. Л. 51, 52.

При этом в начале XX в. Д.Н. Логофет описывал влияние, которым обладал Исхак-хан, как весьма значительное: «… афганцы, живущие в русских пределах, считали его законным эмиром афганским. Когда умер Абдурахман, все они ему присягнули, как своему законному Государю… А ныне царствующего эмира Хабибула-Хана считают узурпатором. Вообще, во всем северном Афганистане престиж Исаак-Хана стоит очень высоко и в случае осложнений с Афганистаном он или его сын Измаил-Хан своим именем и влиянием сослужат России большую службу. Приверженцев в Афганистане Исаак-Хана имеется очень много, а недовольных правлением нынешнего эмира Хабибула-Хана еще больше».[495]

Значение восстания для Абдуррахман-хана было настолько велико, что он в течение года после подавления мятежа не покидал Мазари-Шариф, занимаясь военно-административным переустройством Северного Афганистана. Он принял чрезвычайно суровые меры против тех, кто поддержал Исхак-хана. «Поборов сказанное восстание, – докладывал П.М. Власов – эмир, прежде всего, занялся обычной в подобных случаях на Востоке отдачей долга мщению т.е. расправой с восставшими и приверженцами их не только действительными, но и воображаемыми, коей он предался с невыразимой страстью и яростью. Почти год продолжались самые бесчеловечные пытки и казни, кровь лилась ручьями, темницы переполнялись, не делалось исключений никому, ни женщинам, ни даже детям».[496] Неудивительно, что в результате таких действий в течение этого года на эмира было совершено 4 покушения.[497]

Ситуацию в Афганистане и психологическое состояние Абдуррахман-хана после подавления восстания в 1891 г. в разговоре с П.М. Власовым

---

[495] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. Т. 3: Бухарско-Афганская граница СПб. С. 32, 33.

[496] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 25.

[497] Там же. Л. 26.

описывал состоявший некогда на службе афганского эмира белуджский офицер Гулям Хасан-хан: «Мрачными красками рисует он характер Абдуррахман-хана и положение дел в Афганистане, – писал П.М.Власов. – … Абдуррахман-хан, по возвращении из Туркестана стал проявлять еще более раздражения, подозрительности и жестокосердия; в течение последней зимы с различных пунктов Афганистана доставлялись беспрерывно в Кабул большими партиями лица с их семьями, арестованные по подозрению, все большей частью состоятельные и занимающие более или менее выдающееся положение в крае; жители Кабула видели только, как партии эти появлялись в городах, закованные в цепи и под конвоем, но никто не знает, что сталось с этими несчастными после того, как двери тюрем заперлись за ними».[498]

Следствием жестоких расправ над жителями Северного Афганистана, а также введения огромных налогов стала эмиграция части местного населения на правый берег Амударьи. Летом 1888 г. в Закаспийскую область бежало большое число живших в Маймане туркмен-салоров.[499] В марте 1890 г. В.О. Клемм доносил барону А.Б. Вревскому о том, что «вследствие крайних притеснений и непосильных поборов, претерпеваемых населением Чарвилаята, афганские туркмены стали выселяться в пределы Бухарского ханства. По имеющимся сведениям, в Каркинское бекство переселилось около 1500 человек, в Чарджуйское 250 и в Килифское и Ширабадское также до 1500 человек. Туркмены, выселившиеся в Чарджуй, собственно уроженцы этого бекства, эмигрировавшие когда-то в Афганистан, прочие же все новые пришельцы».[500]

Эмир предпринял шаги для укрепления старых и возведения новых фортификационных сооружений у границы с русскими владениями.

---

[498] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Д. 3064. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1891. Л. 107,108.

[499] АВПРИ. Ф. 1. Канцелярия министра. Оп. 485. Д. 39. Секретные телеграммы из Турции, Персии и Афганистана. – 1888-1889. Л. 62.

[500] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 554. По поводу возникшего между бухарскими и афганскими властями спора о переправе Ак-Кум на Амударье. – 1890. Л. 8

Б.Л. Громбчевский отмечал, что «…в Мазари-Шериф пришел эмир Абдурахман в сопровождении такого сильного корпуса войск, что вызывались опасения за неприкосновенность границ Бухары, для охраны которых выдвинута была некоторая часть войск из Туркестана».[501] П.М. Власов докладывал в Петербург: «Почти одновременно с расправой происходили также и стягивание с разных концов Афганистана войск и концентрирование таковых по разным городам Туркестана, в особенности же близ лагеря, в коем находился сам Абдуррахман Хан, г. Мазари-Шарифа. Стягивание это было вызвано не желанием его начать войну с Россией, ибо имеется много данных предполагать, что эмир зная лично нашу силу не понаслышке лишь, едва ли когда-либо решится на подобный безумный шаг, даже по настоянию своих покровителей англичан, а тем более без их желания и поддержки… почему концентрирование войск должно объяснить скорее опасениями эмира с одной стороны – за свою непопулярность среди народа и за непримиримую его к нему ненависть, а с другой – опасениями же за то, что правительство наше окажет деятельную помощь Исхак Хану и что, вслед за распущением им войск, край этот может попасть немедленно вновь под непосредственное влияние и власть бывшего правителя».[502]

Усиливая пограничный контроль, кабульская администрация традиционно уделяла особое внимание Герату. Побывавший в конце 1880-х гг. на гератской границе И.И. Стрельбицкий оставил интересное описание положения дел на этом рубеже. Представляется важным привести в полном объеме часть доклада русского офицера от июня 1889 г.: «От Мешхеда до Герата англичане содержат летучую почту, которая сдана в подряд нашему туркменину Саат Бею. Посты до Карыза включительно содержатся также туркменами; далее за границу Афганистана, – ни англичане, ни туркмены не допускаются и службу

[501] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 10.

[502] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 26

на постах несут афганские подданные. На каждом посту неотлучно находятся по три всадника, которые периодически инспектируются надсмотрщиками из Мешхеда; кроме того, афганцы также тайно наблюдают за туркменами из опасения, чтобы эти последние не передавали каких-либо сведений в Закаспийскую область. Содержание туркмены получают по 15 туманов в месяц (около 48 р.) … Бдительность пограничного афганского кордона так велика и меры принятые для охранения границы столь строги, что пройти кому-либо в Герат и собрать там какие либо сведения положительно невозможно. Ни англичане, ни даже туркмены летучей почты не допускаются далее Кафыр-Кале. С большим трудом получают разрешение на проезд в Герат только персиане хезаре и теймури пограничной полосы – выходцы из Герата лично известные начальнику гарнизона в Кафыр-Кала. Всякого пребывающего в Кафыр-Кала задерживают, допрашивают и если признают возможным пропустить, то выдают билет, который путешественник должен предъявить при входе в ворота гератской крепости. Если есть хоть малейшее подозрение, что прибывший был в Закаспийской области, то об этом тотчас же доносят эмиру по летучей почте, учрежденной между Гератом и Мазари-Шерифом. Недавно в Кафыр-Кале прибыло несколько армян из Трапезонда с паспортами визированными английскими консулами. Они приехали закупить орехового наплыва в Герате. Афганцы заподозрили в них русских шпионов, задержали в Кафыр-Кале до получения приказания от эмира. Абдуррахман Хан приказал немедленно выпроводить их в Кяриз или, при малейшем возражении, убить.

В день отъезда моего из Карыза, туда прибыли два салыра из Серахса для передачи верблюдов и письма от полковника Алиханова гератскому наибуль-хукуме[503]. Несмотря на официальный характер их поручения они не были допущены даже до Кафыр-Кале: на полдороге их окружили афганцы, избили,

[503] Тоже, что наиб – наместник, губернатор.

изорвали одежду, хотели отнять оружие и наконец приказали передать верблюдов и письмо кому-либо из жителей Карыза для доставки в Хаф.

При подобных условиях нечего было и думать послать кого-либо из моих джигитов в Герат; несколько жителей Карыза, с которыми я говорил по этому делу, предлагая довольно значительное вознаграждение – до 100 рублей – с ужасом отказались взяться за подобное дело, даже евреи, семьи которых постоянно живут в Герате.

По слухам в Герате царит полный террор. Спросить громко, где в настоящее время эмир, или что делается в Туркестане считается за уголовное преступление. Всякий заподозренный в передаче каких бы то ни было сведений за границу предается смертной казни, та же участь постигает домовладельца не донесшего немедленно о прибытии к нему иностранца. Торговли между Гератом и Персиею не существует. Масса таджиков бежит из Герата от тяжелых налогов и рекрутских наборов в Персию. В Хафской и Бехарской провинциях на днях водворены 1 тыс. семейств подобных беглецов. Неудовольствие распространяется даже между природными афганцами; особенно возмущены они тем, что эмир силой отбирает мальчиков и отправляет их для учения в Индию и Англию.

… Говорят, что Абдуррахман Хан едва ли решится сам вызвать войну с Россией, в случае же нападения будет защищаться до последней крайности, для чего он располагает и значительными средствами. По общему мнению, Абдуррахман не уйдет из Мазари-Шерифа пока Исак-Хан находится близко к границе».[504]

В феврале-марте 1889 г. (джумада ас-сани 1306 г. лунной хиджры) афганский эмир писал из Мазари-Шарифа вице-королю Индии маркизу Лансдауну, жалуясь на нехватку денег и оружия для противостояния русским

[504] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1310. По поводу прикомандирования генерального штаба капитана Стрельбицкого на два месяца к генеральному консульству в Мешхеде. – 1891. Л. 25-30.

войскам, которые, по мнению Абдуррахман-хана, должны были в самое ближайшее время атаковать Северный Афганистан: «… служащие российского государства готовят продвижение, … как бы не случилось неожиданного нападения России на Балх и его окрестности! … если в этом году Россия и не предпримет попыток организовать смуту и волнения, то в следующем году война непременно произойдет».[505]

Для укрепления своей власти на севере страны Абдуррахман-хан продолжил расселять пуштунов вдоль афганской границы, что привело к разрыву или, по меньшей мере, к ослаблению связей местных узбеков с одноплеменниками в Средней Азии.[506] Современный пуштуязычный историк В. Вардак считает, что этот процесс положительно повлиял на ситуацию с безопасностью и состояние сельского хозяйства на севере Афганистана: «Пуштуны, расселившиеся в северных областях к югу от Амударьи прекратили проникновение разбойников с севера и облагородили необработанные земли».[507] Однако это заявление можно уверенно отнести на счет эмоциональности, присущей большей части пуштунских авторов в отношении национального вопроса. Несомненно, главным фактором прекращения разбойничьих набегов в Южном Туркестане стало окончательное установление российско-афганской границы на севере и северо-западе Афганистана.

Кроме того, восстание в Северном Афганистане напрямую повлияло на возникновение волнений на занятых афганцами памирских территориях. Для приведения местного населения к повиновению в Бадахшан были направлены около 6 тыс. бойцов. В опубликованном в 1891 г. военно-политическом очерке «Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром» Б.Л. Громбчевский описывает жестокие действия афганцев против шугнанцев в 1889 г.: «Спустившись в долину Мург-оба, мы в продолжении 3 дней

[505] Частная коллекция С.И. Гилани. Письмо Абдуррахман-хана вице-королю Индии. Февраль-март 1889 г.
[506] Бухараи М.Ш. Тарих-е Бухара, Хоканд ва Кашгар. Тегеран. 1998. С. 209, 217.
[507] Вардак Г.В. Дэ Афганистан пэ Шомали Велайято ке дэ Пахтано Остогандзи. Лахор. 1994. С. 43.

по дороге встречали сплошные толпы шугнанцев, направлявшихся в пределы России... Беглецы шли быстро, бросая по дороге уставший скот и имущество, стараясь уйти по возможности дальше от афганцев. Узнав во мне русского, они бросались на колени, целовали одежду и молили защитить их от преследования. Бедствие этих несчастных не поддается описанию. Все в рубищах, с котомками за плечами, несли на себе, кроме домашнего скарба, грудных и маленьких детей. Тут же гнался скот, половина которого подохла в дороге или же разграблена была памирскими киргизами… За каждым табором тянулась длинная вереница больных и отсталых, преимущественно стариков и женщин с детьми. Столь ужасную картину народного бедствия воображение европейца вряд ли может себе представить… Из скудных запасов экспедиции оказывалась беглецам посильная помощь. Раздавалась мука, вареное мясо, лекарства, перевязывались раненые, а на ночлегах варилась горячая пища для спешивших мимо беглецов. Но бедствие было таких размеров, что помощь наша уподоблялась капле в море. По приблизительному расчету мы встретили более 200 семейств…».[508]

Другие сведения о расправах афганцев над жителями Шугнана русскому офицеру рассказывали попадавшиеся на пути киргизские торговцы: «Казни производились ежедневно. Деревни, заподозренные в сочувствии к бывшему независимому правителю Шугнана Сеид-Акбар-Ша выжигались, а поля вытравлялись лошадьми. Все девушки и более красивые женщины в стране были отобраны и частью отправлены к эмиру Абдурахману, частью же розданы войскам в жены и наложницы. Из Шугнана набрано 600 чел. мальчиков от 7 до 14 лет, детей более влиятельных родителей; мальчики эти направлены были в Кабул на воспитание. Население изнемогало под авганским гнетом, а в

[508] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 22, 23.

перспективе ожидался голод и связанные с ним бедствия. Вообще эмир Абдурахман в жестокости превзошел всякие границы».[509]

В письме Н.Ф. Петровскому Б.Л. Громбчевский писал: «Я видел раненых, видел массами плывущие трупы по Панджу, жил почти что в сфере военных действий, получая ежедневно сведения о ходе их, и свидетельствую, что этот бедный народ сделал все, что возможно, чтобы отстоять свою независимость и заслуживает тем большего сострадания, что дрался без надежды на победу, на лучшее будущее».[510]

Восстание на Памире было быстро подавлено. Как отмечал П.М. Власов, «плохо организованные и почти не вооруженные мятежники должны были уступить первому же серьезному натиску войск эмира».[511] Почти сразу после начала мятежа афганский главнокомандующий в ответ на послание Б.Л. Громбчевского писал, «что Шугнан и Рошан заняты, воры (это законные владетели) изгнаны, бунтовщики наказаны».[512]

Представители русской администрации в Средней Азии с самого начала конфликта между Абдуррахман-ханом и Исхак-ханом придерживались осторожной линии. На первое предложение со стороны Исхак-хана поддержать восставших начальник военного гарнизона г. Керки В.В. Христиани ответил так: «Чтобы они на помощь русских войск не рассчитывали, что нам дела нет до их домашних ссор и что Россия в увеличении своей территории не нуждается».[513]

---

[509] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 28.

[510] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1292. По поводу отправления императорским географическим обществом штаба капитана Громбчевского для исследования горных долин Гиндукуша и в особенности в Кафиристан. – 1889. Л. 15.

[511] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 28

[512] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1292. По поводу отправления императорским географическим обществом штаба капитана Громбчевского для исследования горных долин Гиндукуша и в особенности в Кафиристан. – 1889. Л. 15.

[513] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 18.

На депеше Н.В. Чарыкова, в которой дословно передавался ответ В.В. Христиани, Александр III собственноручно написал: «Пусть себе, нам действительно «никакого дела до этого нет».[514]

Во время доклада министра иностранных дел Н.К. Гирса императору об отложении Исхак-хана и его намерении решить вопрос «русским именем», император одобрил действия В.В. Христиани и данный Н.В. Чарыковым бухарскому правительству совет не вмешиваться ни под каким предлогом в афганские дела. Александр III поручил сообщить генерал-губернатору Туркестана, что «в виду готовящихся в Афганистане событий, императорское правительство должно занять выжидательное положение, всего лучше обеспечивающее нашу свободу действий в будущем»[515].

На обращение Гулам Кадыр-хана русский царь просил передать Исхак-хану следующее: «Мы не считаем возможным принимать какое бы то ни было участие в его рискованном предприятии, в своевременности коего мы отчасти сомневаемся».[516]

Абдуррахман-хан значительно усилил антироссийскую риторику. Кроме того, он распустил слух об объявлении «священной войны», «долго и настойчиво» державшийся на российско-афганской границе.[517] Хотя российские власти отказались от участия во внутриафганском конфликте, слухи о поддержке Россией Исхак-хана активно циркулировали среди населения Афганистана. Как отмечал М.Х. Какар, «приплетая Россию к восстанию, Абдуррахман-хан стремился превратить его в религиозную войну, несмотря на отсутствие свидетельств о российской поддержке Исхак-хана».[518] Нужно отметить, что

---

[514] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 10.
[515] Там же. Л. 61.
[516] Там же. Л. 32.
[517] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 27
[518] Kakar M. Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston. 2006. C. 103.

впоследствии слухи о планах Исхак-хана по возвращению в Афганистан и захвату Южного Туркестана появлялись на левом берегу Амударьи неоднократно. В частности, о хождении таких толков среди местного населения писал П.М. Власов в отчете о событиях в Афганистане за 1893 г.[519]

В политическом отношении власть Российской империи в Средней Азии к 1888 г. хоть и стала более прочной, но все же русская администрация небезосновательно опасалась волнений. Экономическая выгода торговых сношений с Россией и относительное для Средней Азии материальное благополучие Бухары сглаживало противоречия, но любая дестабилизация ситуации могла побудить местное население к восстанию.

Заслуживает внимания донесение служившего русским властям разведчика о прошедшем на базаре Бухары за несколько дней до получения известий об отложении Исхак-хана слухе о том, что между русскими и афганцами возле Керки произошло сражение, в котором русские потеряли 200 человек убитыми и раненными. Сообщалось, что «по получении в городе этого известия некоторые бухарцы стали покупать оружие, говоря, что если афганцам удастся получить перевес над русскими, то и они, бухарцы, попытают счастья против русских».[520] Подобное положение дел характеризует недостаточную устойчивость русской власти в Средней Азии.

Осложнения в Северном Афганистане представлялись крайне несвоевременными для русских интересов в регионе. Неудобства затрагивали, в том числе и торгово-экономическую сферу. Что касается приграничной русско-афганской торговли, Исхак-хан сразу после разрыва с эмиром Кабула, чтобы как-то расположить к себе русских, открыто разрешил свободный ввоз товаров

---

[519] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3108. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1894. Л. 75

[520] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 16.

русских купцов в Афганский Туркестан.[521] Однако, по словам Н.В. Чарыкова, русские товары и раньше беспрепятственно проникали в эту область посредством афганских и бухарских торговцев. Русскоподданные купцы торговали и в Кабуле. Торговый представитель Афганистана в Бухаре развивал торговлю афганским каракулем. В Афганистан поступали российские товары: хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, оружие, фарфоровая и железная посуда, сладости, чай, бумага, шелк, медь, сундуки, нити и т.д.[522]

В исследованной дипломатической переписке высоко оценивается значение Закаспийской железной дороги, которая именно в 1888 г. после ее соединения с Самаркандом начала приносить доход и для повышения экономических результатов работы которой были необходимы мир и стабильность. Н.О. Розенбах в своем всеподданнейшем отчете царю от того же года отмечает, что «железная дорога и соседство русских сильно подвинули русскую торговлю в Северном Афганистане и положили начало непосредственным доверчивым отношениям между русскими и афганцами».[523]

Помимо развития железной дороги большое значение имело установление речного сообщения на Амударье, куда была переведена некоторая часть упраздненной в 1883 г. Аральской флотилии. О необходимости учреждения такого пароходства в первом же своем письме после коронации в 1883 г. писал бухарскому эмиру Мозаффар-хану (1860-1885) сам император Александр III, подчеркивая, что «выгоды этого пути для обоюдной торговли уже давно были оценены русскими подданными, имеющими коммерческие интересы в Бухаре и Хиве».[524]

---

[521] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 4.
[522] Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул. 2015. С. 879.
[523] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1262. Всеподданнейшие отчеты Туркестанского генерал-губернатора. – 1885-1909. Л. 30.
[524] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1311. Об учреждении пароходства на Амударье – 1885. Л. 164.

Воцарившаяся после восстания Исхак-хана в Северном Афганистане анархия, по сообщению Н.О. Розенбаха, затруднила и замедлила пограничные сношения и русскую торговлю. Вооруженный конфликт и вовсе остановил бы ее как в Афганском Туркестане, так и на приграничной территории Бухарского эмирата.

Важно и то, что незадолго до начала восстания Россия и Англия окончили работу по определению российско-афганской границы. Российский посол в Лондоне Е.Е. Стааль 11 февраля 1888 г. докладывал в Петербург об открытии парламентской сессии: «Вчера открылась Парламентская сессия 1888 года и тронная речь прочитана обычным порядком перед коммунами, собравшимися в Палате Пэров, [в котором]…чуть ли не вступительная графа посвящается упоминанию о благополучном исходе предпринятого совместно с императорским правительством афганского разграничения и выражена надежда на устранение всяких дальнейших недоразумений между Россией и Англией по вопросу об Азиатских владениях сих двух держав».[525]

Такой шаг русских властей, как поддержка Исхак-хана могли свести на нет дипломатические усилия по недопущению войны между Россией и Англией. Британские власти, ревностно отстаивавшие свое исключительное право на афганские дела, пристально следили и за событиями в Афганском Туркестане в 1888 г. Н.А. Халфин отмечает, что в это время британское правительство подготовило крупный военный отряд для вторжения в Афганистан «в случае необходимости».[526] В соответствии с планом англичан, миссия под руководством М. Дюранда должна была въехать в Кабул 1 сентября 1888 г. Вместе с тем другой соперник Абдуррахман-хана и претендент на кабульский престол Айюб-хан был поселен близ афганской границы в Пешаваре. В задачи последнего входило

[525] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1169. Депеши Посла в Лондоне по Среднеазиатским, Афганским и Индийским делам – 1876. Тут же: Сведения, доставляемые нашим Военным Агентом по таким же делам – 1881. Л. 201.
[526] Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). М. 1959. С. 62.

возбуждение местных жителей против кабульского эмира. Однако в связи с подавлением восстания, а также противодействием прибытию миссии со стороны Абдуррахман-хана, предприятие англичан не состоялось.

О беспокойстве, которое охватило британцев в связи с восстанием Исхак-хана Б.Л. Громбчевский писал: «…капитан Янгхусбенд в интимном разговоре со мною сообщил о тревоге, охватившей ост-индское правительство при получении известия об отложении северного Афганистана».[527] Генконсул в Хорасане также подчеркивал, что восстание Исхак-хана «считалось весьма серьезным и опасным не одним лишь Абдуррахман-ханом, но также правительством Индии, которое, будучи хорошо знакомо с положением дел в Афганистане, опасалось за то, что первая победа, одержанная Исхак Ханом над войсками эмира, или вернее первое поражение, нанесенной войскам этим Исхак Ханом, при непопулярности эмира, могло бы повергнуть к ногам первого большую половину всего Афганистана и вынудить войска последнего перейти на его сторону».[528]

В 1889 г. по настоянию англичан иранские власти в Хорасане преследовали «афганцев-партизан», сторонников Исхак-хана.[529] Это преследование, как отмечал П.М. Власов, «повредило престижу англичан в Хорасане и вызвало против них неудовольствие и ропот среди населения Мешхеда и в особенности среди духовенства, взглянувшего на это дело, как на умаление прерогатив гробницы Имама Ризы, ибо афганцы, прибывавшие в Мешхед партиями в 20-30 человек в мае, июне и июле месяцах из Бухары, целью прибытия выставляли желание поклониться гробнице, куда их не только не допускали, но даже поспешили выпроводить из города, при чем, по совету

---

[527] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 35.

[528] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 25.

[529] Там же. Л. 16.

Великобританского генерального консула, отбирали у них лошадей, деньги и прочее имущество и выпроваживали нищими

Такой образ действий вызвал со стороны главного духовенства Мешеда весьма энергический протест, на который принц правитель заявил открыто, что действует так по требованию англичан и по приказанию из Тегерана».[530]

Некоторым официальным лицам, прежде всего представителям военного ведомства, участие в политических распрях в Афганистане представлялось оправданным. С его помощью предполагалось не только побороться с англичанами руками афганцев, но, возможно, и увеличить русские владения в Средней Азии. Б.Л. Громбчевский отмечал: «Если бы не великодушие и безпримерное в летописях безкорыстие России – весь Северный Авганистан вошел бы в состав Империи и Россия, оказав защиту и покровительство отложившимся провинциям, встала бы твердою ногою на Гиндукуше, придя вместе с тем в непосредственное соседство с Кашмиром и другими областями Индии. Оплот, воздвигнутый англичанами против России и поддерживаемый ценою громадных материальных затрат, на половину рушился было сам собою, а занятие Северного Афганистана и непосредственное соседство с Индиею причинило бы не мало забот и горя ост-индскому правительству, вызвав при этом неисчислимые материальные затраты на укрепление границ, занятие полусамостоятельных ханств и т.п.».[531]

Нельзя оставить без внимания и свойственный консервативным кругам русского общества стереотип восприятия угнетенных народов, к числу которых, по докладам служивших в Средней Азии военных, относилось и население Северного Афганистана. Как отмечал А.Ю. Полунов, считалось, что, если они

---

[530] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889. Л. 16.

[531] Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Новый Маргелан. 1891. С. 1.

сами обращаются за помощью, то Россия не в праве им отказать, так как моральный долг обязывает ее защищать слабых.[532]

В отечественной историографии существует также мнение о том, что мятеж Исхак-хана был инициирован Россией, которая впоследствии отказалась предоставить помощь афганскому принцу и, таким образом, упустила возможность утвердить свое влияние на левом берегу Амударьи. В частности, современный исследователь А.Ю. Рудницкий подчеркивал: «Будь Александр III тверд и последователен в поддержке Исхак-хана, результат мог оказаться совершенно иным. А так, «больно укусив англичан» и после этого заняв позицию наблюдателя, Россия лишь ухудшила свое положение».[533]

Такие выводы основаны на воспоминаниях Б.Л. Громбчевского, который в своих мемуарах утверждал, что именно он был вдохновителем восстания Исхак-хана. По словам офицера, в 1888 г. военный министр П.С. Ванновский вызвал его из Ферганской области в Петербург. В столице его встретил генерал А.Н. Куропаткин, поведавший о причине его приезда: «…император Александр III, раздраженный продолжающимися интригами англичан в сфере заграничной политики России, хотел бы их «болезненно уязвить»; министерство же иностранных дел, возглавляемое гирсами и ламсдорфами, так «онемечено», что при каждой серьезной акции угрожает войной с Англией, но Александр хотел бы оной избежать любой ценой. И вот, во время беседы у военного министра, в ведении которого находился весь Туркестан, имеющий протяженную границу с Афганистаном, он спросил, нельзя ли предпринять какого-нибудь действия со стороны Туркестана, которое было бы для Англии крайне неприятно».[534] Тогда Б.Л. Громбчевский якобы разработал план, заключавшийся в том, чтобы снабдить Исхак-хана оружием и деньгами.

---

[532] Полунов. А.Ю. От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. // Российская история. – 2022. № 6 (378). С. 198.
[533] Рудницкий А.Ю. «Большая игра» в центре Азии (Б.Л. Громбчевский и восстание Исхак-хана 1888 г.) // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2014. № 8. С. 571.
[534] Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний. М. 2016. С. 28.

Рассказ военного путешественника представляется сомнительным. Так, по его словам, еще до начала мятежа 1888 г. Исхак-хан, которого российский офицер ошибочно называл родным братом Абдуррахман-хана,[535] уже предпринял попытку восстания, после неудачи которой бежал в Самарканд, где жил на пенсии туркестанского правительства. При этом известно, что после прихода к власти в Кабуле эмира Абдуррахман-хана Исхак-хан постоянно проживал в Афганском Туркестане и кроме событий 1888 г. других восстаний не поднимал. К тому же из резолюций Александра III и дипломатической переписки по этому вопросу следует, что российский император не знал о планах возбуждения смуты и с самого начала был против поддержки предприятия Исхак-хана.

Вопрос о вмешательстве во внутриафганские политические распри вызвал открытый спор между российскими военными, активно выступавшими за поддержку Исхак-хана, и дипломатами. Последних удерживало от идеи участия России в этом конфликте осознание главной причины, вынудившей Исхак-хана восстать против эмира, а именно безвыходность его положения как попавшего в немилость наместка, вызванного в столицу, по всей вероятности, для совершения над ним казни. Отсутствие безоговорочной уверенности в положительном исходе борьбы мятежного правителя Северного Афганистана с Абдуррахман-ханом, а также возможные негативные последствия продолжения беспорядков – упадок торговли, финансовые осложнения, вызванные необходимостью материальной помощи Исхак-хану, усиление нестабильности в регионе и неустойчивости позиций России в Средней Азии – все это заставляло российские власти придерживаться более сдержанной политики. Наконец, поддержка двоюродного брата эмира, предлагавшего включение своих территорий в состав Российской Империи, была бы явным нарушением российско-британских договоренностей, по которым Афганистан признавался сферой влияния Великобритании.

[535] Там же. С. 29.

Очевидно, что реакция Англии на вхождение в состав России Северного Афганистана была бы более решительной, чем после занятия русскими Пандждеха, а российское правительство стремилось избежать большой войны с Англией.

3.2 «Афганский вопрос» в российской консервативной прессе

В середине 1880-х годов на фоне активного продвижения Российской империи в Средней Азии важной темой обсуждения в отечественных периодических изданиях стал афганский аспект российско-британского противостояния в Азии. «Афганскому вопросу» или проблеме того, какой образ действий необходимо принять России в отношении Афганистана, уделяли внимание видные авторы. Публицисты, в том числе сторонники консервативных взглядов, играли важную роль в формировании российского общественно-политического дискурса.

Что касается освещения этой темы в историографии, то некоторые выдающиеся отечественные востоковеды, в частности Н.А. Халфин, опирались на английскую и российскую печать, чтобы продемонстрировать настроение и реакцию той или иной части общества на события вблизи афганских границ. Историк Е.Ю. Сергеев, в частности, в своей монографии обращается с этой целью к мемуарам князя В.П. Мещерского. Вместе с тем исследователи не ставили перед собой задачу провести комплексный анализ материалов по афганской тематике, печатавшихся в многочисленных российских изданиях конца XIX в.

Такая попытка была предпринята историками Р.А. Арслановым и А.Л. Климашиным, которые, однако, не выделяли афганский аспект из более общего среднеазиатского направления российской политики. В своей работе авторы

рассмотрели ряд публикаций 1877–1895 гг. в журналах «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Исторический вестник» и «Экономический журнал» для выявления уровня осмысления различными как консервативными, так и либеральными общественно-политическими кругами России целей и содержания действий российских властей в регионе в целом, а также степени влияния тех или иных изданий на общественное мнение и решения правительства. Проблема освещения в отечественной публицистике российско-британского противостояния в Средней Азии в XIX в. по-прежнему остается малоизученной. В настоящей диссертационной работе рассмотрены публикации основных представителей консервативной прессы как выразителей идей наиболее близких Александру III.

Описанные выше события на российско-афганской границе в годы правления Александра III подвергались глубокому анализу российских интеллектуальных кругов. Наиболее резонансным стал Пандждехский кризис, вызвавший интерес широкой общественности к среднеазиатским делам. Недаром в мае 1885 г. в «Правительственном вестнике» была опубликована статья генерала А.Н. Куропаткина под названием «Очерк движения русских войск в Средней Азии», подводившая своеобразный итог российским завоеваниям в регионе: «Тяжелая миссия России в Средней Азии пришла теперь к своему естественному концу…», – писал автор.[536]

Большинство изданий ограничивались официозом. Однако наиболее яркие публицисты уделяли пристальное внимание «афганскому вопросу», рассматривая его как часть международного политического контекста, а также предлагали свои идеи о действиях, которые необходимо предпринять России. На образ мысли Александра III некоторое влияние имели консервативные литераторы, такие как редактор газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков (1818-1887), издатель журнала «Русь» Иван Сергеевич

[536] Правительственный вестник. – 1885. – № 95, 1 (13) мая. С. 2.

Аксаков (1823-1886) и редактор журнала «Гражданин» князь Владимир Павлович Мещерский (1839-1914).

Отношение императора к упомянутым публицистам было разным. Александр III имел дружеские отношения с П.В. Мещерским. Открытие в пореформенное время журнала «Гражданин» было вызвано желанием князя оказывать влияние на тогда еще наследника престола Александра Александровича. В 1880-е и 1890-е гг. журнал стал постоянно субсидированным со стороны правительства органом печати и до конца своей истории оставался «царским изданием».[537] После смерти М.Н. Каткова в 1887 г. «Гражданин» стал главным представителем консервативной прессы в стране. Известно, что царь лично заступался за П.В. Мещерского перед Советом Главного управления по делам печати, объявившем «Гражданину» предостережение в связи с «неприличными отзывами о действиях и распоряжениях правительства и о высших государственных учреждениях».[538] С 1884 г. П.В. Мещерский еженедельно составлял и направлял Александру «краткие мемории того, что за неделю истекшую было высказано в газетах, журналах, слышно в общественных толках…».[539]

Известный славянофил И.С. Аксаков во внешнеполитических вопросах критиковал власть за недостаточные, по его мнению, усилия по отстаиванию русских интересов. В результате в 1885 г. изданию было вынесено предостережение за недостаток «истинного патриотизма». Резолюция Александра III гласила: «Все эти господа думают, что они истинно русские и кроме их никого нет. Должно быть, они и меня считают немцем или чухонцем. –

[537] Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П.Мещерского // Известия Саратовского университета, сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. вып. 1. С. 12.
[538] Там же. С. 13.
[539] Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. М. 2018. С. 6.

Слишком легко достается им этот балаганный патриотизм, а к тому же не они отвечают за последствия. Уж я не дам Россию в беду!».[540]

Редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков выступал в качестве политической фигуры, участвовал в решении многих государственных вопросов.[541] Одним из основных элементов внешнеполитической программы М.Н. Каткова стал «национальный эгоизм»[542], который подразумевал отказ от идеологических ограничений с целью защиты национальных интересов. «Государственный деятель без государственной должности»[543] в 1882 г. был удостоен высокого чина тайного советника за заслуги.[544]

М.Н. Катков также часто выступал с критикой правительства за недостаточно жесткую позицию в отношениях с иностранными державами. Не был исключением и «афганский вопрос». Примечательно, что именно вмешательство в сферу внешней политики в 1887 г. было использовано придворными оппонентами редактора для осуществления интриг против него, и в конечном счете стало предметом недовольства императора. Вскоре после конфликта с Александром III М.Н. Катков скончался, а под руководством нового редактора Сергея Александровича Петровского «Московские ведомости» утратили свое политическое значение.[545]

По «афганскому вопросу» упомянутые публицисты в целом имели схожие взгляды, рассматривая события в Средней Азии, прежде всего, как часть европейской политической борьбы. Российско-британское противостояние на афганской границе подавалось как выгодное для европейских держав

---

[540] Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб. 2016. С. 176.

[541] Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н.Каткова: конкуренция за право издания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып. 2. С. 253.

[542] Котов А.Э. М.Н.Катков о модернизации русского флота в 1860-1880-х гг. // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19, № 4. С.1604.

[543] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М. 1991. С. 74.

[544] Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н.Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке вопроса) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 36.

[545] Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н.Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып. 2. С. 260.

предприятие. И.С. Аксаков цитировал канцлера Германии Отто фон Бисмарка (1871-1890), заявившего в январе 1885 г.: «Мы были бы, может быть, вынуждены поддерживать тех, кои, сами того не желая, являются противниками Англии, и могли бы кое-где установить нечто в роде do ut des (даю, чтобы и ты дал)».[546] Отвергая возможность бескорыстной помощи «противникам Англии», т.е. России, со стороны Германии, редактор журнала «Русь» подчеркивал: «Напротив, им бы очень хотелось, чтобы мы избрали себе целью Индию, т.е. кошмар или пугало ея. В этом-то направлении они не прочь и подстрекать «противников» или даже поссорить».[547] Доказывая стремление Германии столкнуть двух своих конкурентов в Средней Азии – подальше от европейских рубежей – И.С. Аксаков приводил выдержки из официозных немецких изданий, в которых, одновременно пугая британцев русским вторжением в Индию, немцы подначивали англичан, называя «жалкими» действия Лондона по поиску компромисса с Петербургом в вопросе об афганской границе: «…для Англии малопочетный приговор», что «английские комиссары не иначе могут туда (даже «в район взятый Англиею как собственная сфера влияния») ездить, как под русскою защитою, избирая путь чрез Закаспийскую область».[548] М.Н. Катков отмечал, что в Берлине открыто стремятся ослабить британцев, в том числе благодаря своим действиям на Востоке: «Надо напомнить, что еще в начале прошлого года Германия хлопотала об учреждении в Персии дипломатической миссии, не скрывая, что этот шаг делается прямо с целью ослабить «влияние Англии в Персии и в странах к востоку от нее».[549] В.П. Мещерский называл Германию единственной стороной, которая оказалась бы в выигрыше от вооруженного конфликта между Россией и Великобританией, сумев таким образом ослабить двух своих соперников.

---

[546] Русь. – 1885 – № 3, 19 января. С. 7.
[547] Русь. – 1885 – № 3, 19 января. С. 7.
[548] Там же.
[549] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С. 111.

На страницах консервативных изданий доказывалась безосновательность обвинений Англии в планировании Петербургом военного похода в Индию. При этом отмечалась необходимость использовать страх британцев за свою богатейшую колонию для оказания давления на Лондон в случае возникновения противоречий на европейском театре, особенно на Балканах. И.С. Аксаков писал: «…Индия может быть *средством* (а не целью) для совершения Россиею заветного дела на Православном Востоке».[550] В этой связи предполагалось воздействовать на британцев, укрепляя свой престиж среди афганцев. М.Н. Катков доказывал, что в действительности Англия опасается не захвата Индии, а сближения России с Афганистаном, которое «претит лондонцам именно потому, что афганцы, приобретя в нас соседей, не замедлили бы признать наше соседство лучшею гарантией своей независимости; они увидели бы в России надежную опору для противодействия английским посягательствам на действительно афганские земли».[551]

Подчеркивалась важная цивилизаторская миссия России в Средней Азии. Отмечалось, что в отличие от англичан, русские осуществляли т.н. «систему наступательной обороны». Продвижение в южном направлении И.С. Аксаков называл «исторически вынужденным распространением»: «Что же касается России и ея поступательного движения в Азии, то правда ея – ярче солнца… С самой зари нашего государственного бытия вплоть до XVIII века включительно приходилось нам отбиваться у себя дома от набегов…».[552] Ему вторил М.Н. Катков: «Мы стояли во всеоружии у знаменитых Каспийских ворот, спасая Европу от гибельных вторжений азиатских хищников…».[553] Особо выделялся нанесенный русской властью удар по рабовладению в Средней Азии.[554]

---

[550] Русь. – 1885 – № 3, 19 января. С. 7.
[551] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С.117.
[552] Русь. – 1885 – № 7, 17 августа. С. 2.
[553] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С. 346.
[554] Там же. С. 91.

Кроме того, консервативная пресса считала необходимым не устанавливать южную границу по Амударье, а довести ее до Гиндукуша, заняв таким образом земли Южного Туркестана. Лишь у И.С. Аксакова не обнаружено упоминаний о необходимости распространить свою власть за Амударью. М.Н. Катков в этом вопросе пошел еще дальше, предложив в 1884 г. совместно с Абдуррахман-ханом занять Хайберское ущелье.[555] Он высказывал неудовлетворение той границей с Афганистаном, которую планировалось установить в середине 1880-х гг. Сразу после занятия Мерва редактор «Московских ведомостей» доказывал, что дальнейшее продвижение на юг жизненно необходимо. По его мнению, Мерв по своему географическому положению мог быть «торговым и административным областным центром, даже сторожевым фортом, но ни коим образом не пограничною крепостью великого государства»,[556] а занятие этого города обязывало русское правительство «к присоединению бассейна реки Мургаба с племенами его населяющими, или так называемого Афганского Туркестана».[557] Приводя описание приграничной североафганской провинции Бадгис, данное корреспондентом «Times» – «благодатный край», «роскошная зеленеющая равнина»[558] – М.Н. Катков сетовал, что России по условиям будущего разграничения предлагают остановиться «как бы у врат земли обетованной».[559]

Представляется интересной мысль, высказанная редактором «Московских ведомостей» о том, что «увеличивать свою и без того громадную территорию насчет Афганистана для России нет надобности».[560] Таким образом, в 1880-х гг. Северный Афганистан, как отмечалось выше, не отличавшийся лояльностью к Кабулу, все еще не представлялся неотъемлемой частью Афганистана.

---

[555] Там же. С. 259.
[556] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1884 год. М. 1898. С. 276.
[557] Там же. С. 277.
[558] Там же. С. 176.
[559] Там же. С. 176.
[560] Там же. С. 281.

Позиция П.М. Мещерского по вопросу «естественной» южной границы России была выражена в опубликованной в «Гражданине» статье Всеволода Владимировича Крестовского «По поводу русско-афганской границы», которая по мнению издателя была составлена «даровито и ясно».[561] В 1882-84 гг. В.В. Крестовский служил чиновником по особым поручениям при Туркестанском генерал-губернаторе Михаиле Григорьевиче Черняеве (1882-1884) и был хорошо знаком со среднеазиатским вопросом. В одном из своих писем-дневников Александру III В.П. Мещерский препровождал вырезку из газеты «Гражданин» с упомянутой статьей. В ней автор утверждал, что граница русских владений непременно должна достичь Гиндукуша. По мнению В.В. Крестовского, нельзя было оставлять области Маймана, Андхой, Акча, Балх и Шиберган во владении афганцев, тем более, что «непререкаемость этих последних на означенные территории еще весьма сомнительна».[562] Легитимность прав России на земли к югу от Амударьи русский офицер подтверждал тем, что многие из этих областей вплоть до 1867 г. подчинялись Бухаре, которая теперь находилась в зависимости от Российской империи. Причиной для включения в состав России этих земель называлась необходимость создания устойчивой границы, с помощью которой можно было бы успешно противостоять, во-первых, возможным грабительским набегам из ханств Южного Туркестана, а во-вторых, экономической экспансии Англии в Среднюю Азию: «Для устойчивости пограничной линии ее необходимо следует вести в район культивированных оазисов, каковы на протяжении данного участка суть: Меручак, Маймене, Андхой, Ахча, Шибирган, Балх, Мазари-Шериф и Таш-курган, которые собственно и должны быть нашими пограничными пунктами…».[563] В.В. Крестовский отмечал: «… естественная сила обстоятельств, рано или поздно, заставит нас двигаться к этому неизбежному пределу. Но есть все

[561] Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. М. 2018. С. 111.
[562] Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. М. 2018. С. 113.
[563] Там же. С. 114.

основания опасаться, что это движение произойдет уже не при таких счастливых условиях, как могло бы быть ныне. … мы должны наконец твердо убедиться, что для нас в Средней Азии нет иной нормальной границы, кроме Гиндукуша, если только мы дорожим там своими задачами, своим спокойствием, своим карманом и своим достоинством, как великая держава».[564]

В журнале «Русь» в августе и сентябре 1885 г. было опубликовано «Письмо из Ташкента», в котором анонимный автор, подписавшийся как «Отставной», утверждал о готовности русских войск дать решительный отпор англичанам в Туркестане и по ту сторону Амударьи: «Не могу без иронической улыбки представить себе то удивление, с которым у твердыни Герата или далее, ближе к Инду, английские полчища наемного сброда встретили бы впервые в степях Азии наш во всех отношениях образцовый, молодецкий и бравый Туркестанский отряд».[565]

Резкой критике подвергалось участие англичан в российско-афганском разграничении. Посредничество Англии оценивалось как вмешательство в среднеазиатские дела с возможным дальнейшим вторжением в российский Туркестан. В этой связи, по мнению М.Н. Каткова, Афганистан уже терял статус буфера, приобретая роль британского военного полигона. Литератор заявлял, что в случае участия Англии в определении русско-афганской границы, Россия имеет право «вызваться к посредничеству между Англией и Афганистаном по исправлению юго-восточных афганских границ со стороны Индии»[566], а в обмен на занятие русскими Южного Туркестана Россия могла бы предоставить эмиру помощь в «исправлении границ его владений на северо-востоке. В последнем отношении для Абдурахмана, конечно, была бы дорога русская помощь…».[567] Под юго- и северо-восточными территориями понимались земли

[564] Там же. С. 117-118.
[565] Русь. – 1885 – № 7, 17 августа. С. 18.
[566] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1884 год. М. 1898. С. 347.
[567] Там же. С. 279.

полунезависимых пуштунских племен, на которые претендовали и Лондон, и Кабул, и которые, по англо-афганскому соглашению 1893 г., вошли в состав Британской Индии.

М.Н. Катков, И.С. Аксаков и В.П. Мещерский призывали власть занять более твердую и даже жесткую позицию в отношениях с Великобританией по афганским делам. В этом контексте дипломатия подвергалась критике за излишнюю, по мнению консерваторов, осторожность, в противоположность военному ведомству, удостаивавшемуся похвалы за решительность действий. Стремление дипломатии избежать войны с Англией воспринималась ими как слабость. В.П. Мещерский в 1885 г. выражал уверенность в том, что не следует бояться боевых действий с Англией, поскольку британцам вмешаться в войну не позволит кризис в Судане. В газете «Русь» в декабре 1885 г. была опубликована статья «Об убыточности для нас войны в экономическом отношении»,[568] автор которой (некий Талицкий), допустив, что против России объявили войну соединенные Германия, Австрия, Англия и Турция, в своем анализе приходит к выводу, что война не окажет пагубного воздействия на российскую экономику, а некоторые ее отрасли даже выиграют от этого.[569]

---

[568] Русь. – 1885. – № 23, 6 декабря. С. 9-11; 13; Русь. – 1885. – № 24, 14 декабря. С. 9-13.

[569] Русь. – 1885. – № 24, 14 декабря. С. 13:

«Мы считаем доказанным следующие положения:

1) Война может вестись совершенно правильно на кредитные деньги.

2) Ценность рубля внутри России не упадет даже тогда, когда будет выпущено для военных целей вдвое большее количество кредитных знаков, сравнительно с существующим.

3) Война сама собой погасит наши внешние долги и половину внутренних займов, которые будут выкуплены правительством, без убытка для владельцев бумаг.

4) Война увеличит в громадных размерах внутреннее производство и потребление, а следовательно создаст и удовлетворит вполне нужду в увеличенном количестве денежных знаков. Обращение продуктов увеличится вследствие того что:

а) русскому народу придется самому срабатывать все то, что прежде ввозилось;

б) останутся в пользу русского труда те деньги, которые проживались русскими путешественниками за границей;

в) останутся те капиталы, которые вывозились из России обогащающимися у нас иностранцами;

г) останутся те проценты, которые мы платим иностранцам.

5) Вследствие приостановки платежей, добываемого в России золота с избытком хватит на покупку тех предметов, которые в России не производятся, но без которых нельзя обойтись, например лекарственные вещества, олово.

6) Война разрушит до основания и бесповоротно нынешнюю нашу финансовую систему, основанную на сокращении количества знаков внутри страны и на совершенно непроизводительных займах внутренних и внешних. Правительство будет вынуждено перейти к иной системе и признать кредитный рубль абсолютной денежной единицей, относящейся к золоту не как к фонду, но как к товару.

В.П. Мещерский в 1885 г. писал царю: «Тон английских газет, задорный и воинственный, как будто задает себе задачу нас запугать. А послушать наших дипломатов, оказывается, что нам следует держаться тона умеренного по той де причине, что мы к войне не готовы. Вот уж жевание все той же роковой нелепости, завещанной нам кн. Горчаковым».[570] Не менее красноречиво писала «Русь»: «Вообще ничего нет слабодушнее русской азиатской политики относительно Англии за последние 50 лет. Забота: «что скажут англичане», или: «как бы не раздражать англичан», если не парализовала, то до крайности замедляла исторический ход нашей наступательной обороны».[571] Виновником такого «слабодушия» И.С. Аксаков называл работу МИД: «…если наша дипломатия – Манилов, вечно утопающий в слащавых мечтах о «дружбе», то история – Собакевич и по медвежьи, то и дело, ступает дипломатии на ноги…».[572]

В этой связи бой у р. Кушк вызвал самое горячее одобрение в консервативной прессе. И.С. Аксаков писал: «Точно благодатная роса на жаждущую землю, пали на тоскующую русскую душу известия об ответах русского правительства назойливым, оскорбительным требованиям англичан. И тем могущественнее было действие этих ответов на Россию, что ведомо было каждому – кому именно обязан он таким неожиданным, подъемлющим дух утешением: не дипломатии же нашей, давно сумевшей подорвать к себе уважение и доверие родной страны!».[573]

Именно жесткость в отношении с Англией представлялась консерваторам ключом к сохранению мира: «чем слабее наш тон, – писал царю В.П. Мещерский – тем ближе мы к войне»[574] и поэтому «так желательно, чтобы наши дипломаты

и 7) Война создаст и упрочит нашу экономическую самостоятельность. По ее окончании иностранная промышленность будет уже не в силах вернуть ни своего прежнего ввоза, ни своих прежних рынков.
Таковы будут чисто экономические результаты для нас европейской войны. Народ инстинктивно понимает это, и в нем нет страха перед войной, как у петербургских финансистов».

[570] Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. М. 2018. С. 105.
[571] Русь. – 1885 – № 7, 17 августа. С. 4.
[572] Там же. С. 5.
[573] Там же. С. 2.
[574] Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. М. 2018. С. 106.

не дали бы нашему тону с английским кабинетом понизиться».[575] М.Н. Катков на вопрос о причине согласия англичан на занятие русскими положения вблизи Герата замечал: «Ответ ясен: потому что мы заняли эти позиции без спроса и без оговорки, что уйдем, когда потребуется».[576] «Если бы мы обнаружили хотя малейшее колебание и нерешимость, – отмечал редактор «Московских ведомостей» – если бы мы хотя на секунду забыли нашу национальную честь и дали бы разыграться обычному нахальству наших противников, война была бы неизбежна…».[577]

Упомянутый в 1-й главе английский журналист У.Т. Стэд указывал на воинственные настроения не только британской, но и российской консервативной прессы: «Вся печать в Великобритании, за исключением, однако, «Pall Mall Gazette» грозила войной России. В Москве было то же настроение».[578] Миролюбивые статьи проживавшей в Лондоне русской писательницы О.В. Новиковой о необходимости снижения напряженности в отношениях Петербурга и Лондона хоть и печатались в «Московских ведомостях», но вместе с этим «Катков смотрел на нее, как на мечтательницу, и читающая публика не разделяла ее мнения, а некоторые считали ее чуть ли не изменницей».[579]

Александр III, прислушивавшийся к консерваторам и высоко ценивший военное ведомство, во внешней политике не спешил прибегать к действиям, способным спровоцировать вооруженный конфликт, предпочитая опираться на так сильно критикуемую своими идейными сторонниками дипломатию. В этом отношении показателен малоизвестный эпизод, последовавший за Пандждехским кризисом.

---

[575] Там же.
[576] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С.127.
[577] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С. 196.
[578] У.Т. Стед. Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой. Пер. Е.С. Мосоловой. Петроград. 1915. С. 111.
[579] Там же. С. 111-112.

В первые дни после окончания сражения у р. Кушк европейскую, а затем и российскую прессу облетело определение столкновения русских и афганцев, высказанное министром иностранных дел Российской империи Н.К. Гирсом – «прискорбный случай» («incident fâcheux»). Так Н.К. Гирс охарактеризовал бой у р. Кушк в объяснениях с британским послом Э. Торнтоном, стремясь не только не нарушить хода переговоров с англичанами по определению упомянутой выше границы между туркестанскими владениями Российской империи и Афганистаном, но и в целом снизить напряженность в отношениях с Великобританией.

Французское слово «fâcheux» среди прочих имеет такие определения,как «досадный», «неприятный», «нежелательный», «неблагоприятный» и т.д. Сам Н.К. Гирс вкладывал в слово «fâcheux» значение «прискорбный», но в ходе заседания британского парламента 9 апреля 1885 г., обсуждавшего событияна севере Афганистана, премьер-министр У. Гладстон употребил слово «несчастный» («unhappy»), заявив: «Вчера, еще до получения нашего запроса г-н Гирс выразил сэру Эдуарду Торнтону серьезную надежду, что этот *несчастный* инцидент не будет препятствовать переговорам…».[580] В такой форме, а именно в речи У. Гладстона, фраза Н.К. Гирса была освещена сначалав «Times» (выпуск от 10 апреля)[581] и других британских изданиях, а затем появилась и в российской прессе.

Слова министра иностранных дел вызвали резкое недовольство Александра III, который поставил такую резолюцию на сообщении о беседе Н.К. Гирса с британским послом: «Весьма сожалею об этом выражении, которого не могу одобрить». На последовавшее объяснение министра император ответил: «Очень досадно это выражение, которое облетело теперь всю Европу и дальше.

[580] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 9.
[581] Там же. Л. 17.

Вот доказательство, как надо быть осторожным в выражениях. Это обидно для русской чести».[582]

Некоторое время после битвы не было известий о ее деталях, что порождало различные спекуляции в печати. Наконец, 11 апреля военный министр П.С. Ванновский передал царю полученную им телеграмму генерала А.В. Комарова, содержавшую подробное описание сражения, а также объяснения обстоятельств, побудивших русские войска вступить в бой с афганцами. Отметив, что действия А.В. Комарова были полностью оправданы, государь передал сообщение генерала Н.К. Гирсу со следующей резолюцией: «Это совершенно оправдывает действия Комарова, впрочем, я ни минуты не сомневался, чтобы Комаров был неправ. Еще раз это доказывает, что мы имеем дело с величайшими нахалами (англичанами) и как поспешно было выражение «fâcheux»! Если за это слово у нас нападут на дипломатию, то и поделом. Главное не теряться и не трусить, а Вы, Министр иностранных дел, струсили!».[583]

Употребив выражение «fâcheux», Н.К. Гирс «вовсе не помышлял относить его к действиям Комарова, а к тем обстоятельствам, которые вынудили его прибегнуть к строгой каре»[584], – как он сам отмечал в докладе царю. Совершенно понятна дипломатичность высказываний российского министра, избегавшего обострения отношений с Англией. Однако из-за этой фразы Н.К. Гирса часть российской общественности действительно «напала на дипломатию», пытаясь так или иначе интерпретировать слова российского министра. В газете «Голос Москвы» писали: «Для русского читателя далеко не безразлично – сказаны ли русским министром такие слова, от которых нужно открещиваться, или такие, которыми нужно гордиться?».[585]

---

[582] Там же. Л. 7.
[583] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 10.
[584] Там же. Л. 11.
[585] Там же. Л. 17. Выдержка из газеты «Голос Москвы».

Известно, что в кругах консерваторов Н.К. Гирс подвергался постоянным нападкам и обвинениям в «западничестве». Активно в этом направлении действовали упомянутые выше «Московские ведомости», редактор которых добивался отставки министра иностранных дел. Как отмечает в своих мемуарах начальник Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (1883-1896) и литератор Евгений Михайлович Феоктистов, во время одной из встреч с императором М.Н. Катков «позволил себе заметить, что Гирс не может пользоваться доверием публики уже потому, что носит нерусское имя».[586] Было бы естественно для отечественных консервативных изданий, критиковавших внешнеполитическую деятельность Н.К. Гирса, использовать возможность интерпретации перевода слов министра для того, чтобы выставить его в невыгодном свете. Неудивительно, что вызвавшие недовольство царя сомнения о смысле и значении двух слов министра были высказаны петербургской газетой «Свет», издателем и редактором которой был славянофил, брат генерала А.В. Комарова полковник Виссарион Виссарионович Комаров. «Что за несчастный случай, – писала газета – дело, которое радует всю Россию!».[587] Однако «Московские ведомости» трактовали фразу министра не так, как можно было бы от них ожидать: «Статс-секретарь Гирс заметил, что этот «incident fâcheux» не препятствует начатию переговоров… В самом деле, разве такой случай может считаться приятным?.. Курьезно еще то, что слова «incident fâcheux», относящиеся к обстоятельствам, вынудившим русского начальника дать афганцам кровавый урок, одна из русских газет, издаваемая в Петербурге, поняла в смысле сетования на действия генерал-лейтенанта Комарова, полагая, что русский министр сожалеет о победе, одержанной русскими войсками!».[588]

---

[586] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896. М. 1991. С. 250.
[587] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885. Л. 17.
[588] Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М. 1898. С. 158.

Вместе с тем переписка Александра III демонстрирует и то влияние консервативных кругов, которое испытывал на себе император. Возможно, оценка выражения «incident fâcheux», данная в «Московских ведомостях» также быстро успокоила императора, как и до этого статья газеты «Свет» возбудила в нем недовольство фразой Н.К. Гирса, в которой вряд ли можно усмотреть крамолу или трусость. Резкость резолюций императора вполне соотносится с чертой его характера, о которой сам Н.К. Гирс говорил: «У него свирепое перо» («il a la plume féroce»), но при этом современники отмечали, что «при личном объяснении он конфузился, как бы совестился сказать что-нибудь неприятное человеку, возбудившему его неудовольствие».[589]

Несмотря на влияние консервативных публицистов государь и не думал оправлять Н.К. Гирса в отставку, высоко оценивая работу министра, прослужившего на своем посту все время царствования Александра III. На критику М.Н. Каткова в адрес министра иностранных дел царь отвечал так: «При теперешних обстоятельствах он для меня как нельзя более пригоден. Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на нее, не приготовившись как нужно; поневоле надо медлить, стараться выиграть время, не надо зарываться, а Гирс такой человек, что не зарвется; осторожность – драгоценное в нем качество»[590].

В отношении «афганского вопроса» консервативные авторы выступали за продолжение территориальной экспансии к югу от Амударьи, отрицая при этом наличие у России интересов в Афганистане (понимая афганскую территорию как земли к югу от Гиндукуша) и Индии. Их не только не устраивало направление российско-афганской пограничной черты, но также и факт участия в разграничении Великобритании.

---

[589] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М. 1991. С. 249.
[590] Там же. С.250.

Резкой критике подвергались действия российской дипломатии, представлявшиеся чересчур мягкими. Мирное урегулирование споров с Англией воспринималось как проявление слабости. Мнение упомянутых авторов в этих вопросах разделили представители российского военного ведомства. Последним неоднократно предоставлялась возможность выражать свое мнение по афганским делам на страницах консервативной прессы.

Несмотря на близость взглядов с публицистами-консерваторами, Александр III в афганских делах не принял ни одного решения, солидарного с идеями по этой проблематике, высказывавшимися в рассмотренных нами изданиях: российско-афганское разграничение осуществлялось во взаимодействии с британским правительством, а Россия отказалась от идеи территориальных приобретений на левом берегу Амударьи даже после того, как после победы у р. Кушк и обращения Исхак-хана за помощью в борьбе с эмиром для этого появился благоприятный повод.

Отказ от вмешательства во внутренние дела Афганистана в противовес идеям тех, кто выражал мнение реакционной части российской общественности, было присуще правительству Александра III. Вместе с тем российский император показывал готовность отстаивать интересы государства в том числе военной силой там, где это было необходимо. Это доказывает, в частности, его реакция на действия генерала А.В. Комарова, жестко ответившего на подготовленную британцами авантюру в Пандждехе. Спокойная твердость царя охлаждала пыл и англичан – было понятно, что переход установленных в Петербурге «красных линий» будет жестко пресекаться, а поэтому выгоднее искать компромиссы, – и отечественных реакционеров, призывавших к действиям, способным привести к обострению конфронтации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление российских и афганских источников, а также изучение ранее не исследованных архивных материалов дали возможность по-новому взглянуть на некоторые аспекты политики Российской империи в отношении Афганистана в годы правления Александра III.

В настоящей работе широко представлены действовавшие на афганском направлении дипломаты, военные, а также агенты из числа местных жителей. Все они внесли большой вклад в изучение Афганистана, процесс которого интенсифицировался по мере нарастания напряженности в отношениях России и Англии в азиатском регионе. Выстраивание системы информационно-аналитической работы таже имело ряд специфических черт по причине вовлеченности афганского государства в орбиту британских нтересов. В связи с тем, что официальный Кабул признал себя протекторатом Великобритании, Россия не могла иметь в Афганистане официального представителя, поэтому получение сведений об этой стране во многом базировалось на разведывательной деятельности. Кроме того, многие участники рассматриваемых событий проявили себя и как ученые, значительно обогатившие востоковедение научными знаниями об Афганистане. Информация об этой стране, добытая российскими военными и гражданскими служащими, стала ценным материалом для дипломатов, в частности в ходе переговоров об определении российско-афганской границы.

Проведенный анализ показал, что даже к середине 1880-х гг. география Афганистана, а также различные аспекты общественно-политической и экономической жизни этого государства оставались неизвестны российским властям. В результате поездок русских путешественников к границам этой страны в начале 1880-х гг. были добыты новые сведения о жизни местных жителей, географии региона, горных проходах и путях сообщения, ведущих к

важным стратегическим пунктам северных афганских областей. Такие акции носили научно-разведывательный характер и имели политические последствия. Так, в частности, активные исследования П.М. Лессара в окрестностях Герата подтолкнули англичан к возобновлению переговоров об установлении российско-афганской границы, а посещение Д.В. Путятой Рушана и Шугнана вынудило кабульского эмира направить в эти области свои войска.

Обострение российско-британских противоречий после Пандждехского кризиса, грозившего вылиться в вооруженное противостояние с Великобританией, в том числе на афганской территории, вызвало необходимость получения более детальной информации об Афганистане. В этой связи российские специалисты предприняли ряд шагов по изучению северных областей этой страны, включая разведывательные акции непосредственно на афганской территории. Российские военные также сыграли важную роль в исследовании Памира и распространении там российского влияния.

В рассматриваемый период к западу и северу от Афганистана были открыты три российских представительства: политическое агентство в Бухаре (1885), а также консульства в Кашгаре (1882) и Мешхеде (1889). Эти шаги позволили значительно укрепить позиции России на афганских границах, а также оказывать противодействие английскому влиянию в регионе. Руководители упомянутых учреждений активно собирали сведения об Афганистане, в том числе благодаря налаживанию агентурной работы с привлечением местных жителей.

Важным аспектом политики России в Средней Азии было установление российско-афганской границы, лишь северная часть которой – по р. Амударье – уже была определена к началу царствования Александра III. В рассматриваемый период этот процесс получил дополнительный импульс и осуществлялся в два этапа: установление северо-западной, а затем северо-восточной частей границы. Пограничное урегулирование, которое в годы правления Александра III было

почти окончательно завершено, можно считать основным аспектом российской внешней политики на афганском направлении в рассматриваемый период.

Для российских властей продвижение в южном направлении было концептуально обосновано идеей установления безопасной пограничной черты. В отношении северо-западной части пограничной линии, где отсутствовали естественные преграды, Петербург придерживался «этнографического» принципа, настаивая на включении в состав российской территории туркменских земель для обеспечения порядка и прекращения грабежей. Эта цель была достигнута по итогам комплексной работы по разграничению (1884-1888), включавшей как политико-дипломатические действия, так и военные акции.

Ключевым событием в этом процессе стала победа русских военных над руководимым англичанами афганским отрядом у р. Кушк. Продемонстрировав твердость в стремлении объединить туркменские племена под своей юрисдикцией и не допустить афганцев и англичан в туркменские степи, Россия нанесла тяжелый удар по престижу Англии в глазах местного населения. Пандждехский инцидент имел большой резонанс в регионе и мире, привел к этнополитическому переустройству североафганских областей. В это время у афганцев и народов, проживавших к югу от Гиндукуша, формируется образ России как сильного государства, способного бросить вызов Британии. Недовольные британцами силы в Азии и Европе восприняли победу русского отряда как слабость Лондона и решили воспользоваться ситуацией в своих интересах. Результатом стало направление обращений в адрес российских официальных лиц с выражением готовности принять сторону Петербурга в возможном вооруженном конфликте или даже перейти в русское подданство.

С другой стороны, противники недавно учрежденной в Средней Азии русской администрации нашли в пандждехском инциденте повод для недовольства. Интерпретируя вооруженное столкновение с афганским отрядом как нападение «неверных» на «защитников ислама», они намеревались найти

союзника в лице кабульского эмира для поднятия восстаний. Кроме того, британцы вызвались усилить свое военное присутствие в Афганистане, в частности, на его северной границе. Все это могло бы резко дестабилизировать ситуацию в регионе. В этих условиях позиция Абдуррахман-хана, отказавшегося помочь среднеазиатским мятежникам и воспротивившегося вводу английских войск на территорию своей страны, не позволила осуществиться такому сценарию.

Важную роль в афганском разграничении сыграли участники российской части совместной российско-британской комиссии, которой было поручено на месте определить направление пограничной черты. В рамках этой работы северо-западные афганские провинции подверглись тщательному исследованию. Были составлены карты местности, изучена топография и различные аспекты жизни местных жителей. Члены российской части комиссии твердо отстаивали «этнографический» принцип разграничения. После возникновения спора относительно пункта, где граница должна была примкнуть к р. Амударье, дело было передано на обсуждение Петербурга и Лондона. Российские дипломаты путем переговоров сумели добиться мирного урегулирования, позволившего Петербургу установить границу южнее рубежей расселения основной части туркмен и, таким образом, подойти вплотную к стратегически важной гератской области.

В 1890-е гг. на северо-востоке Афганистана развернулась ожесточенная борьба за Памир, обладание которым давало возможность оказывать политическое влияние не только в северном Афганистане, но также и на северо-западе Индии. Высокое стратегическое значение Памира заставило Англию предпринять все возможные усилия, чтобы создать барьер между русскими и британскими владениями в Азии. Британцам удалось решить эту задачу, заключив в 1893 г. договор с афганским эмиром, в соответствии с которым Афганистану досталась узкая полоса Ваханского коридора, соединяющего

территорию Афганистана с Китаем. Россия, в свою очередь, решительными действиями военных, выдворивших в 1891 г. из района спорных памирских территорий английских офицеров Янгхасбенда и Девисона, а в 1892 г. одержавших победу в вооруженном столкновении над афганцами, а также усилиями генерального консульства в Кашгаре в конечном счете очистила от афганского присутствия Шугнан и Рошан на правом берегу р. Пянджа, по которой позже была проведена граница с Афганистаном. Результаты разграничения на Памире «легли на бумагу» немногим позже исследуемого периода (1895), однако основные события в этом процессе произошли в годы правления Александра III.

В отечественной и европейской историографии российско-афганское разграничение, как правило, рассматривается лишь как результат противостояния России и Великобритании в регионе. Хотя эту концепцию в целом можно признать оправданной в контексте глобальной борьбы двух империй за влияние в Азии, все же представлялось важным охарактеризовать подход афганцев к правовому аспекту определения государственной принадлежности спорных территорий. В отношении Бадахшана и Памирских земель как российские, так и английские авторы отмечали эфемерный характер власти эмира. Кабул не имел исторических прав на эти области, Ваханский коридор и вовсе был навязан Афганистану британцами в собственных интересах.

Вместе с тем в настоящей работе обстоятельно доказано, что официальный Кабул не без оснований считал частью своего государства туркменские земли к северу от Герата. Разрозненные племена туркмен, несмотря на ведение полунезависимого образа жизни, были вынуждены признавать политическое покровительство пуштунских правящих династий задолго до утверждения русской власти в регионе. Это обстоятельство представлялось афганцам достаточным для оправдания своих требований оставить за ними земли туркмен, плативших дань правителям Герата. При этом англичане использовали

афганские оценки государственной принадлежности упомянутых областей для выработки собственной «политической» концепции российско-афганского разграничения в противовес российскому этнографическому принципу с целью отодвинуть пограничную черту как можно дальше на север от Герата.

Определение границы между Российской империей и Афганистаном привело к пуштунизации Северного Афганистана и Бадахшана, их политико-культурному обособлению от узбекских областей Средней Азии и памирских земель к северу от р.Пяндж соответственно, консолидации большей части туркмен под властью России и установлению безопасности в районе российско-ирано-афганского приграничья.

Важным этапом «афганской» политики Российской империи стало решение о неучастии в восстании губернатора Северного Афганистана Исхак-хана в 1888 г., который предложил русской администрации в Средней Азии перейти под власть России в обмен на поддержку его мятежа против эмира Абдуррахман-хана. В Петербурге учли возможные негативные последствия такого шага при отсутствии безоговорочной уверенности в положительном исходе борьбы мятежного правителя Северного Афганистана с эмиром: упадок торговли, финансовые осложнения, вызванные необходимостью материальной помощи Исхак-хану, усиление неустойчивости позиций России в Средней Азии, а также обострение напряженности в отношениях с Лондоном. Позиция русских властей, поддерживавших контакты с обеими сторонами конфликта, но отказавшимися от непосредственного участия во внутриафганских распрях, продемонстрировала свою эффективность в поддержании стабильности в регионе.

В ходе исследования выявлены различия в подходах российских дипломатов и военных к различным аспектам «афганского» вопроса. Первые предпринимали все усилия для сохранения мира с Англией, считая необходимым избегать резких действий, которые могли бы быть восприняты в Лондоне как

агрессивные. Внешнеполитическое ведомство исходило из того, что Афганистан являлся сферой влияния Англии, и выступало за осторожность в отношениях с южным соседом. Суть такой политики выразил директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев: «В дела страны этой можно вмешаться не на риск, а лишь на основании зрело обдуманного плана, в котором должны быть предусмотрены и все последствия».[591]

Военные, напротив, полагали целесообразным более активные действия в отношении Афганистана, считая возможным именно здесь побороться с Англией. Изученные нами архивные материалы подтверждают, что представители военного ведомства в 1880-е гг. не оставили идею распространить русское влияние за афганские пределы на территорию Индии, что доказывает деятельность Н.А. Нотовича на афганских рубежах. Некоторые офицеры также предпринимали попытки занять районы Северного Афганистана уже после установления северо-западной российско-афганской границы. Это свидетельствует о несогласии части русских военных с официальной внешнеполитической линией российского правительства и той границей, которая была определена в ходе работы смешанной комиссии и последовавших за ней переговоров.

«Афганский вопрос» привлекал также большое внимание российских публицистов, в частности, из числа консервативных кругов. Исследование работ наиболее влиятельных авторов позволило выделить основные принципы, продвигавшиеся ими на страницах своих изданий. Прежде всего, ими подчеркивалась необходимость территориальной экспансии к югу от Амударьи, при этом отрицалось наличие у России интересов в Афганистане (под собственно афганской территорией понимали земли к югу от Гиндукуша) и Индии.

[591] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888. Л. 72.

Консерваторов не только не устраивало направление российско-афганской пограничной черты, но также и факт участия в разграничении Великобритании.

Резкой критике подвергались действия российской дипломатии, представлявшиеся чересчур мягкими. Стремление избежать войны с Англией и добиться мирного урегулирование споров воспринималось как проявление слабости. Действия военных, наоборот, удостаивались самых высоких оценок. Последние разделяли подходы реакционных авторов, и им неоднократно предоставлялась возможность выражать свое мнение по афганским делам на страницах консервативной прессы.

Общее направление российской политики в отношении Афганистана в годы правления Александра III характеризовалось стремлением правительства не вмешиваться во внутренние дела афганского государства, признавая его сферой влияния Англии, и одновременно с этим не допустить распространения интересов Великобритании дальше определенных российскими властями территориальных пределов. Военные своими действиями неоднократно демонстрировали твердость российских позиций, а дипломаты – готовность находить компромиссные пути решения острых споров в отношениях с Лондоном. Важной целью Петербурга было окончательное установление российско-афганской границы для предупреждения дальнейших противоречий в регионе. В результате в рассматриваемый период свое оформление получил пограничный рубеж, который и сегодня служит государственной границей Афганистана со странами Центральной Азии. В целом направление этой черты соответствовало российским интересам, хотя Петербургу пришлось пойти на некоторые уступки. Решения царя по всем аспектам афганской политики соотносилось с рекомендациями МИД. Будучи единомышленником консерваторов по многим вопросам внутренней политики, а также человеком, обладающим военным опытом, в афганских делах Александр III не принял ни одного решения, солидарного с идеями военных по этой проблематике, а также

высказывавшимися в рассмотренных периодических изданиях: российско-афганское разграничение осуществлялось во взаимодействии с британским правительством, непрерывно шел переговорный процесс с Англией, а Россия отказалась от идеи территориальных приобретений на левом берегу Амударьи даже когда после победы у р. Кушк и восстания Исхак-хана для этого появлялся благоприятный повод. Имевшие место военные авантюры к югу от Амударьи не находили поддержки в Петербурге. Все это говорит о том, что Александр III, по крайней мере, в афганском вопросе больше полагался на мнение внешнеполитического ведомства.

Афганский вопрос во внешнеполитическом дискурсе Российской империи прежде всего был связан с проблематикой установления южной границы не только с Афганистаном, но, как это понималось государством и общественностью, также с зоной британских интересов. Наиболее яркие события в российской политике на афганском направлении в рассматриваемый период, такие как боестолкновения с отрядами афганцев, работа разграничительной комиссии и открытие консульских учреждений у афганских границ так или иначе были связаны с очерчеванием этого рубежа и осознанием необходимости следить за тем, что происходит по другую сторону этой важной пограничной черты.

Первоисточником служили отчеты дипломатов и военных, выполнявших те или иные задачи непосредственно в пограничной зоне, а иногда и на территории Афганистана. Эти тексты составляли ядро дискурсивного поля, которое играло впоследствии важную роль в формировании следующих уровней внешнеполитического дискурса – государственного и общественного. Примером этого в первом случае служат тексты закрытого характера (служебные записки, отчеты и резолюции Александра III), связанные с вопросом об участии во внутриафганском политическом конфликте между эмиром Абдуррахман-ханом и правителем Северного Афганистана Исхак-ханом, а во втором – полемика на

страницах консервативной прессы о российской политике по отношению к Афганистану в целом.

В настоящей диссертации достигнуты все поставленные задачи. Вместе с тем в результате работы обнаружился ряд вопросов, которые можно назвать мало или совсем неизученными и по которым было бы полезно продолжить исследования. Среди них: учреждение российских представительств на границах с Афганистаном в конце XIX в. в контексте российско-британского противостояния в Средней Азии; деятельность наиболее выдающихся офицеров и дипломатов, принимавших непосредственное участие в упомянутом противоборстве; отношения России с афганцами в процессе установления границ на Памире; история расселения пуштунов на севере Афганистана и др. Автор выражает надежду на то, что в будущем российским востоковедам удастся ознакомиться с материалами, хранящимися в Архиве Арга в Кабуле, где в последние годы республиканского режима проводилась работа по восстановлению и каталогизации документов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

1. Архивные документы

1.1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 1. Канцелярия министра.

Опись 470.

1. Дело № 33. Доклады. – 1885.
2. Дело № 39. Секретные телеграммы из Турции, Персии и Афганистана. – 1888-1889.

Ф. Секретный архив министра.

Опись 467.

3. Дело № 90/97. Доклады Гирса и телеграммы поверенного в делах в Берлине и посла в Лондоне об англо-русском конфликте на р. Кушке. – 3 марта-1/13 мая 1885.
4. Дело № 121/127. Переписка Гирса с английским послом в Петербурге и послом в Лондоне по поводу пограничного инцидента на Памире. – 1892.

Ф. 147. Среднеазиатский стол.

Опись 485.

5. Дело № 554. По поводу возникшего между бухарскими и афганскими властями спора о переправе Ак-Кум на Амударье. – 1890.
6. Дело № 685. Слухи о движении английского отряда через Читрал в Бадахшан, английский генерал Локхарт. – 1886.

7. Дело № 687. По поводу прибытия в Мешхед четырех белуджских ханов: Афзал-хана, Сузил-хана, Шир-Момед-хана и Шербет-хана, выразивших агенту нашему желание отправиться в Асхабад для ходатайства о принятии управляемых ими племен под покровительство России. – 1888.
8. Дело № 696. По поводу намерения правителя Чарвилаета (Афганский Туркестан) Исхак-хана отложиться от эмира афганского и обращения Исхак-хана к русскому правительству за содействием. Отношение наше к этим делам. – 1888.
9. Дело № 757. Сведения о событиях в Афганистане за август-октябрь 1887. – 1887.
10. Дело № 787. Разная переписка, касающаяся лично эмира афганского Абдуррахман-хана. Слухи о смерти его. Воцарение Хабибулла-хана. – 1896-1901.
11. Дело № 820. О санитарном состоянии Афганистана. – 1892.
12. Дело № 822. Об отправлении начальником Закаспийской области посланца Таш-Назара в Герат с известием о кончине императора Александра III и о восшествии на престол императора Николая II. – 1895.
13. Дело № 887. По поводу отправления смешанной русско-английской комиссии для выполнения на месте постановлений подписанного в Санкт-Петербурге 10/22 июле 1887 г. русским и английским уполномоченными Протокола относительно северо-западной границы Афганистана, и о назначении делегатами: со стороны России – генерального штаба капитана Комарова; и со стороны Великобритании – подполковника Иэта. – 1887.
14. Дело № 888. Об изготовлении в военно-топографическом отделе главного штаба карты северо-западной границы Афганистана, проведенной на основании Лондонского протокола 4 августа 1883 г. и Петербургского протокола 10 июля 18887 г. – 1888.

15. Дело № 1169. Депеши Посла в Лондоне по Среднеазиатским, Афганским и Индийским делам – 1876. Тут же: Сведения, доставляемые нашим Военным Агентом по таким же делам – 1881.
16. Дело № 1262. Всеподданнейшие отчеты Туркестанского генерал-губернатора. – 1885-1909.
17. Дело № 1271. Донесения Чарыкова о положении дел в соседних с Туркестанским краем независимых владениях, а также Афганистане и Индии. – 1884-1886.
18. Дело № 1285. Туркестанское генерал-губернаторство: разрозненные документы. Здесь же: копия с секретной инструкции министра иностранных дел генерал-адъютанту фон Розенбаху от 4 мая 1884 г. Здесь же: документы по вопросу об управлении Туркестанским краем. – 1884-1892.
19. Дело № 1292. По поводу отправления императорским географическим обществом штаба капитана Громбчевского для исследования горных долин Гиндукуша и в особенности в Кафиристан. – 1889.
20. Дело № 1305. По поводу поездки корреспондента газеты «Новое время» г. Нотовича в Мешхед и в Гератскую область. – 1885.
21. Дело № 1306. По поводу командирования консула в Гиляне кол. сов. Власова в Мешхед для ознакомления с положением дел в Хорасане и для изучения способов получения сведений из Афганистана. – 1887.
22. Дело № 1310. По поводу прикомандирования генерального штаба капитана Стрельбицкого на два месяца к генеральному консульству в Мешхеде. – 1891.
23. Дело № 1311. Об учреждении пароходства на Амударье – 1885.
24. Дело № 1610. Статистические сведения о некоторых округах Хорасана, доставленные генеральным консулом в Мешхеде ст. сов. Власовым. – 1894.

25. Дело № 1640. По прошению жителя г. Маргилана Хаджи Султан-бая Мохаммед Али-Ходжаева о возврате ему денег и имущества, отобранных у него афганцами по проходе через Кабул. – 1893.
26. Дело № 3040. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана. – 1889.
27. Дело № 3054. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве. – 1888.
28. Дело № 3062. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1889.
29. Дело № 3063. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1890.
30. Дело № 3064. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1891.
31. Дело № 3065. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1892.
32. Дело № 3066. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1893.

33. Дело № 3079. Мохаммад Юсуф Гератский. Доставление сведений о Хорасане и Афганистане. – 1901.
34. Дело № 3108. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым. – 1894.
35. Дело № 3385. Записки: генерала А.Н. Куропаткина «Наши задачи в Афганистане» и ген. ад. Скобелева «О походе на Индию». – 1897.

1.2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 445. Афганистан.

36. Дело № 27. Дело Азиатской части № 70. Часть 2. – 1885.
37. Дело № 28. Дело Азиатской части № 97. Секретное. Со сведениями об афганском сердаре Мамед-Хасан-хане и Эюб-хане. – 1885.
38. Дело № 34. Донесения начальника штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет о положении в Афганистане и на Памире. – 1891-1897.

1.3. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 565.

Опись 14.

39. Дело № 97. Отношение министра иностранных дел Н.К. Гирса министру финансов И.А. Вышнеградскому по вопросу об оказании финансовой поддержки бывшему правителю Чарвелаета Исхак-хану и его приверженцам.

Ф. 932.

Опись 1.

41. Дело № 467. Протокол соглашения между русским и английским правительствами, предписание Азиатского департамента МИД российскому комиссару по определению северной границы Афганистана и письма кн. А.М. Дондукова-Корсакова военному министру об установлении русско-афганской границы, отношениях между Россией, Персией и Афганистаном и по вопросу об организации управления Закаспийской области; карта района русско-афганской границы. – 25 июля-7 октября 1885.

1.4. Частная коллекция Саеда Исхака Гилани

42. Письмо Абдуррахман-хана вице-королю Индии. Февраль-март 1889 г.

1.5. Опубликованные источники на русском языке

43. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания 1881-1885 гг. // Вестник Европы. 1904. № 10. – С. 445-495.

44. Арандаренко Г.А. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века: журналы командировок Г.А. Арандаренко / предисл. Н.А. Халфина, А.В. Станишевского; Академия наук СССР, Институт востоковедения. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1974. – 142 с.

45. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб: М.М. Стасюлевич. 1889 – 666 с.

46. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией: 1872-1885. – СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1886. – 381 с., 4 л. к.

47. Гродеков Н.И. Через Афганистан: Путевые записки ген. штаба полк. Н.И. Гродекова. – СПб: кн. маг. "Нового времени". 1880. – 130 с.

48. Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний (пер. с польского М.Г. Леонов). М.: Научный мир. 2016. – 264 с.
49. Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром [военно-политический очерк]. Новый Маргелан: Типография ферганского областного правления. 1891. – 60 с.
50. Записки Н.А. фон-Розенбаха. //Русская старина. – 1916. – № 5. С. 172-244.
51. Иванов Д.Л. Шугнан. Афганские очерки. // Вестник Европы. СПб. 1885. – Т. 3. – № 6. – С. 612-658; Т. 4. – №7 – С. 48-97.
52. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1884 год. М.: Издание С.П. Катковой. 1898. – 680 с.
53. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. М.: Издание С.П. Катковой. 1898. – 653 с.
54. Краткий очерк Белуджистана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XL. – СПб: Издание военно-ученого комитета главного штаба. – 1889. – С. 200-209.
55. Лессар П.М. Пути из Асхабада к Герату 1882 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. VI. – СПб: Издание военно-ученого комитета главного штаба. – 1883. – С. 1-39.
56. Лессар П.М. Сведения о Кафиристане. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XXIX. СПб: Издание военно-ученого комитета главного штаба. –1888. – С. 1-39.
57. Лессар П.М. Юго-западная Туркмения 1884 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. СПб: Издание военно-ученого комитета главного штаба. – 1884. – С. 4-138.
58. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. – Т. 2: Русско-Афганская граница. – СПб: В. Березовский. – 1909 – 208 с., 1 л. к.

59. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: путевые очерки. В 3 т. – Т. 3: Бухарско-Афганская граница. – СПб: В. Березовский. 1909 – 208 с.: ил.

60. Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881-1894. / Публ., предисл. и коммент. Н.В. Черниковой. – М.: Новое литературное обозрение. 2018. – 808 с.

61. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. / с предисловием М.Н. Покровского. – М.: Новая Москва. 1924. – 448 с.

62. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. / с приложением писем к В. Кн. Сергею Александровичу и Николаю II. – М.: Новая Москва. 1926. – 382 с.

63. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. Козьменко. – М.: Государственное издательство политической литературы. 1952. – 470 с.

64. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами: в 15 т. – Т. 12 : Трактаты с Англией, 1832-1895 / сост. Ф.Ф. Мартенс. – СПб: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке). 1898. – [4], XIV – 504 с.

65. Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. – № 11. – 1914. – С. 486-518.

66. Чарыков Н.В. Описание поездки по берегам Теджена-Герируда 1884 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб: Издание военно-ученого комитета главного штаба. 1884. – С. 138-171.

67. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). – М.: Новости. 1991. – 464 с.

1.5 Опубликованные источники на английском языке

68. Kennedy R.J. Journey in Khorassan and Central Asia. London: Hatchards, 1890. – 101 p.
69. MacGregor C.M. Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the North-Western Frontier of Afghanistan in 1875: in 2 vol. Vol. 1. London: W.H. Allen & Co, 1879. – 309 p.
70. MacGregor C.M. The Defense of India: a Strategic Study. Simla: Government Central Branch Press. 1884. – 359 p.
71. Robertson S. The Kafirs of the Hindu-Kush. London: Lawrence and Bullen. 1896. – 658 p.
72. Sultan Mahomed Khan M.M. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. London: John Murray. 1900. – 295 p.
73. Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh, London: William Blackwood and Sons. 1888. – 430 p.

1.6. Опубликованные источники на дари

74. Катиб Ф.М. Сирадж ат-Таварих. В 3 т. Т. 3, ч.1. Тегеран: Эрфан. 2014. – 1158 с.

II. Литература

2.1. Литература на русском языке

75. Алексеев А.К. Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: востоковедение и африканистика. – 2009. – № 3. – С. 76-90.

76. Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Отечественная публицистика о российско-британских противоречиях в Средней Азии в конце XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 5. – С. 151–167.
77. Арунова М.Р. Граница России с Афганистаном. – М.: ИВ РАН. – 1998. – 108 с., [1] л. карт.
78. Ахмеджанов Г.А. К русско-афганским отношениям на рубеже XIX-XX веков. // Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII - начале XX века. – Ташкент. – 1963. – С. 231-243.
79. Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. – СПб.: ООО «Издательство «Росток». – 2016. — 360 с.: илл.
80. Базиленко И.В. Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI – начало XX вв.). – СПб: Аргус СПб, 2017. – 432 с.
81. Бартольд В.В. Сочинения. Работы по исторической географии и истории Ирана. В 10 т. – Т. 7. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. – 1971. – 633 с.
82. Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора. // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 86-126.
83. Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. – М.: Мысль. – 1982. – 368 с.
84. Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана (1747-1977). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. – 1985. – 206 с.
85. Гоков О.А. Русская политика в Иране в 1880-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. – 2019. – №1 (13). – С. 37-102.
86. Григорьев С.Е. Россия и Афганистан. История политических связей. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в

Новое время. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт». – 2011. – С. 72-96.

87. Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб: В. Березовский. – 1909. – 380 с., 3 л. карт.
88. Джандосова З.А. Запад наступает с юга и севера. // Родина. – 1999. – № 2. – С. 6-13.
89. История Афганистана. В 2 т. Т. 2. Афганистан в новое время. – М.: Наука, 1965. – 552 с.
90. Ищенко Н.С. «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х гг. // Новая и новейшая история. – 2022 г. – № 4. – С. 72-81.
91. Ищенко Н.С. Афганские оценки государственной принадлежности южных туркменских земель в ходе российско-афганского разграничения 1884-1888 гг. // Восток (Oriens). – 2023. – № 2. – С. 153-164.
92. Ищенко Н.С. Битва при Кушке (1885 года) в переписке Александра III. // Новая и новейшая история. – 2020 г. – № 5. – С. 219-223.
93. Ищенко Н.С. Открытие российского Генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект. // Восток (Oriens). – 2021. – № 6. – С. 168-178.
94. Ищенко Н.С. Российская политика невмешательства в афганские дела в конце 1880-х годов. // Международная жизнь. – 2018 г. – Специальный выпуск. – С. 21-42.
95. Ищенко Н.С. Участие Н.А. Нотовича в англо-русском соперничестве в Афганистане в середине 1880-х гг. // Восток (Oriens). – 2020. – № 6. – С. 78-84.
96. История Афганистана с древнейших времён до наших дней. – М.: Мысль. – 1982. – 368 с.

97. Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П.Мещерского. // Известия Саратовского университета, сер. История. Международные отношения. – 2011. – Т. 11. Вып. 1. – С. 8-15.

98. Колесников А.А. Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. — СПб.: Изд-во «Нестор-История». – 2011. — 364 с., ил.

99. Коргун В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2009. – 320 с.

100. Котляр П.С. Русско-афганские отношения в середине XIX - начале XX века и англо-русское соперничество на Среднем Востоке. // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. – Т. 33. – Вып. 2. – 1962. – С. 57-249.

101. Котов А.Э. М.Н.Катков о модернизации русского флота в 1860-1880-х гг. // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т.19, № 4. – С. 1604-1608.

102. Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н.Каткова: конкуренция за право издания газеты. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2018. – Т.15. Вып. 2. – С. 252-264.

103. Лебедев В.Т. В Индию. Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода. – СПб: Типография А.А. Пороховщикова. – 1898. — 162 с.

104. Лебедева О.В. История дипломатической службы России. – М. Издательство «АспектПресс», 2020. – 320 с.

105. Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдуррахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке. // Восточный архив. – 2008. – № 17. – С. 28-32.

106. Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г. // Восточный архив. – 2015. – №1 – С. 19-22.

107. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб: Э. Гартье, 1880. – 91 с.

108. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. – СПб.: «Северо-Запад Пресс». – 2003. – 429 с.

109. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М.: Красная новь. – 1923. – 392 с.

110. Полунов. А.Ю. От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. // Российская история. – 2022. № 6 (378). – С. 196-207.

111. Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н.Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке вопроса). // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4 (19). – С. 31-36.

112. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке; под редакцией В.С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли. – 2001. – 416 с., 8 л. карт.

113. Почекаев Р.Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций Российской империи (1870-1880-е гг.). // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 171-179.

114. Рабуш Т.В. Российско-афганские отношения в XIX в.: историография вопроса глазами советских исследователей. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII-XIX вв. Сборник научных трудов. – М.: ООО «ОнтоПринт». – 2020. – С. 228-238.

115. Рейснер И.М. Афганистан: с картами и схемами. – М.: Издательство Коммунистической Академии. – 1929. – 267 с.

116. Риштия С.К. Афганистан в XIX веке, пер. с перс. Л.Н. Дорофеевой [и др.]; ред. и предисл. Ю.В. Ганковского. – М.: Издательство иностранной литературы. – 1958. – 487 с., 1 л. карт.

117. Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. Официальная история и историография. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. – 1990. — 144 с.

118. Ромодин В.А. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России. // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1953. – С. 148-184.

119. Ромодин В. А. «Сирадж ат-таварих» (т. III) как источник. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. – Ленинград. – 1968. – С. 42-45.

120. Рудницкий А.Ю. «Большая игра» в центре Азии (Б.Л. Громбчевский и восстание Исхак-хана 1888 г.). // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2014. – № 8. – С. 560-573.

121. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Товарищество научных изданий КМК. – 2012. – 454 с., 8 вкл.

122. Семенов А.А. «Бегство» Абдур-Рахман-Хана из Ташкента в Афганистан. – М. 1910.

123. Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. – СПб: Типография А.С. Суворина. – 1906. – 173 с.

124. Соловьев В.С. Д. Н. Логофет – исследователь Восточной Бухары. // История: факты и символы. – 2015. – Вып. 3 (№ 4). – С. 67-74.

125. Сорока М.Е. Портрет российского дипломата: Павел Михайлович Лессар (1851-1905). // Новая и новейшая история. – 2012. – № 4. – С. 123-126.

126. Стед У.Т. Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой (пер. на русский Е.С. Мосоловой). – Петроград: Типография П. Усова. – 1915. – 220 с.

127. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб: П.П. Меркульев. – 1875 – 361 с.

128. Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.). // Труды Среднеазиатского государственного университета. – 1955. – Вып. 68. – С. 107-127.

129. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). – М.: Издательство восточной литературы. – 1960. – 272 с.

130. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX века). – М.: Соцэкгиз. – 1959. — 210 с.

131. Харатишвили Г.С. Россия и Афганистан. Торгово-экономические и культурные контакты. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт». – 2011. – С. 97-117.

132. Худоназаров Д.Н. Дмитрий Иванов – первый русский исследователь Памира. // Кунсткамера. – 2019 – № 2 (4). – С. 216-227.

133. Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва (из воспоминаний о походе генерала А.В.Комарова 1885 г.). // Исторический вестник. № 11. 1914. – С. 486-518.

134. Чернов О.А. Н.В.Чарыков о влиянии ислама на развитие Средней Азии во второй половине XIX века. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 219-221.

135. Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. – СПб: Общественная польза. – 1885. — 196 с.

2.2. Литература на английском языке

136. Bellew H.W. The races of Afghanistan: being a brief account of the principal nations inhabiting that country. Calcutta: Thacker, Spink and Co.; London: Thrubner and Co, W. Thacker and Co. 1880. – 124 p.

137. Kakar M.Hassan. A Political and Diplomatic History of Afghanistan 1863-1901. Leiden; Boston: Brill. 2006. – 259 p.

138. Krausse A.S. Russia in Asia; a record and a study, 1558-1899. London: G. Richards; New York: H. Holt and Co. 1899. – 393 p.

139. Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860-1917. London: Routledge. 2006. – 279 p.

140. Sykes P. A. History of Afghanistan: in 2 vol. Vol 2. London: MacMillan & Co. 1940. – 414 p.

141. French P. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. London: HarperCollins. 2004. – 480 p.

2.3. Литература на дари

142. Адамек Л. Тарих-е Равабет-е Сияси-е Афганестан аз Заман-е Амир Абдуррахман-хан та Эстеклаль (пер. на дари Али Мохаммад Захмад). Кабул: Афган Кетаб. 1971. – 300 с.

143. Бухараи М.Ш. Тарих-е Бухара, Хоканд ва Кашгар. Тегеран: Мирас Мактуб. 1998. – 340 с.

144. Губар М.Г.М. Афганистан дар масир-е тарих: в 2 ч. Кабул: Сарвар Саадат. 2015. – 1412 с.

145. Муниб А. Тарих-е Моасер-е Афганистан: учебное пособие [2-е изд.]. Кабул. 2015. – с.

146. Фаррох С.М. Тарих-е Сияси-е Афганистан: в 2 т. Т. 2. [2-е изд.]. Кум: Сахафи Ахсани. 2003. – 582 с.

147. Фарханг М.М.С. Афганистан дар Пандж Карн-е Ахир. [24-е изд.] Кабул: Майванд, 2013. – 1328 с.

2.4. Литература на пушту

148. Вардак Г.В. Дэ Афганистан пэ Шомали Велайято ке дэ Пахтано Остогандзи. Лахор: Меллят Принтерз. 1994. – 387 с.

149. Какахейль Б.З. Пахтанэ дэ Тарих пэ Рана ке. [7-е изд.]. Лахор: Юниверсити Бук Эдженси, 2009. – 1128 с.

III. Периодические издания

150. Правительственный вестник. – 1885. – № 83, 17 (29) апреля.

151. Правительственный вестник. – 1885. – № 95, 1 (13) мая.

152. Правительственный вестник. – 1885. – № 112, 26 мая (7) июня.

153. Правительственный вестник. – 1885. – № 142, 2 (14) июля.

154. Правительственный вестник. – 1885. – № 186, (4) сентября.

155. Правительственный вестник. – 1885. – № 191, (12) сентября.

156. Правительственный вестник. – 1885. – № 199, 23 сентября.

157. Правительственный вестник. – 1885. – № 203, 26 сентября.

158. Правительственный вестник. – 1885. – № 206, 2 октября.

159. Русский инвалид. – 1885. – № 86, 20 апреля (2 мая).

160. Русь. – 1885 – № 3, 19 января.

161. Русь. – 1885 – № 7, 17 августа.

162. Русь. – 1885. – № 23, 6 декабря.

163. Русь. – 1885. – № 24, 14 декабря.

IV. Диссертации

164. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.): специальность: 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. А.Г. Тимошенко; Томский государственный университет. – Томск. – 2008. – 249 с.

165. Лисицына Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е-1907 гг.): специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. В.И. Шеремет; Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. – Москва. – 2016. – 268 с.

166. Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX — начале XX века: специальность: 07.00.03 «Всеобщая история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук; науч. рук. Д.А. Макеев; Владимирский государственный гуманитарный университет. – Владимир. – 2009 г. – 238 с.

Приложение

Текст письма начальника Закаспийской области генерала А.Н. Куропаткина на имя губернатора Герата кази Саадуддин-хана о кончине Александра III и восшествии на престол Николая II.

Прибыв на Кушкинский пост (Гумбули) для осмотра войск и населения, я считаю необходимым уведомить Вас, моего уважаемого соседа, о следующем: Господу Богу было угодно призвать к себе душу Благочестивого Великого Государя нашего Императора Александра III Александровича. По нашим законам на престол Российский вступил старший сын покойного Государя, ныне начавший благополучно царствовать Император Николай II Александрович. Наследником престола пока Бог благословит нашего Государя дарованием ему сына, объявлен брат Государя Георгий Александрович.

В изданном манифесте вступивший на престол Государь Николай Александрович возвестил всем своим подданным и всему миру, что покойный Великий Родитель завещал ему следовать начертанным им путем, положить заботы всей жизни на блага и счастья подданных и для поддержания мира.

Такие горестные дни, переживаемые Россиею, я уверен, вызовут сочувствие и в афганском народе.[592]

Перевод ответного письма губернатора Герата кази Саадуддин-хана на имя начальника Закаспийской области генерала А.Н. Куропаткина.

После выполнения дружеского и соседского привета, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что письмо Ваше, посланное 12 числа месяца Джемади уль-Эвелла /30 октября 1894 г./[593] мною получено, и содержание

---

[592] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. № 822. Об отправлении начальником Закаспийской области посланца Таш-Назара в Герат с известием о кончине императора Александра III и о восшествии на престол императора Николая II. – 1895. Л. 11.

[593] 12 джумада аль-уля 1312 г. л.х. - 10 ноября 1994 г.

оного стало понятным. Письмо это, заключающее в себе сведения: о кончине в Бозе почившего Его Величества Великого Государя Императора Александра III Александровича и о вступлении на Всероссийский Престол законного Наследника и Сына Его Величества Николая II Александровича сначала беспредельно опечалило меня с сердечным соболезнованием Превысокообожаемого Русского Монарха, но потом, приняв во внимание, что на свете нет ничего вечного, кроме Единого Бога, что всякое живое существо непременно должно вкусить из чаши смерти и что ни коим образом никто не может быть освобожден от этого, то поневоле приходится покориться Всевышней воле. Узнав о том, что законный Наследник и Сын Покойного Государя Императора вошел на Всероссийский Престол, осенив Империю Своим Высоким управлением, постигшее тяжелое горе сменилось сердечною радостью. Искренно благодарю Ваше Превосходительство о сообщении мне по соседству о вышесказанных событиях.

При этом из означенного письма Вашего я убедился, что вновь благополучно Царствующий Государь Император, согласно данному Высочайшему Манифесту, заботясь об интересах и благосостоянии верноподданных своих, соизволил объявить, что Его Величество будет поступать по заветам Покойного Родителя Своего с сохранением общего мира, как в Империи, так и в сопредельных государствах.

В виду того, что волею Всемогущего Господа Бога, Государи-Цари поставлены над многочисленными народами, благосостояние их вручено волям этих Царей, которые озабочены о благополучном состоянии народов своих. Конечно, и Государь Император, при милосердии своем предан приведению в исполнение завета покойного Императора для отвращения неприязни и укрепления мира в общих интересах, дабы упрочить дружеские и соседственные отношения с таким Великим Могущественным Государством.

Более не утруждаю Ваше Превосходительство и остаюсь в надежде обрадовать себя дальнейшими известиями о здоровье Вашем. 3 декабря 1894 г.[594]

[594] АВПРИ. Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. № 822. Об отправлении начальником Закаспийской области посланца Таш-Назара в Герат с известием о кончине императора Александра III и о восшествии на престол императора Николая II. – 1895. Л. 12.